

ТИГР

СНЕГОВ

Annotation

29 мая 1953 года два альпиниста, Эдмунд Хиллари и Тенцинг Норгей, впервые вступили на вершину Эвереста. Данная книга представляет собой автобиографию Тенцинга, записанную с его слов Джеймсом Рамзаем Ульманом.

- [Тенцинг Норгей, Джеймс Ульман](#)
  - [ДЖЕНТЛЬМЕН С ЧОМОЛУНГМЫ](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)

- [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
-

**Тенцинг Норгей, Джеймс
Ульман
Тигр снегов**

*ЧОМОЛУНГМЕ от имени всех шерпов и
всех восходителей мира.*

Тенцинг

ДЖЕНТЛЬМЕН С ЧОМОЛУНГМЫ

Около полудня 29 мая 1953 года два альпиниста, Эдмунд Хиллари и Тенцинг Норгей^[1], вступили на вершину Эвереста и провели там пятнадцать минут. Подобно всем покорителям вершин, они пожали друг другу руки, сделали снимки и полюбовались на открывающийся сверху вид, после чего направились в обратный путь. А там, внизу, их ожидала новая жизнь. В особенности это относилось к Тенцингу. Он вышел на штурм Эвереста простым человеком, а вернулся героем. И ему, как многим другим до него, предстояло познать все радости и все испытания, связанные со званием героя.

Жителю Запада трудно представить себе, что значит сегодня Тенцинг для людей Востока. Напрашивается сравнение с Чарлзом Линдбергом; однако даже Линдберг в расцвете своей славы не был предметом подлинного поклонения. Между тем Тенцинг в глазах миллионов жителей Востока — живое божество, воплощение Шивы или Будды. Для других миллионов, достаточно искушённых, чтобы не смешивать людей с богами, он исключительно выдающийся смертный человек. В прямом и переносном смысле Тенцинг, взойдя на Эверест, поднялся к самому

небу; в сущности, он первый в истории Азии человек из простого народа, который завоевал всемирную известность и славу. Жители Азии увидели в его подвиге не только победу над величайшей вершиной, но радужное предзнаменование для себя и всей своей расы. Уже сегодня имя Тенцинга вошло в сказания и песни, которые можно услышать во всех уголках Востока. Уже сегодня оно овеяно легендами и мифами.

Вот он стоит на снегу в кислородной маске — Тенцинг-герой, легендарный Тенцинг, безличный символ, вздымающий ввысь флаги на вершине земли. Вполне возможно, что именно этот образ сохранится в памяти людей дольше всего. Однако под кислородной маской и ватной одеждой скрывается и другой Тенцинг — именно об этом Тенцинге, а не о всеми восхваляемом победителе рассказывает он сам в своей книге. «Я остаюсь все тем же старым Тенцингом», — заключает он. И это верно, на наше счастье, потому что «старый Тенцинг», не «легендарный», не «знаменитый», представляет сам по себе примечательную личность.

Покорителя Эвереста описывают обычно неказистым, но это неверно. Возможно, он кажется таким рядом с высоченным Хиллари; в действительности Тенцинг сильный, пропорционально сложенный человек выше среднего роста. Слово «неказистый» неприменимо и к его душевному складу. Нет в нем ни узости, ни ограниченности, ни провинциальности — ничего того, с чем принято связывать представление о деревенском жителе или горце. Это же можно сказать в известной мере обо всем племени шерпов.

Шерпы ведут самый простой образ жизни и в большинстве своём неграмотны (так как не существует шерпской письменности), тем не менее благодаря особому роду работы и давнему контакту с внешним миром они стали цветом гималайских горцев. Тенцинг

цвет этого цвета. У него приятная внешность, складная фигура. Лицо подвижное, глаза живые и ясные, острый язык и ум, обаятельная улыбка. Пусть его любимый напиток — чай или шерпский чанг, сам же он шампанское. Наделённый светлой и лёгкой душой, он весь бурлит энергией. Ему присуще то неуловимое качество, которое можно назвать породой.

Теперь Тенцинг немало поездил. Он узнал разные страны и разные языки. Он любит хорошую еду, хорошую одежду, благоустроенную жизнь, веселую компанию. Он очень любознателен и жаждет на новые впечатления. Впрочем, некоторые приобретённые Тенцингом привычки не помешали ему сохранить в неприкосновенности свои природные качества. В нем нет и намёка на фальшь и чванливость, которые так часто сопутствуют неожиданному успеху. «Старый» и «новый» Тенцинг в одинаковой мере отличаются тактом и сознанием собственного достоинства, вежливостью и благородством. Он не только прирождённый альпинист, но и врождённый джентльмен.

В его новом доме в Дарджилинге жизнь бьёт ключом. Заправляет всем жена Тенцинга, Анг Ламу, полная, по-девичьи смешливая, подвижная женщина с пронзительными глазами. С ними живут две дочери, две племянницы, сколько-то сестёр и зятьёв, да ещё в доме постоянно находятся гости и родственники этих гостей, которые приходят и уходят, когда им заблагорассудится. Повсюду собаки. На столах и на стенах — альбомы вырезок, фотографии, памятные вещицы. Нередко сверху, со второго этажа, доносится молитвенное пение и звон колокольчика: там находится буддийская молельня, которой заведует один из зятьёв, лама. В первом этаже в любое время дня обязательно кто-нибудь пьёт чай.

И в центре всего этого сам Тенцинг, оживлённый, приветливый, немного смущённый всем происходящим.

Иногда кажется, что он говорит одновременно на нескольких языках. Его тёмные глаза сияют, сверкают крепкие белые зубы. Вы невольно обращаете внимание на эти зубы, потому что он часто улыбается.

Часто, но не всегда. Бывает, что улыбка сходит с его лица. Внешний мир вторгается в его жилище настойчиво, неумолимо: толпы почитателей становятся слишком назойливыми. Любопытные и преклоняющиеся, завистники и искатели наживы окружают Тенцинга сплошным кольцом, и кажется, что и сам он и его дом вот-вот будут сокрушены их напором. Был случай, когда Тенцинг не выдержал всего этого и серьёзно заболел. Впоследствии натиск немного поослаб, однако по-прежнему бывает, что он принимает угрожающий характер. В такие моменты покоритель Эвереста сразу перестаёт быть самим собой. Непринуждённость сменяется связанностью. Плотно сжатые губы, глаза затравленного зверя... Так и кажется, что он сейчас повернётся и убежит вверх по горному склону, подобно «ужасному снежному человеку».

Тенцинг расплачивается за свою славу, расплачивается сполна. Говоря его словами, он зверь в зоопарке, рыба в аквариуме. И если этот аквариум выставляет Тенцинга на всеобщее обозрение, то держит его в то же время на положении узника. Другие шерпы, его друзья, уходят в новые и новые экспедиции, но Тенцинг не идёт с ними больше. Ему теперь живётся лучше, чем им, но в то же время и хуже: среди толпы и шума он одинок. Тенцинг расплачивается не только за славу, но и за то, что он именно таков, каков он есть. Не будь Тенцинг так интеллигентен и чуток, он был бы счастливее.

Подобно большинству своих соплеменников, Тенцинг не имеет систематического образования. Однако его познания о мире и людях, наблюдательность и верность суждений могут

заставить покраснеть многих людей, прошедших через машину высшего образования. Это особенно отчётливо проявляется в отношении Тенцинга к политическим фокусам и разного рода попыткам использовать его имя после того, как он вернулся победителем Эвереста. Он не хочет выступать сторонником какого-либо направления или определённой пропаганды, расовых предрассудков или крикливого национализма. Какой бы ярлык ни пытались наклеить на него, он остаётся просто человеком.

Жизнь полна случайностей. Есть много случайных героев, маленьких, рядовых людей, которым посчастливилось оказаться в надлежащий момент в надлежащем месте и которых обстоятельства выдвинули на мировую арену. Но шерпа Тенцинг Норгей не относится к таким людям. Каждый, кто прочтёт эту книгу, увидит, что не случайно именно он взошёл на вершину Эвереста. Когда-то Уильям Блэйк писал: «Тигр! Тигр! яркий пламень...»; однако созданный воображением поэта король лесов был не ярче, чем живой, настоящий «тигр снегов» нашего времени. В душе Тенцинга горит пламя, удивительно яркое и чистое, которого не может погасить никакая буря ни в природе, ни в обществе. Мечта и влечение, воля к борьбе, гордость и скромность — вот что зажгло его душу, причём в конечном счёте, когда цель была достигнута, победа завоёвана, на первом месте оказалась скромность. Когда Тенцинг ступил на вершину мира, его сердце наполнила благодарность Эвересту. Сегодня он мечтает о том, чтобы и в будущем его жизнь была достойной Эвереста. Если все сказанное выше заставит читателя подумать, что я до некоторой степени влюблён в Тенцинга, то именно к такому впечатлению я и стремился. Конечно, горы, а также люди, поднимающиеся на них, вообще моя слабость, однако мне кажется, что, не будь этой слабости, не

знай я ничего об Эвересте, я все равно не смог бы пройти мимо редких замечательных качеств этого человека.

Как он сам говорит в конце, рождение книги было сопряжено с известными трудностями. Немало затруднений пришлось преодолеть, прежде чем мы смогли собраться вместе в его доме в Дарджилинге. Но в конце концов мы встретились. Результат перед вами. И независимо от того, как будет оценено наше сотрудничество, я уже полностью вознаграждён, потому что ещё ни одна работа не приносила мне такого удовлетворения. Я не считал часов, которые мы провели вместе, но их были сотни — сначала в Индии, потом в Швейцарских Альпах, где Тенцинг побывал летом 1954 года. В трудных случаях нам помогал его преданный друг, ассистент и переводчик Рабиндранат Митра. Впрочем, Тенцинг сейчас и сам прекрасно объясняется по-английски, так что он смог рассказать немалую часть своей истории без перевода. История эта по своей природе и в полном соответствии с природой самого рассказчика очень проста. В ней нет, во всяком случае насколько я вижу, никаких фрейдовских мотивов. И читатель может не сомневаться, что Тенцинг всегда и во всем искренен, говорит ли он о людях, о горах или о боге. Горы и бог, как вы быстро обнаружите, прочно связаны в его понимании между собой, и внутреннее слияние Тенцинга с ними стало настолько тесным, что порой их трудно разъединить. Он поднимался на высокие горы с таким чувством, словно совершал паломничество к святым местам или возвращался в родной дом. По мере того как тело Тенцинга приближалось к вершине, душа его приближалась к богу.

«Что заставляет человека штурмовать вершины?» — гласит старый вопрос. Многие поколения белых людей тщетно пытались найти ответ. Что касается Тенцинга,

то не надо искать никаких слов: вся жизнь его служит ответом.

На этом кончаются вводные замечания записавшего ниже следующие строки. Пора ему удалиться в тень, пусть Тенцинг сам рассказывает историю своей жизни. Это история героя, не выдуманного, не поддельного, не случайного — подлинного героя. Мне кажется, однако, что этим не ограничивается значение книги: это история члена нашей великой человеческой семьи, которым мы все можем гордиться.

Джеймс Рамзай Ульман

1

ПУТЬ БЫЛ ДОЛОГ

Мне часто вспоминается то утро в лагере IX. Мы с Хиллари провели ночь в маленькой палаточке на высоте 8400 метров — наибольшей высоте, на какой когда-либо спал человек. Ночь была холодная. Ботинки Хиллари задубели от мороза, да мы и сами почти окоченели. Но когда мы на рассвете выползаем из палатки наружу, ветра почти нет. Небо ясное и безоблачное. Это хорошо.

Мы смотрим вверх. Неделю за неделей, месяц за месяцем мы только и делаем, что смотрим вверх. Вот она, вершина Эвереста! Но теперь она выглядит иначе, до неё так близко, рукой подать — всего триста метров. Это уже не мечта, реющая высоко в облаках, а нечто реальное, осязаемое — камень и снег, по которым может ступать нога человека. Мы собираемся в путь. Мы должны взять вершину. На этот раз мы с божьей помощью достигнем цели.

Затем я смотрю вниз. Весь мир раскинулся у наших ног. На запад — Нуптсе, на юг — Лхотсе, на восток — Макалу, высокие горные вершины, а за ними выстроились сотни других, и все они под нами. Прямо вниз по гребню, шестьюстами метрами ниже, находится

Южное седло, где ожидают наши друзья: сагибы Лоу и Грегори и молодой шерпа Анг Ньима. Они помогли нам вчера добраться до лагеря IX. За седлом видна белая стена Лхотсе, а у её подножья — Западный цирк, где остались в базовом лагере остальные участники экспедиции. От Западного цирка вниз идёт ледопад, ещё дальше простирается ледник Кхумбу. Я вижу, что Хиллари тоже смотрит в ту сторону, и показываю рукой. Ниже ледника, в 4800 метров под нами, еле виднеется в сумеречном свете старинный монастырь Тьянгбоче.

Для Хиллари это, вероятно, мало что значит. Для человека с Запада это всего лишь незнакомое уединённое место в далёкой незнакомой стране. А для меня это родина. За Тьянгбоче раскинулись долины и деревни Соло Кхумбу; в этом краю я родился и вырос. По крутым горным склонам над ними я лазил мальчишкой, когда уходил пасти отцовских яков. Мой родной дом совсем близко отсюда. Кажется, можно протянуть руку и дотронуться до него. Но в то же время он так далёк, гораздо дальше чем 4800 метров. Когда мы навьючиваем на себя кислородные баллоны, я вспоминаю мальчика, до которого так близко и вместе с тем так далеко, который никогда и не слышал о кислороде, но тем не менее смотрел на эту гору и мечтал.

Затем мы с Хиллари поворачиваемся лицом к вершине и начинаем подъем. Много километров и много лет прошёл я, чтобы очутиться здесь.

Я счастливый человек. У меня была мечта, и она осуществилась, а это не часто случается с человеком. Взойти на Эверест — мой народ называет его Чомолунгма — было сокровеннейшим желанием всей моей жизни. Семь раз я принимался за дело; я терпел неудачи и начинал сначала, снова и снова, не с чувством ожесточения, которое ведёт солдата на врага,

а с любовью, словно дитя, взбирающееся на колени своей матери.

Теперь наконец-то на мою долю выпал успех, и я выражаю свою благодарность. «Туджи чей» — так принято говорить у народа шерпа — «благодарю». Поэтому я посвятил своё повествование Чомолунгме: она дала мне все. Кому же ещё посвящать его?

Судьба была ко мне благосклонна. Но многого я лишён, и чем больше я узнаю свет, тем яснее вижу это. Я неграмотен. Мне очень бы хотелось многому научиться, но, когда тебе сорок лет, учиться уже поздно. Моим дочерям будет лучше. Они учатся в хорошей школе и получают образование, отвечающее современным требованиям. Я говорю сам себе: «Не можешь же ты иметь все. И ты ведь умеешь писать своё имя». После взятия Эвереста я написал своё имя столько раз, что большинство людей, наверное, за всю свою жизнь не напишут столько слов.

Как ни странным это может показаться, но у меня много книг. В детстве я их совершенно не видел, разве что иногда в каком-нибудь монастыре; но, став взрослым и побывав в разных экспедициях, я немало услышал и узнал о книгах. Многие люди, с которыми я ходил по горам и путешествовал, написали книги. Они прислали их мне, и хотя я сам не могу читать, я понимаю, что в них говорится, и дорожу ими. И вот мне захотелось самому написать книгу. Книга, по-моему, — это то, чем был человек и что он сделал за свою жизнь. Перед вами моя книга. Это рассказ обо мне. Это я сам.

Прежде всего я должен кое-что разъяснить. Язык шерпа, мой родной язык, не имеет письменности, поэтому у нас не сохранилось никаких официальных записей. К тому же счёт времени вёлся у нас по тибетскому календарю. Таким образом, я не могу поручиться за точность всех фактов и дат, относящихся к моей молодости. Когда я работал в горах, я, к

сожалению, не мог вести дневника и поэтому не всегда уверен, как надо писать имена друзей, с которыми совершал восхождения. Я сожалею об этом и надеюсь, что они извинят меня, если обнаружат ошибки. Я шлю всем товарищам по восхождениям свою благодарность и горячий привет.

Даже с моим собственным именем — оно несколько раз изменялось — было немало путаницы. Когда я родился, меня называли совсем не Тенцингом. Об этом я ещё расскажу позже. В разное время моё теперешнее имя писалось на западных языках когда с «s», когда с «z», когда без «g» на конце. Второе имя тоже менялось: сначала я был Кхумжунь (по названию одной шерпской деревни), потом Ботиа (тибетец) и, наконец, стал Norkey или Norkey, а также Norgya или Norgay (в переводе это значит «богатый» или «удачливый», что не раз заставляло меня улыбаться). Я и сам путался то и дело, но как быть, если нет официальных записей, и как писать на языке, который не знает письменности.

По-настоящему моя фамилия, или название моего рода, Ганг Ла, что означает на языке шерпа «снежный перевал», однако мы обычно не пользуемся фамилиями, и единственное употребление, которое я сделал из своей — назвал ею свой новый дом в Дарджилинге. У нас есть свои учёные, ламы; они объяснили мне, что правильнее всего писать моё имя Tenzing Norgay. На этом написании я и решил остановиться. В официальных случаях я часто добавляю на конце слово «шерпа», чтобы было понятнее, о ком идёт речь, и как дань уважения моему народу. Но дома и в кругу друзей меня зовут просто Тенцинг; надеюсь, что это так и останется и я не услышу, проснувшись в одно прекрасное утро, что я кто-то другой.

Много имён — много языков. Это характерно для той части мира, в которой я живу. Как известно, найти единый язык для многочисленных народов Индии —

одна из труднейших задач этой страны. Чуть ли не в каждом уезде говорят на своём языке.

А так как я много путешествовал, то стал, несмотря на неграмотность, настоящим полиглотом. Ещё в детстве я выучился говорить на тибетском языке (на обоих диалектах — северном и южном), от которого происходит мой родной язык — шерпский. Свободно объясняюсь по-непальски, и это понятно: ведь Соло Кхумбу находится в Непале, недалеко от Дарджилинга, где я живу уже много лет. Классическому хинди я не учился, но могу объясняться на хиндустани, представляющем собою смесь хинди и урду и довольно сходном с непальским. Кроме того, я немного знаком с другими языками, например пенджабским, сиккимским, гархвали, ялмо (употребляется в Непале), пасту (употребляется в Афганистане), читрали (на нем говорят в Северо-Западной пограничной области), знаю по нескольку слов на многочисленных языках Южной Индии, но всем этим я пользуюсь только во время путешествий. Дома, в кругу семьи, я обычно разговариваю на шерпском языке, а с другими людьми в Дарджилинге чаще всего говорю по-непальски.

Ну и, конечно, ещё западные языки. Много лет я ходил по горам с английскими экспедициями, знал немало англичан, живших в Индии, и говорю теперь по-английски настолько уверенно, что смог рассказать без переводчика большую часть настоящего повествования. Приходилось мне путешествовать и с людьми других национальностей, и я не всегда оставался немым. Французский? — «*Ca va bien, mes braves!*» Немецкий? — «*Es geht gut!*» Итальянский? — «*Molto bene!*» Может быть, это даже к лучшему, что мне не пришлось сопровождать польские или японские экспедиции, не то бы я, пожалуй, слегка помешался.

Я много путешествовал. Путешествовать, передвигаться, ездить, смотреть, узнавать — это у меня

словно в крови. Ещё мальчишкой, живя в Соло Кхумбу, я как-то раз удрал из дому в Катманду, столицу Непала. Потом удрал снова, на этот раз в Дарджилинг. А из Дарджилинга я на протяжении более чем двадцати лет ходил с экспедициями во все концы Гималаев. Чаще всего — в лежащий поблизости Сикким и обратно в Непал, нередко в Гархвал, Пенджаб и Кашмир. Случалось ходить и подальше: к афганской и к русской границам, через горы в Тибет, в Лхасу и за Лхасу. А после взятия Эвереста мне пришлось побывать ещё дальше: я изъездил почти всю Индию, и южную и северную, летал в Англию, дважды посетил Швейцарию, провёл несколько дней в Риме. Правда, я ещё не видел остальной части Европы и Америку, но надеюсь скоро получить такую возможность. Путешествовать, познавать и изучать — значит, жить. Мир велик, и его не увидишь сразу весь, даже с вершины Эвереста.

Я сказал, что я счастливый человек. Далёко не всем шерпам так везло, как мне, — многие из них погибли от болезни или во время несчастных случаев в горах. Конечно, и со мной бывали несчастные случаи, но серьёзного ничего не было. Я никогда не падал с обрывов и не обмораживался. Кто сильно потеет, легко обмораживается, но я никогда не потею во время восхождения; а в лагере, когда нам положено отдыхать, тоже стараюсь двигаться. Обмораживается тот, кто сидит и ничего не делает. Трижды я попадал в лавины, но они были неопасны. Один раз потерял очки на снегу и сильно помучился с глазами из-за ослепительного солнца; с тех пор я всегда ношу с собой две пары тёмных очков. Другой раз я сломал четыре ребра и вывихнул коленные суставы, но это было во время лыжной прогулки, а не в горах. Единственное настоящее повреждение в горах я получил, когда

пытался задержать падающего товарища и сломал палец.

Говорят, что у меня «трое лёгких» — так легко я переношу большие высоты. Это, конечно, шутка. Вместе с тем я готов допустить, что лучше приспособлен для высот, чем большинство других людей, что я действительно рождён быть альпинистом. Во время восхождения я передвигаюсь в ровном, естественном для меня ритме. Руки у меня обычно холодные, даже в жару, и сердце, по словам врачей, бьётся очень медленно. Большие высоты — моя стихия, там я чувствую себя лучше всего. Когда я недавно ездил в Индию, то заболел из-за духоты и тесноты так, как никогда не болел в горах.

Да, горы были добры ко мне. Я был счастлив в горах. Посчастливилось мне и в отношении людей, с которыми я ходил в горы, товарищей, с которыми вместе боролся и побеждал, терпел неудачи и добивался успеха. Среди них — мои друзья шерпы, родством с которыми я горжусь. Среди них — индийцы и непальцы и другие жители разных стран Азии. Среди них люди с Запада: англичане, французы, швейцарцы, немцы, австрийцы, итальянцы, канадцы, американцы, а также новозеландцы. Встречи, знакомство и дружба с ними занимают большое место в моих воспоминаниях. Для того чтобы стать друзьями, не обязательно быть похожими между собою. Раймон Ламбер, с которым мы чуть не взяли Эверест в 1952 году, швейцарец и говорит по-французски. Мы могли объясняться лишь с помощью немногих английских слов и многочисленных жестов, однако мы с ним такие друзья, как если бы выросли в одной деревне.

Никто из нас небезупречен. Мы не боги, а всего лишь обыкновенные люди, и случается, что во время экспедиций возникают осложнения. Такие осложнения имели место и во время последней английской

экспедиции 1953 года, я этого не отрицаю. Однако из-за того, что экспедиция так прославилась, значение этих недоразумений было сильно преувеличено. Посторонние люди стали преднамеренно извращать истину. В своей книге я не буду ни преувеличивать, ни жаловаться, ни возмущаться, ни извращать. Слишком велик Эверест, слишком дорога мне память о нашем восхождении. Я буду говорить только правду, а правда заключается в том, что происходившие между англичанами и азиатами недоразумения — ничто в сравнении с теми узами, которые связывали нас. Это были узы общей цели, любви и преданности. Те самые узы, которые связывают всех альпинистов мира, делают их братьями.

Политика, национальность — как много шума поднимают вокруг этих понятий! Не в горах, разумеется; там для этого жизнь слишком непосредственна и смерть слишком близка, там человек есть человек, обыкновенный смертный, и больше ничего. Зато потом начинается — политика, споры, раздоры... Не успел я спуститься с Эвереста, как почувствовал это и сам. Тридцать восемь лет я жил, и никому не было дела до моей национальности. Индеец, непалец, тибетец — какая разница? Я был шерпа, простой горец, житель великих Гималаев. И вот на тридцать девятом году моей жизни меня вдруг принялись тянуть и дёргать в разные стороны, словно я не человек, а кукла, подвешенная на верёвочке. Первым на вершину обязательно должен был взойти я — на ярд, на фут, хотя бы на дюйм раньше Хиллари. Одним хотелось, чтобы я был индеец, другим — непалец. Никого не интересовала истина, никого не интересовал Эверест — только политика! И мне стало стыдно.

О взятии вершины я расскажу позже. Что же касается национальности и политики, могу лишь повторить то, что я сказал тогда же.

Одни называют меня непальцем, другие — индийцем. Я родился в Непале, но теперь живу в Индии вместе с женой, дочерьми и матерью. Индиец, непалец — я не вижу никакой разницы. Я шерпа, непалец, но считаю себя также и индийцем. Все мы члены одной большой семьи — Хиллари, я, индийцы, непальцы, все люди на свете.

Да, это был долгий путь... От подножья Эвереста до вершины. От горных пастбищ Соло Кхумбу до особняка Неру и Букингемского дворца. От кули, простого носильщика, до носителя орденов, который путешествует на самолётах и озабочен подоходным налогом. Подобно всем путям, он был порой тяжёл и горек; однако, как правило, все шло хорошо. Потому что это был большой путь, горный путь.

И куда бы ни заводил меня мой жизненный путь, он всегда возвращал меня в горы. Горы для меня все. Я знал это, чувствовал всем своим существом в то голубое майское утро 1953 года, когда мы с Хиллари взошли на вершину мира. Подобно буддийскому колесу жизни, моя жизнь совершила свой великий оборот. Много лет назад маленький пастушонок смотрел на большую гору и мечтал... И вот я снова вместе с Эверестом, с Чомолунгмой из детской мечты.

Только теперь мечта стала явью.

2

НИ ОДНА ПТИЦА НЕ МОЖЕТ ПЕРЕЛЕТЕТЬ ЧЕРЕЗ НЕЁ

Удивительное дело с этим словом «шерпа». Многие думают, что оно означает «носильщик» или «проводник», потому что слышат его только в связи с горами и экспедициями. Между тем это совсем не так. Шерпа — название народа, племени, обитающего в высокогорной области Восточных Гималаев. Сведущие люди говорят, что нас насчитывается около ста тысяч.

Шерпа значит «человек с востока». Но все, что известно на сегодня о нашем прошлом, — это, что мы монгольского происхождения и наши предки давным-давно переселились из Тибета. Мы и сейчас во многом ближе к тибетцам, чем к любой другой народности. Наш язык сходен с тибетским (только у нас нет письменности), похожи также одежда, пища, обычаи; последнее относится особенно к тем шерпам, которые мало соприкасались с внешним миром. Очень тесно нас связывает религия: подобно тибетцам, мы буддисты. Хотя в Тибете теперь уже нет шерпских деревень, часть нашего племени принадлежит к приходу большого монастыря в Ронгбуке, по ту сторону Эвереста, и между этим монастырём и нашим собственным в Тяньгбоче происходит довольно оживлённое сообщение.

А ещё у нас ходит много торговых караванов. И вот что примечательно: хотя Тибет стал теперь коммунистическим, а Непал нет, здесь продолжается свободная торговля и не требуется паспортов, чтобы переходить границу. Все прочее меняется, но жизнь на высоких гималайских перевалах течёт по тому же руслу, что и тысячи лет назад.

Через эти перевалы прошли когда-то на юг предки шерпов и поселились в северо-восточном Непале, там, где находится наша нынешняя родина — Соло Кхумбу. Мы обычно говорим «Соло Кхумбу» так, словно это одно место, на деле же есть область Соло и другая — Кхумбу. Первая расположена южнее и ниже, там земледелие и образ жизни ближе к непальскому. Вторая находится очень высоко, у самого подножья великих гор, и сохраняет много общего с Тибетом. Как и большинство других шерпов-восходителей, я родился в этой северной области, Кхумбу.

Через Соло Кхумбу протекает Дуд Коси, или «Молочная река»; она собирает много притоков из снежников вокруг Эвереста. Глубокие долины и ущелья этой реки связывают нас с остальным Непалом. В холодные зимы и во время летних муссонов, когда непрерывно льют дожди, путь этот страшно труден. Впрочем, даже в наиболее благоприятные времена года — весной и осенью — уходит около двух недель на то, чтобы добраться до Катманду в центре Непала или оттуда к нам. А так как даже Катманду почти отрезан от остального мира, то легко понять, что наше Соло Кхумбу — очень глухое место с примитивными условиями жизни.

За последние годы Непал начал открываться для внешнего мира, сделано очень многое для того, чтобы преобразовать страну в современном духе. Сейчас существует только два резко различных способа попасть из Индии в Катманду: либо пешком, либо на

самолёте. Но уже через горы прокладывают шоссе, и скоро впервые можно будет проехать на автомобиле. Намечается также соорудить большую плотину в южном течении Коси. Правда, она будет расположена в Индии, но окажет большое влияние на земледелие Непала. Пришёл черёд и Непалу измениться, подобно всему остальному миру. Однако до Соло Кхумбу все ещё далеко, и я думаю, что пройдет много лет, прежде чем туда протянется автострада.

Моя родина сурова и камениста, суров и климат, тем не менее у нас есть земледелие и скотоводство. Пшеница выращивается до высоты 2400—3000 метров (главным образом в Соло), ячмень и картофель — до 4200 метров. Важнейшая культура — картофель, он составляет основную часть нашего питания, вроде как рис у индийцев и китайцев. Часть земли находится в общинном владении, есть и частные земли. Многие семьи имеют землю в разных местах и переезжают по мере смены времён года с одних высот на другие, чтобы сеять и собирать урожай. Переезжать приходится также и за стадами, которые состоят из овец, коз и яков. Як — основа существования не только шерпов, но и всех жителей Гималайского высокогорья. Он даёт почти все необходимое для того, чтобы накормить человека и согреть его: шерсть для одежды, кожу для обуви, навоз для топлива, молоко, масло и сыр для питания, а иногда даже и мясо — хотя мне, возможно, не следовало говорить об этом, потому что более строгие буддисты осудят нас.

Соло Кхумбу вполне обеспечивает себя продуктами питания и не нуждается в большом привозе. К тому же по лесным тропам на юг и через высокие перевалы на север идут торговые караваны. Самый большой из этих перевалов — Нангпа Ла, пересекающий цепь Гималаев на высоте 5700 метров, несколькими километрами западнее Эвереста; по нему проходит знаменитый

древний торговый путь. И по сей день, как я уже говорил, здесь вверх и вниз идут караваны. В Тибет они везут ткани, пряности и разные промышленные товары из Индии и Непала, а из Тибета доставляют соль, шерсть, иногда гонят стада яков. Жители Соло Кхумбу покупают нужные мелочи у проходящих купцов и странствующих торговцев. Но постоянных магазинов или рынков в нашем краю нет.

Нет в Соло Кхумбу и городов, даже больших сел. Самая большая деревня в Кхумбу — Намче Базар, она стала знаменитой в связи с последними экспедициями на Эверест. В окружающих долинах лежат другие селения: Кхумжунь, Паньбоче, Дамдань, Шаксум, Шимбунь, Тами. Дома выстроены из камня, с драночными крышами. В окнах и дверях деревянные рамы, стёкол, конечно, нет. Большинство домов двухэтажные. В первом этаже помещается скот и разные запасы, а на втором, куда попадают по внутренней лестнице, находятся общие помещения, спальни, кухня, уборная. Так живут шерпы сегодня. И так было, когда я был мальчиком и когда все мои предки были мальчиками до меня.

Часто пишут, что я родился в деревне Тами, но это не совсем верно. Моя семья жила в Тами, и я вырос там, но родился я в селении, которое называется Тса-чу и лежит близ большой горы Макалу, всего в одном дневном переходе от Эвереста. Тса-чу означает «Горячие источники», это святое место, о котором рассказывают много историй и легенд. Моя мать ходила туда вместе с другими паломниками в монастырь Ганг Ла (если вы помните, наша фамилия, или родовое имя, тоже Ганг Ла). Возле монастыря есть высокая скала, похожая на голову Будды, и говорят, что если праведный человек прикоснется к скале и прочтёт молитву, то из камня побежит вода. Но если это же

сделает дурной человек, безбожник, скала останется сухой.

А ещё в этих местах растут разные травы, которым приписывают большую целебную силу. Кругом много озёр. Самое крупное из них называется Тсония, или «Рыбное озеро»; в другом озере, поменьше, вода напоминает по цвету чай. Говорят, что по его берегам ходил Будда, а когда ему хотелось освежиться, он останавливался и пил воду из озера — для него она была настоящим чаем.

Много ещё рассказывают про Тса-чу и Ганг Ла. В одном предании говорится, что в древние времена здесь произошло большое сражение между двумя войсками — гяльбо (короля) Ванга и гяльбо Кунга. Согласно преданию, мои предки сражались на стороне Кунга и служили ему так хорошо, что он после победы даровал им землю в этой местности. А так как местность называлась Ганг Ла, они взяли себе это имя и оно сохранялось потом всеми их потомками.

Как бы то ни было, но именно здесь я родился. Отец и мать решили, что это к счастью; так решили и ламы. Родители рассказали мне, что ламы советовали им особенно беречь меня первые три года: если я останусь жив после этого возраста, то вырасту и стану великим человеком.

Но если место моего рождения установить легко, то год рождения определить гораздо труднее. В Соло Кхумбу пользуются тибетским календарём, а он не знает счета годам, только названия — год Лошади, год Тигра, Быка, Птицы, Змеи. Таких названий двенадцать, по названиям животных, из которых шесть мужского и шесть женского рода, а когда они кончаются, цикл начинается снова. Большую часть жизни я не знал, сколько мне лет, знал только, что родился в год Йоа (Зайца); но недавно, сравнив тибетский и западный календари, я высчитал, что появился на свет в 1914

году. Конечно, с учётом двенадцатилетнего цикла, это событие могло произойти и в 1902 или в 1926 году. Но я надеюсь, что я не так стар, как в первом случае, и боюсь, что не так молод, как во втором. Все говорит за то, что мне было тридцать девять лет, когда я взошёл на Эверест.

Время года, когда я родился, оказалось легче установить. Судя по погоде и состоянию посевов, это был конец мая. Теперь, оглядываясь назад, я вижу в этом хорошее предзнаменование: самые важные события моей жизни всегда случались в конце мая. Прежде всего моё рождение. Далее, именно в это время стоит наиболее благоприятная погода для восхождений. 28 мая я был почти на вершине Эвереста вместе с Ламбером; 29 мая — год и один день спустя — я взошёл на неё вместе с Хиллари. Поскольку у нас нет точных записей, шерпы не отмечают день рождения. Но годовщины взятия Эвереста я готов праздновать до конца жизни.

Мою мать зовут Кинзом, отца звали Ганг Ла Мингма (как я уже говорил, дети шерпов не носят фамилии родителей). Нас было тринадцать человек детей, семеро мальчиков и шестеро девочек, но, так как жизнь в Соло Кхумбу всегда была тяжела, а смерть близка, в живых остались только я и три мои сестры. Две из них живут с мужьями и детьми в Дарджилинге, третья, младшая, в Соло Кхумбу.

Ни отец, ни мать не видели никогда по-настоящему внешнего мира. Самое дальнее их путешествие было в Катманду и в Тибет, в Ронгбук, где брат матери был когда-то верховным ламой. Отец умер в 1949 году. Но моя мать — она теперь очень стара — ещё жива. Во время экспедиций на Эверест в 1952 и 1953 годах я увиделся с нею в Тами после многих лет разлуки, а в 1955 году она переселилась ко мне.

Теперь я должен снова сказать о своём имени. Когда я родился, меня называли не Тенцингом, а Намгьял Вангди. Но однажды меня принесли к важному ламе из Ронгбука. Он посмотрел в свои священные книги и объявил, что в меня воплотился дух одного очень богатого человека, который незадолго перед этим умер в Соло Кхумбу, и что поэтому моё имя нужно изменить. Он предложил назвать меня Tenzing Norgay (или Norkay, или Norkey, как часто писали это имя) и сослался, как и ламы в Тса-чу, на то, что мне предстоит совершить великие дела. Норгей означает, как я уже говорил, «богатый» или «счастливый». Тенцинг значит «приверженец религии» — так звали многих лам, в том числе и того ламу, который дал мне это имя. Как бы то ни было, родители решили, что «Богатый-Счастливый-Приверженец Религии» — подходящее имя на все случаи жизни, и переименовали меня, надеясь, что это принесёт мне счастье.

Когда я подрос, было решено, что я должен стать ламой. Меня послали в монастырь, обрили мне голову и одели послушником. Но скоро один из лам (а они не всегда такие уж святые!) рассердился на меня и ударил по голове дубинкой. Тогда я убежал домой и сказал, что больше не пойду туда. Мои родители всегда любили меня — они не послали меня обратно в монастырь; но иногда я задумываюсь, что бы случилось, если бы я вернулся. Кто знает, возможно я был бы сегодня ламой. Бывает, когда я рассказываю эту историю, мои друзья говорят: «А, вот из-за чего ты помешался на горах — стукнули по черепу!»

Единственными в Соло Кхумбу, кто умел читать и писать, были несколько лам. Однако писали они, разумеется, не на шерпском языке (ведь у нас нет письменности), а на классическом тибетском, который является языком северного буддизма. Как бы то ни было, убежав из монастыря, я потерял единственную

надежду получить образование. Теперь в Намче Базаре есть небольшая светская школа, не ахти какая, но все-таки школа, а в мою юность никакой не было, так что я проводил время подобно всем моим сверстникам: играл и работал. Конечно, я многое успел забыть с тех пор, но кое-что запомнилось очень хорошо. Помню, как я катался верхом на старшем брате, которого теперь давно уже нет в живых... Скот теснился зимой в первом этаже нашего дома, и я запомнил запах пара, который стоял густым облаком вокруг животных, когда они приходили с холода. А сами мы теснились почти так же в маленьких каморках на втором этаже — шум, гам, с кухни проникает дым и чад, но мы счастливы и довольны, потому что другой жизни не знаем.

Некоторые отцы обращались с детьми сурово и жестоко. Не таков был мой отец. Я был очень привязан к отцу и любил приносить ему что-нибудь или делать для него что-то даже тогда, когда меня об этом не просили. Ещё я любил сидеть рядом с моей старшей сестрой, когда она доила яков; она давала мне пить теплое парное молоко.

Сестру звали Ламу Кипа, она была для меня второй матерью. Позднее она стала «ана ла» (монашкой) в монастыре в Тьянгбоче, где оставалась семь лет. Помня, как она жалела меня, когда я был совсем маленьким, я часто приносил ей еду. Там Ламу Кипа познакомилась с одним монахом, ламой Нванг Ла, и в конце концов они вместе ушли из монастыря и поженились. Наша религия не видит ничего предосудительного в том, чтобы монах и монахиня поженились, только они не могут оставаться в монастыре. С тех пор Нванг Ла стал своего рода «домашним ламой» нашей семьи. Много лет он жил с Ламу Кипа в Соло Кхумбу. После экспедиции 1953 года я забрал их к себе в Дарджилинг, где они и живут теперь со своими детьми. Их сын, Гомбу, ходил со мной в том году на Эверест и дважды поднимался до Южного

седла; хотя ему всего двадцать лет, он один из лучших молодых шерпов-восходителей.

Однако сейчас я рассказываю о том, что происходило задолго до рождения Гомбу, когда я ещё и не слышал слова «Эверест». В детстве я, конечно, не раз видел на севере вершину, которая возвышалась в небе надо всеми остальными горами, но тогда она называлась не Эверест. Она называлась Чомолунгма. Обычно говорят, что Чомолунгма значит «Богиня — мать вселенной», иногда «Богиня — мать ветров». Но когда я был мальчиком в Соло Кхумбу, это слово означало ни то, ни другое, оно означало «Гора, такая высокая, что через неё ни одна птица не может перелететь». Так рассказывали своим детям все шерпские матери, так рассказывала мне моя мать, и это имя горы, которую я люблю, по-прежнему нравится мне больше всех.

Для меня, как и для всех детей, мир был поначалу очень мал. Он включал отца и мать, братьев и сестёр, наш дом, нашу деревню, поля, пастбища и яков. На севере высились могучие вершины, на востоке и западе — другие горы, на юге терялась в лесах Дуд Коси, а о том, что лежало за всем этим, я ничего не знал. Но по мере того как я рос, я все больше узнавал о внешнем мире. Прежде всего о Тибете и о его свящённом городе Лхасе, о котором много говорили мои родители и ламы. Искренне верующие люди, отец и мать мечтали совершить паломничество в Лхасу, но путь был слишком долог и дорог, и они так и не попали туда.

Уже взрослым я понял, что кое в чем отличаюсь от большинства людей моего народа. Думаю, это отличие зародилось ещё в детстве. Помню, что я был очень застенчив и сторонился сверстников. Когда другие мальчики бегали друг за другом или играли глиной и камнями, я сидел один и мечтал о далёких краях и больших путешествиях. Я представлял себе, что пишу письмо одному знатному человеку в Лхасе, потом он

приезжает и увозит меня с собой. Или, что я иду туда во главе большой армии. Иногда я смешил отца, прося его дать мне лошадь, чтобы я мог отправиться в путь. Всегда — ребёнком, юношей, взрослым я хотел путешествовать, двигаться, путешествовать и видеть, путешествовать и открывать; очевидно, это стремление и определило весь ход моей жизни.

Мечты о Лхасе относятся к ранним годам моего отрочества. Потом я услышал и стал думать о других местах. Уже много лет шерпы из Соло Кхумбу ходили через горы и через лес в Дарджилинг, чтобы работать на чайных плантациях, или носильщиками, или рикшами; возвратившись домой, они рассказывали о виденном. А затем началось нечто ещё более интересное. Англичанин Келлас, путешественник и альпинист, нанял несколько шерпов в Дарджилинге сопровождать его в горы; несколько позже генерал индийской армии Брюс тоже брал с собою шерпов в свои экспедиции, и вскоре большинство дарджилингских шерпов стали постоянно работать носильщиками и рабочими в экспедициях на гималайские вершины. Уже тогда, хотя в то время я, конечно, ещё не знал об этом, наш народ стал приобретать славу лучших среди всех горцев, и эту славу мы с тех пор с гордостью сохраняем.

В 1921, 1922 и 1924 годах состоялись первые три знаменитые экспедиции на Эверест, и в них участвовали многие шерпы из Дарджилинга и Соло Кхумбу. Сколько было потом рассказов о чилина-нга — так мы называем людей из далёких краёв — и о восхождениях почти до небес! Многие приходили в необычной одежде и больших ботинках, каких мы никогда не видали до тех пор. Все это до того увлекало меня, что однажды я даже заплатил деньги, чтобы мне только позволили надеть такие ботинки, но они оказались настолько тяжелы и велики, что я не смог

ступить в них и шагу... Эверест, Эверест — все говорили об Эвересте; тогда я и услышал впервые это слово. «Что такое Эверест?» — спросил я. «Это то же, что Чомолунгма, — отвечали они, — только мы были по ту сторону её, в Тибете. Чилина-нга говорят, что это самая высокая гора в мире».

В 1922 году семеро шерпов погибли во время восхождения; все наше племя тяжело переживало это ужасное несчастье. Однако в 1924 году в горы пошло больше людей, чем когда-либо. Как раз в этом году альпинисты Меллори и Ирвин пропали недалеко от вершины. Я узнал их имена от возвратившихся домой солокхумбских шерпов-носильщиков и запомнил навсегда. Двадцать девять лет спустя, когда мы с Хиллари взошли на вершину, мы осмотрели все кругом, чтобы проверить, удалось ли им добраться туда перед гибелью. Мы ничего не нашли.

Никто из моей семьи не участвовал в этих первых экспедициях. Сам я отдал бы все, чтобы участвовать, но был слишком молод. Затем на некоторое время экспедиции прекратились, и в Соло Кхумбу все потёкло по-старому. Я уже достаточно подрос, чтобы работать вместе с отцом и старшими братьями, а дел всегда было много. Мы выращивали картофель, ячмень и немного цампы (своего рода кукуруза), смотрели за своими овцами и яками, которые давали нам молоко, масло и грубую шерсть для одежды. Прикупать нам приходилось только соль, иногда немного вяленого мяса из Тибета. Убой скота в Непале осуждается, так как большая часть страны хиндская. Да и у большинства буддистов существует такой запрет, поэтому мы не забивали своих яков. Правда, зато иногда выпускали немного крови из шеи яка, не убивая его, и смешивали эту кровь с пищей. Мы чувствовали, что это укрепляет нас — вроде переливания крови, которое делают теперь больным в госпитале. Помню,

что такие кровопускания делали обычно осенью, с наступлением холодов, причём не только ради нашего здоровья, но и для самих яков. После того как яки все лето хорошо отъедались на пастбищах, они часто становились задиристыми и дрались между собой или убегали, и кровопускание только успокаивало их.

В прежние времена моя семья была очень бедной. Но, видно, я и в самом деле родился счастливым, потому что после моего рождения все стало меняться к лучшему. В тот же год яки принесли сто телят, и после этого у нас бывало до трехсот-четырехсот яков одновременно. Как я уже говорил, наш дом был невелик и перенаселён. Мы ели самую простую пищу. Зато её всегда было достаточно, и я не помню, чтобы мне приходилось ходить голодным; а из шкур и шерсти яков — мы снимали с них шкуры, когда они умирали естественной смертью, — мы делали тёплую одежду, которая согревала нас в течение долгой холодной зимы. В отличие от других народов Востока, живущих в более теплом климате, в Соло Кхумбу носят обувь — сапоги из войлока и кожи, вроде тех, которые можно увидеть в Тибете. Я не помню, чтобы мне хоть раз в жизни пришлось ходить босиком. Непальцы и индийцы ходят без обуви по самой колкой земле, но для меня это было бы такой же задачей, как для жителя Запада.

Мальчиком я больше всего любил ходить с яками и бродить на воле по горным склонам. Зимой нельзя было забраться очень высоко из-за сильных морозов и глубокого снега, но в другие времена года склоны покрывались густой травой, какую я увидел много лет спустя в Швейцарии. Эту траву мы обычно скашивали для зимнего корма. Намче Базар лежит на высоте 3000 метров, Тами — примерно 3600 метров, но я поднимался с яками до высоты 5400 метров. Здесь, около ледников, у подножья обрывистых стен самых больших гор проходит верхняя граница травы, которую едят яки.

Именно здесь обитает йети, известный на Западе под наименованием «ужасного снежного человека». Я слышал о йети с самого детства; у нас в Соло Кхумбу о них рассказывали множество историй. Когда меня ещё не было на свете, мой отец встретился с одним йети лицом к лицу. Сам я никогда не видал их, и мне было уже больше тридцати лет, когда я впервые увидел след йети. Однако мальчиком я иногда находил на каменистых склонах и ледниках помёт незнакомого животного, содержащий остатки крыс и червей, — я не сомневался, что это помёт йети.

Конечно, я немного побаивался йети, однако любопытство было ещё сильнее, чем страх. То же самое чувство испытывал я в отношении молчаливых каменных громад, окружавших меня. Ламы много рассказывали об ужасах, подстерегающих человека в зоне снегов, о богах и демонах и чудовищах, куда страшнее йети, которые охраняют вершины и карают всякого, кто осмелится проникнуть туда. Но я знал также, что были люди, в том числе из моего собственного народа, которые поднимались очень высоко по той стороне Чомолунгмы. Пусть некоторые погибли — другие вернулись домой живыми, и таких было гораздо больше. Мне хотелось увидеть самому, проверить самому. Это было моей мечтой, сколько я помню себя.

Вот они высятся надо мной, великие вершины: Макалу, Лхотсе, Нуптсе, Ама Даблам, Гаурисанкар, Чо Ойю и сотни других. А надо всеми ними — Чомолунгма, Эверест. «Ни одна птица не может перелететь через неё» — говорит предание. А человек? Человек, окрылённый мечтой?..

Мир был так велик, Соло Кхумбу так мал. И когда я подрос, то понял, что должен покинуть деревню. Однако, покинув её первый раз, я направился не в горы, даже не в Дарджилинг, а в Катманду, столицу Непала.

Мне было всего тринадцать лет, открыто уйти я не мог, а поэтому бежал из дому и чувствовал себя потом очень виноватым. Я знал от Ламу Кипа, что всегда был любимцем родителей. Я и сам очень любил их и не хотел причинять им огорчений. Но слишком велика, слишком сильна была тяга. Я двинулся в Катманду кружным путём мимо Макалу; поначалу один, потом встретил попутчиков. Весь путь занял немногим больше двух недель. Впервые в жизни я увидел город, и он показался мне странным и непонятным, особенно потому, что наш народ исповедует буддийскую веру, в то время как жители Катманду в большинстве держатся индуистской веры. В конце концов мне удалось найти буддийский монастырь, принимавший странников; там я и остановился.

Около двух недель ходил я по городу: смотрел на толпы людей, на базары, большие здания и храмы и многое другое, чего никогда не видел до тех пор. У непальцев хорошая армия, составленная в основном из знаменитых гуркхов, живущих в Центральном и Западном Непале, и мне больше всего нравилось смотреть, как они маршируют, и слушать их музыку. Очень интересными казались мне люди хиндской расы: их лица, одежда и поведение так отличались от всего, что мне приходилось видеть. Однако я ощущал не только любопытство, но и тоску по дому. Встретив знакомых из Соло Кхумбу, которые как раз собирались домой, я решил пойти с ними. На этот раз мы шли более коротким путём — по той самой дороге, по которой мне предстояло много лет спустя идти со швейцарцами и англичанами на Эверест. Я пробыл в отсутствии шесть недель, и, когда вернулся в Тами, мои родители так обрадовались, что кинулись меня обнимать.

Правда, потом они поколотили меня.

После этого я оставался дома в течение пяти лет. В эти годы не было никаких экспедиций на Эверест, иначе

соблазн оказался бы, вероятно, слишком велик. И все-таки я знал, что не смогу остаться в Соло Кхумбу навсегда, что не рождён быть земледельцем или пастухом. В конце 1932 года, когда мне было восемнадцать лет, я ушёл снова, на этот раз не в Катманду, а в Дарджилинг. И хотя казалось, что я опять поворачиваюсь спиной к Чомолунгме, я чувствовал, что на самом деле иду к ней: как раз в это время прошёл слух о новой экспедиции, намеченной на 1933 год, и я твёрдо решил пойти с альпинистами, если только это окажется возможным.

И на этот раз я ушёл, не сказавшись родителям. Это было нехорошо; они были добры ко мне, и я любил их. Они были очень простые и набожные люди, особенно моя мать, которая за всю свою жизнь никогда не носила хорошей одежды и не ела хорошей пищи, потому что отдавала все ламам и монахиням в монастыри. Всегда она была мне настоящей матерью — моя ама ла... И я знаю, что своими успехами во многом обязан её преданности, её вере, благословениям и молитвам.

3

В НОВЫЙ МИР

Я прожил три жизни: первую — ребёнком и юношей в Соло Кхумбу, вторую, продлившуюся двадцать лет, — носильщиком и восходителем; в эти годы моим домом был Дарджилинг. Моя третья жизнь началась в тот день, когда я вернулся с вершины Эвереста; куда она меня приведёт, я не знаю.

Мне исполнилось восемнадцать лет, когда началась моя вторая жизнь.

Это было в конце 1932 года; двенадцать солокхумбских парней и девушек решили оставить родной кров. Целый месяц мы готовились: устраивали тайные собрания, собирали продовольствие и необходимые вещи. Моя доля ограничилась одеялом, которое я захватил из дому. Денег у меня не было, да и у остальных тоже. Собственно, именно поэтому большинство из нас решило уйти: мы хотели заработать денег и посмотреть на мир.

В числе моих спутников находился Дава Тхондуп, впоследствии прославившийся в экспедициях. Он был старше меня, и, хотя никогда не видал Дарджилинга, не мало знал про него и часто говорил о новой экспедиции, которая должна была скоро выйти оттуда на Эверест.

Мы мечтали устроиться носильщиками в эту экспедицию, и мною владело такое нетерпение, что я готов был бежать всю дорогу. Однако через дикие области Восточного Непала не очень-то побежишь. Едва заметная тропинка то карабкается вверх по крутым гребням, то пробирается сквозь густые леса в долинах, то пересекает бурные реки. Большую часть этого долгого пути мы держались вместе, но недалеко от индийской границы перессорились, и остальные ушли без меня, унеся с собой все продовольствие. Однако мне посчастливилось: в местечке Симана я встретил состоятельного человека по имени Ринга Лама, который взял меня к себе в дом. В то время я знал только свой родной язык, а по-непальски не понимал, но мне и тут повезло, потому что Ринга Лама говорил немного на шерпском языке. Его семья отнеслась ко мне очень хорошо, меня кормили, дали новую непальскую одежду. В свою очередь, я выполнял разную работу по дому и собирал хворост в джунглях. Все же я чувствовал себя одиноко и тоскливо среди чужих людей и часто, бродя один в джунглях, садился под деревом и рыдал. Я начинал познавать, что мечта и действительность не одно и то же...

Пробыв некоторое время в Симана, я рассказал Ринга Ламе, как мне хочется попасть в Дарджилинг. К моей радости, он ответил: «Хорошо, я сам отправляюсь туда по делам и возьму тебя с собой». Впервые я увидел автомобиль, а когда мы приехали в Дарджилинг, там оказалось ещё много такого, чего мне не приходилось видеть раньше. Дарджилинг уступал по размерам Катманду, но был гораздо больше похож на современный город; там имелась даже железная дорога. По улицам ходило много чилина-нга; в основном англичан. До сих пор я ещё ни разу не видел европейцев.

Сначала я остановился не в самом Дарджилинге, а в деревне Алубари, что значит «место, где растёт картофель». Привёз меня туда Ринга Лама; я поселился у его двоюродного брата Поури. У Поури было пятнадцать коров, на мою долю выпал уход за ними и другие хозяйственные работы. Здесь я начал учиться непальскому языку, который очень употребителен в Дарджилинге, и ещё местному языку — ялмо. Лучшим моим учителем оказался один человек по имени Манбахадур Таманг — мы косили вместе траву на корм коровам, — и я был очень благодарен ему. Мы и сейчас с ним добрые друзья; недавно он работал каменщиком на строительстве моего нового дома. Мы часто вспоминаем те дни, особенно как однажды собирали хворост на запретном участке и нас застал сторож: он привязал нас к дереву и отхлестал плетью.

Время от времени Поури посылал меня в Дарджилинг продавать молоко; каждый раз я чувствовал себя на седьмом небе. Город расположен на северном склоне крутого холма, а километрах в восьмидесяти от него, за глубокими долинами Сиккима, начинаются отроги восточной части Главного Гималайского хребта с Канченджунгой в самой середине. Часто смотрел я на вздымающуюся к небесам белую вершину и испытывал радостное чувство: её вид напоминал мне, что и в этом, новом для меня, чужом краю я не слишком далёк от любимых гор. Впрочем, Дарджилинг и сам по себе был настоящим чудом для деревенского парня. У подножья большого холма раскинулась старая часть города. Здесь все напоминало Катманду: базары, храмы и тесные, кишацие людьми улочки. Зато повыше, в новой части, все было иначе, все было необычно. Здесь находились дома англичан и богатых индийцев, роскошные магазины и чайные дома, кинотеатр. Тут же стояло правительственное здание, а также дворец магараджи и отель, похожий на дворец.

Глядя на все эти чудеса, я порой совершенно забывал о своих бидонах.

Однако вскоре мои мысли целиком поглотило ещё более волнующее событие: началась подготовка новой экспедиции на Эверест. Ранней весной 1933 года из Англии прибыли альпинисты. Весь город был взбудоражен приготовлениями. Руководитель экспедиции Хью Раттледж устроил свой штаб на веранде Плэнтерс Клуб, и чуть ли не все дарджилингские шерпы отправились к нему устраиваться на работу. Тут уж мне окончательно стало не до молока, я мог думать только о том, как попасть в экспедицию, как убедить их взять меня.

Сначала я боялся идти сам в Плэнтерс Клуб и попросил своего друга Даву Тхондупа замолвить за меня словечко. Его уже приняли, однако мне он отказался помочь, сказал, что я слишком молод. «Но я уже взрослый и не слабее других», — возразил я. Тем не менее Дава Тхондуп и другие шерпы продолжали твердить: «Нет, нет, ты слишком молод». Они решительно отказывались сделать что-либо для меня, и я был зол, как никогда ещё в моей жизни.

Тогда я попробовал устроиться сам, но все получилось наизусть. Когда я впервые попал в Дарджилинг, у меня были длинные косички, как у всех мужчин в Соло Кхумбу. Горожане смеялись надо мной, обзывали девчонкой, и я постригся коротко. К тому же я носил непальскую одежду, которую мне дал Ринга Лама. Все это годилось для Дарджилинга, но для экспедиции оказалось неподходящим, потому что англичане решили, что я непалец, а они набирали только шерпов. К тому же я не мог показать никаких бумаг или удостоверений о том, что работал с экспедициями. Наверное, так случается со многими молодыми людьми, когда они впервые устраиваются на работу. Вас спрашивают: «Вам приходилось делать эту

работу раньше?» Вы отвечаете: «Нет». Вам говорят: «Нам нужны только опытные люди». Вы уходите, чувствуя, что никогда в жизни не поступите на работу только потому, что не работали раньше.

Как бы то ни было, в 1933 году я получил отказ. Экспедиция выступила из Дарджилинга, а я остался...

Ещё много месяцев я продолжал смотреть за коровами Поури и продавать молоко. Среди моих покупателей была молодая женщина из племени шерпа, Анг Ламу. Она родилась в Дарджилинге и работала там в качестве айя, домашней работницы. Я никогда не обращался к ней на родном языке, а только на непальском, и она даже не знала, что я шерпа. Встречаясь, мы каждый раз препирались.

— Раз я все время покупаю у тебя, ты должен наливать мне с походом, — говорила она.

— Не могу, — отвечал я.

— Ты страшно жадный, — продолжала она.

— А ты надоела мне своей торговлей.

В этом нет ничего примечательного, и я, вероятно, давно успел бы позабыть об этом, если бы Анг Ламу не была теперь моей женой.

Прожив в Дарджилинге около года, я узнал от людей из Соло Кхумбу, что родители считают меня мёртвым. Я решил вернуться повидать их, но Поури не хотел отпускать меня. Он сказал, что я должен найти себе замену, если хочу уйти. Тогда я отправился в город, нашёл желающего и привёл с собой, после чего быстро двинулся в путь, не давая Поури времени придумать новое возражение.

Придя домой, я убедился, что земляки сказали правду: родители и в самом деле готовились совершить по мне обряд как по мёртвому. При виде меня они расплакались, потом ужасно обрадовались; на этот раз дело обошлось без колотушек. За время моего отсутствия в Соло Кхумбу произошло землетрясение;

часть нашего дома обвалилась, и я первым делом помог починить его. А потом стал делать ту же работу, что прежде: пасти яков. На следующее лето я впервые отправился в Тибет, за солью, которой у нас в Соло Кхумбу всегда нехватка. Через большой перевал Нангпа Ла («Ла» означает по-тибетски «перевал») я пришёл в посёлок Тингри Гангар около Ронгбука, по ту сторону Эвереста. Я воспользовался случаем посмотреть знаменитый монастырь Ронгбук. Он намного больше Тьянгбоче и насчитывает свыше пятисот монахов и монахинь. Как раз здесь неподалёку разбивали базовый лагерь все английские экспедиции на Эверест, да только в этом, 1934 году, восхождений не было. А не то соль не скоро попала бы в Соло Кхумбу!

Прошло несколько месяцев, и отец снова попросил меня отправиться в Тибет с тем же поручением. Но к этому времени я уже твёрдо знал, что никогда не буду счастлив, живя в Соло Кхумбу. Поэтому вместо Тибета я снова двинулся в Дарджилинг. Хотя мой отец так никогда и не собрался туда, я видел его дважды на протяжении следующих пяти лет: он ходил через Нангпа Ла в 1935 и 1938 годах, чтобы повстречаться с участниками экспедиций на Эверест. Мать же я не видел до 1952 года, когда участвовал в швейцарской экспедиции, пытавшейся взять Эверест с юга.

Попав снова в Дарджилинг, я не стал возвращаться в Алубари, к коровам и картофельному полю, а устроился в самом городе. Шерпы селились в основном в двух районах — в Тоонг Соонг Бусте и Бхутиа Бусте («бусте» означает «деревня»). Я остановился в Тоонг Соонге, где и прожил большую часть последующих лет. Мне посчастливилось стать жильцом у Ангтаркая. Уже тогда он был опытным альпинистом, а в настоящее время Анттаркай — один из самых прославленных шерпов. Скоро ко мне перестали относиться как к чужаку. Поблизости жил мой старый друг Дава Тхондуп

(ныне тоже один из ветеранов), и, куда ни повернись, везде были другие шерпы, прославившиеся на Эвересте и в иных местах.

Осенью 1934 года все говорили о состоявшейся летом немецкой экспедиции на Нанга Парбат, в далеком Кашмире. Разговор был невесёлый, потому что там случилось ужасное несчастье. С этой экспедицией пошло много шерпов, причём большинство впервые оказались так далеко от дома, и вот шестеро из них погибли вместе с четырьмя немцами во время страшной бури на горе. Не в одном доме в Тоонг Соонг Бусти царило горе, но вместе с тем мы гордились стойкостью и выдержкой наших людей. Дава Тхондуп и Анг Тсеринг, которые тоже участвовали, но остались живы, рассказали мне о подвиге их друга Гьяли, известного больше под именем Гайлая. В самый разгар бури Гайлай находился высоко на горе с руководителем экспедиции Вилли Мёрклом. Шерпа чувствовал себя хорошо и смог бы, наверное, добраться до нижнего лагеря. Однако по мере того как они спускались, Мёркл все больше ослабевал и в конце концов оказался не в состоянии двигаться дальше. Тогда Гайлай предпочёл остаться и умереть, чем бросить его одного.

Хотя я ещё ни разу не участвовал в восхождении, этот рассказ заставил меня гордиться тем, что я шерпа.

В это время года, конечно, никакие экспедиции не выходили в горы, и мне пришлось вооружиться терпением. Как и в Соло Кхумбу, в Дарджилинге произошло землетрясение; я работал одно время на восстановлении часовни при школе св. Павла. Мне платили двенадцать анна в день — на первый взгляд очень незначительная сумма, но тогда это считалось неплохой платой; в такое время года мало кто из шерпов мог рассчитывать на лучшее. За исключением горстки купцов и торговцев, мы все были очень бедны. Жили в деревянных сараях с жестяными крышами;

обычно в одной комнате ютилась целая семья. Ели мы рис и картофель. Зарабатывали очень мало, даже в разгар сезона; и если тем не менее ухитрялись сводить концы с концами, то только потому, что довольствовались малым.

В начале 1935 года я женился. Мою первую жену звали Дава Пхути, а «пхути» означает «счастливая жена, приносящая детей», что очень скоро оправдалось. Дава Пхути родилась, как и я, в Соло Кхумбу, я встречал её там, но ближе узнал уже в Дарджилинге. Мы нашли себе в Тоонг Соонг Бусте отдельную каморку и были очень счастливы, однако пробыли вместе совсем недолго, потому что теперь, наконец, после долгой поры надежд и ожиданий, началась моя жизнь в горах.

4

ДВАЖДЫ НА ЭВЕРЕСТ

Говорят, что надо начинать с малого, а затем уже переходить к большому, но не так получилось у меня. Моя первая экспедиция, в 1935 году, была на Эверест. В том году англичане в пятый раз вышли на штурм горы.

Первый отряд ходил в 1921 году; он не ставил себе целью взять вершину, а только совершил разведку. Тогда-то и нашли путь через Тибет к северному склону Эвереста. Нам, шерпам, казалось странным, что делают такой крюк, чтобы выйти к Чомолунгме. Объяснялось же это тем, что англичане имели разрешение на въезд только в Тибет, тогда как в Непал вплоть до недавнего времени доступ людям с Запада был совершенно закрыт.

Из района монастыря Ронгбук, севернее Эвереста, экспедиция 1921 года совершила много вылазок на ледники к перевалам в поисках проходов к вершине.

В конце концов решили, что наиболее удобный путь проходит по правой ветви Ронгбукского ледника, затем по крутой снежно-ледяной стене к перевалу на высоте более 6600 метров, который назвали Северным седлом. Знаменитый альпинист Джордж Лей-Меллори добрался вместе с несколькими товарищами до этого седла, и хотя сами они не были подготовлены для дальнейшего продвижения, но решили, что нашли подходящий путь к вершине. Позднее они попытались все же найти и

другие подходы и поднялись к перевалу Лхо Ла, откуда открывается вид на юго-западный склон Эвереста и почти до Соло Кхумбу. Однако Меллори решил, что эта сторона вряд ли подходит для восхождения; к тому же она лежит в Непале, куда они не имели доступа. Только тридцать лет спустя была сделана первая попытка взять вершину с юго-запада.

В 1922 году состоялась первая настоящая экспедиция. В ней участвовало много англичан и шерпов. Они разбили лагерь на леднике, на Северном седле и на крутом гребне выше седла. Отсюда наиболее сильные восходители достигли высоты 8138 метров. Это значит, что им оставалось всего около семисот метров до вершины и что они поднялись выше, чем кто-либо до них. Но тут по крутым склонам ниже Северного седла пронеслась лавина, и целый океан снега захлестнул шедших попарно носильщиков. Тогда-то и погибло семеро шерпов. Это была самая крупная катастрофа за всю историю Эвереста.

И все-таки в 1924 году англичане и шерпы пришли снова. Состоялась та самая знаменитая экспедиция, во время которой Меллори и Эндью Ирвин пропали без вести, пытаясь взять вершину. На этот раз выше Северного седла был уже не один, а два лагеря. Снаряжение для второго из них, на высоте 8170 метров, доставили трое шерпов — Лакпа Чеди, Норбу Йишай и Семчумби. Оттуда полковник Нортон и Т. Соммервелл совершили ещё до исчезновения Меллори и Ирвина смелую попытку взять вершину, причём Нортон побывал на высоте около 8600 метров. Это достижение оставалось мировым рекордом, пока мы с Раймоном Ламбером не поднялись ещё выше с другой стороны горы во время первой швейцарской экспедиции 1952 года.

Четвёртая попытка взять Эверест состоялась лишь в 1933 году, как раз когда я безуспешно старался попасть

в экспедицию. Результаты были примерно те же, что в 1924 году, с той разницей, что никто не погиб и уже несколько альпинистов — Харрис и Уэджер, а также Фрэнк Смайс (его напарник Эрик Шиптон остановился несколько ниже) — достигли почти той же точки, что Нортон. И на этот раз снаряжение для наиболее высокого, VI лагеря доставили шерпы. Здесь отличились Ангтаркай, Пасанг, Ринцинг, Олло, Дава, Черинг и Кипа. Англичане называли их «тиграми». Только с 1938 года это стало официальным почётным званием, и тем носильщикам, которые забирались выше всех, вручали медали Тигра. Однако неофициально звание «тигра» бытовало уже с двадцатых годов, и наши люди носили его с гордостью.

Но вот пришёл 1935 год и с ним мой первый шанс.

С самого начала года шло много разговоров о предстоящей новой экспедиции, но, как всегда, начались трудности с разрешением на въезд в Тибет, и прошло много времени, прежде чем Эрик Шиптон, руководитель экспедиции, прибыл в Дарджилинг. Решено было не ходить на штурм вершины, а ограничиться, как в 1921 году, разведкой. Дело в том, что муссон, который начинает дуть с юга в июне месяце, застиг бы восходителей на Эвересте, а это означало почти верную смерть: южный ветер приносит с собой бури и лавины. Вместе с тем разведка не явилась бы пустой тратой времени; англичане надеялись найти лучший путь для экспедиции следующего года, нежели обычный, через Северное седло.

Я чуть было не остался опять, как в 1933 году. Сирдаром — начальником носильщиков — был в этой экспедиции Карма Паул, делец из Дарджилинга. Он не знал меня, а я по-прежнему не мог показать никаких справок. Мистер Шиптон и тогдашний секретарь Гималайского клуба мистер У. Кидд опрашивали

желающих шерпов, однако брали только тех, кто либо ходил в горы раньше, либо был рекомендован Карма Паулом. Я ужасно расстроился. Но потом англичане объявили, что им нужны ещё два носильщика. Желающих оказалось более двадцати, и я встал в шеренгу, надев новую куртку цвета хаки и короткие штаны. Мне казалось, что я выгляжу опытным восходителем. Мистер Шиптон и мистер Кидд проверяли кандидатов одного за другим; когда подошла моя очередь, они спросили справку. Это был ужасный миг. Я приготовился доказывать и объяснять, но в то время, когда мне было всего двадцать лет, я ещё не говорил ни по-английски, ни по-индийски и смог только показать жестами, что справки не имею. Они поговорили между собой, потом предложили мне выйти из шеренги. Я решил, что все кончено. Однако когда я повернулся, чтобы уйти, они окликнули меня: в число двоих избранных вошли я сам и другой молодой шерпа, Анг Черинг, позднее погибший на Нанга Парбат^[2].

Некоторые шерпы постарше ворчали по поводу того, что взяли меня, новичка. Но я был так счастлив, что не обиделся бы даже, если бы они меня поколотили. Плата за день составляла двенадцать анна, за каждый день выше снеговой линии она повышалась до рупии, так что при хорошей работе я мог получить больше денег, чем имел когда-либо. Однако не деньги были для меня главным. Главное — что я наконец-то восходителем и иду на Чомолунгму! В 1953 году, встретившись с Шиптоном на приёме в Лондоне, я напомнил ему, что это он восемнадцать лет тому назад дал мне мой первый шанс.

Подобно предыдущим экспедициям, мы вышли из Дарджилинга на север — сначала все вверх и вниз, вверх и вниз, пересекая глубокие долины Сиккима, затем через высокие перевалы в Тибет. По прямой расстояние от Дарджилинга составляет всего около ста

шестидесяти километров, но нам пришлось пройти почти пятьсот, двигаясь по широкой дуге на север, потом на запад. Это был долгий поход по дикой бесплодной местности; сильный ветер нёс густую пыль. Но одним из преимуществ старого, северного маршрута было то, что он позволял везти снаряжение на мулах чуть ли не до самого подножья горы, между тем как на новом пути через Непал столько рек и висячих мостов, что приходится все переносить на своих плечах.

В экспедиции 1935 года насчитывалось всего двенадцать шерпов, зато англичане набрали много других носильщиков, в основном тибетцев. Они не участвовали в восхождении, а только присматривали за мулами и помогали развьючивать их в базовом лагере.

На пути через Тибет мы двигались медленно, проводя различные исследования. И когда пришли в Ронгбук, то не сразу направились на Эверест, а совершили восхождение на несколько меньших вершин и перевалов вокруг. Однако нам не удалось найти лучшего маршрута, чем старый, через Северное седло, и в конце концов мы подошли к правой ветви Ронгбукского ледника, где разбивали лагерь предыдущие экспедиции. Здесь меня порадовал неожиданный гость из Соло Кхумбу — отец. Он услышал про экспедицию и перешел Нангпа Ла, чтобы навестить нас. Отец не стал участвовать в восхождении, а только побыл некоторое время в лагере; здесь-то он и встретил йети во второй раз в своей жизни, о чем я расскажу позже.

Поблизости от лагеря III, ниже Северного седла, мы сделали интересное, но печальное открытие. Годом раньше англичанин Морис Уилсон втайне отправился на Эверест всего лишь с тремя тибетцами^[3], собираясь взять вершину в одиночку. Он не вернулся с горы. Теперь мы нашли его тело. Оно лежало в старой

изодранной палатке — один скелет с остатками сухой промёрзшей кожи, изогнутый в странном положении, словно Уилсон умер, пытаюсь снять ботинки. Один ботинок был даже снят, и пальцы скелета держали шнурок от второго. Очевидно, Уилсон вернулся к палатке после попытки забраться на Северное седло, не нашёл никого из своих носильщиков и умер от холода или истощения. Мы похоронили его под камнями морены рядом с ледником.

Носильщики Уилсона были из Дарджилинга, их звали Теванг Ботиа, Ринцинг Ботия и Черинг Ботия. Впоследствии я встретил их там и спросил, как было дело. Они рассказали, что следовали по обычному маршруту всех экспедиций, только им приходилось остерегаться встреч с патрулями и чиновниками, потому что Уилсон не имел разрешения на въезд в Тибет. Добравшись до монастыря Ронгбук, они отдыхали там пятнадцать дней, потом принялись за разбивку лагерей на Ронгбукском леднике. После лагеря III тибетцы не захотели идти дальше, и завязался спор. В конце концов Уилсон сказал: «Хорошо, я пойду на Северное седло один. Ждите меня здесь три дня». И он пошёл. Носильщики, по их словам, выждали условленное время, потом ушли. Правду ли они говорили, нет ли — одно было ясно: они ничего не сделали для того, чтобы помочь Уилсону. Я возмущался, и мне было стыдно, потому что они были обязаны либо выйти на поиски, либо по меньшей мере ждать ещё его возвращения. К тому же я увидел у них много денег, которые, очевидно, принадлежали Уилсону.

Экспедиция 1935 года была моим первым походом на большие вершины, и я пережил много волнующего. Тем более, что речь шла не о какой-нибудь горе, а о самом Эвересте — о великой Чомолунгме. Вот мы стоим на леднике, выше любого другого живого существа, а прямо перед нами, прямо над нами высится башня из

камня и льда, вздымаясь в небо ещё на три с лишним, почти четыре километра. Странно даже подумать, что мой родной дом находится всего в нескольких километрах отсюда, что это та самая гора, под сенью которой я вырос и пас яков своего отца. С северной стороны она выглядит, конечно, совсем иначе, и мне с трудом верится, что это она.

Все же я верил. И не только потому, что так говорили другие, — я чувствовал это всем сердцем, я знал: другой такой огромной и высокой горы не может быть.

Работать приходилось тяжело. Между нижними лагерями мы ходили с ношами от двадцати семи до сорока килограммов, выше — около двадцати пяти. И мало было подняться один раз, мы ходили вверх и вниз, вверх и вниз, день за днём, неделю за неделей, пока не перенесли все палатки, все продовольствие и снаряжение. Меня это нисколько не беспокоило, потому что я, как все шерпы, приучен носить большой груз. Я думал: «Вот первый случай осуществить мою мечту».

Впервые попав в экспедицию, я увидел, конечно, много нового. Нам выдали специальную одежду, обувь, очки. Мы ели странную пищу из жестяных банок. Мы пользовались примусами, спальными мешками и всевозможным другим снаряжением, с которым мне ещё никогда не приходилось иметь дела. Многие мне предстояло узнать и относительно восхождений. Снег и лёд не составляли сами по себе никакой новости для парня, выросшего в Соло Кхумбу, но тут я впервые познакомился с настоящей техникой лазания: пользование верёвкой, вырубание ступеней во льду, разбивка и сворачивание лагеря, выбор маршрута, не только скорого, но и надёжного. Носильщик-новичок, я не получал ответственных поручений. Но я работал усердно, старался быть во всем полезным, и думаю, что начальники были мной довольны. Высоту я переносил

легко, хотя никогда ещё не поднимался так высоко. Вместе с другими шерпами я доставил груз к Северному седлу — на высоту свыше 6600 метров.

Дальше экспедиция не пошла. Так как она занималась только разведкой, то не располагала ни необходимым снаряжением, ни достаточным количеством людей, чтобы подниматься выше. И именно тут, на седле, перед тем как нам возвращаться, я впервые обнаружил, что отличаюсь чем-то от других шерпов. Остальные были только рады спуститься обратно. Они шли на восхождение как на работу, ради заработка, их не тянуло выше. А я был страшно разочарован. Мне хотелось продолжать подъем. Уже тогда я испытал то, что испытывал потом каждый раз, попав на Эверест: меня тянуло все дальше и дальше вверх. Мечта, потребность, неудержимое влечение — назовите это как хотите. Но в тот раз я, конечно, ничего не мог поделать. Мы спустились с седла и вскоре ушли совсем. «Ну, хорошо, — сказал я сам себе, — тебе всего только двадцать один год. Будут ещё экспедиции. И скоро ты станешь настоящим Тигром!»

Вернувшись в Дарджилинг, я оставался некоторое время дома с женой Дава Пхути. У нас родился сын, мы назвали его Нима Дордже. Это был очень красивый мальчик, он даже получил первый приз на конкурсе малышей, и для меня было тяжёлым ударом, когда он умер в 1939 году всего четырех лет.

Осенью 1935 года я отправился в свою вторую экспедицию, но моё участие оказалось очень незначительным. Альпинисты намеревались взять Кабру (около 7200 метров) в Северном Сиккиме, недалеко от Канченджунги. В хорошую погоду Кабру видно из Дарджилинга. Восхождение совершали инженер индийского министерства почты и телеграфа Кук и его друг немец; носильщиками были, кроме меня,

Анг Черинг, Пасанг Пхутар и Пасанг Кикули. Пасанг Пхутар — один из моих старейших друзей, недавно он помогал мне строить новый дом. Пасанг Кикули уже в то время был одним из наиболее прославленных шерпов. Он погиб четыре года спустя смертью храбрых, участвуя в американской экспедиции на К2.

Как самый младший из носильщиков, я нёс самый большой груз, тридцать шесть килограммов риса, но все же пришёл первым в базовый лагерь. На этом мои обязанности закончились, и я вернулся в Дарджилинг. Мистер Кук и его друг успешно штурмовали в ноябре вершину Кабру, только, к сожалению, с ними не было никого из шерпов.

В течение зимы я, подобно большинству шерпов, отдыхал и работал от случая к случаю в районе Дарджилинга. Это позволяло мне находиться вместе с женой и малышом; я очень любил их и был счастлив с ними. Но я был молод и непоседлив и знал теперь, после первых походов, что не могу жить без гор. Ранней весной 1936 года опять закипели приготовления, и в этом году я снова участвовал в двух экспедициях.

Первая экспедиция собиралась на Эверест, и на этот раз я не столкнулся ни с какими затруднениями, потому что англичане пригласили почти всех прошлогодних участников. Снова с нами был Эрик Шиптон, а также Фрэнк Смайс и многие другие знаменитые английские альпинисты. Руководил отрядом Хью Раттледж, возглавлявший экспедицию 1933 года. Возраст не позволял мистеру Раттледжу самому подниматься на большую высоту, но он был замечательный человек, приветливый и сердечный, и все шерпы радовались, что работают с ним. Никогда ещё на штурм Эвереста не выходило столько альпинистов. В экспедиции участвовало шестьдесят шерпов — в пять раз больше, чем в 1935 году, — и вместе с погонщиками мулов нас

было так много, что мы напоминали целый воинский отряд в походе.

На этот раз мы выступили не из Дарджилинга, а из Калимпонга, примерно пятьюдесятью километрами дальше по караванному пути в Тибет. Все снаряжение было доставлено туда по канатной дороге; дальше начинался обычный маршрут. При таком количестве участников приходилось двигаться двумя отрядами с промежутком в несколько дней. Если бы мы шли все вместе, у нас полдня уходило бы на сборы и раскачку, а вторая половина — на развьючивание и разбивку ночлега. На время похода меня назначили помогать экспедиционному врачу, и я узнал от него о болезнях, повреждениях и первой помощи много такого, что пригодилось мне впоследствии.

Англичане возлагали большие надежды на эту экспедицию. Она превосходила все предыдущие не только по объёму, но и по организации и снаряжению, и все были уверены, что мы возьмём Эверест. Однако нас преследовала неудача. С самого начала и до конца стояла отвратительная погода; все то время, что мы находились около горы, пришлось как раз на разгар муссона. Мы разбили на ледниках лагеря I, II и III, а снег все шёл и шёл, и когда мы принялись взбираться по крутым склонам к Северному седлу, то оказались в снегу по самую грудь. Это не только чрезвычайно затрудняло работу, но и грозило опасностями: в любой момент мы могли провалиться в скрытые под сугробами трещины. Однако больше всего нас беспокоила угроза лавин. Мысли упорно возвращались к ужасному несчастью, происшедшему здесь в 1922 году.

В конце концов некоторые из нас, и я в том числе, добрались до Северного седла. Но там нас встретила погода, подобно которой мне ещё никогда не приходилось видеть. Половину времени шёл снег, такой густой, что на расстоянии нескольких футов нельзя

было различить человека, а когда кончился снегопад, подул такой ветер, что нас чуть не снесло. Только везением можно объяснить то, что нам удалось спуститься благополучно обратно к леднику. Мы стали ждать в нижнем лагере улучшения погоды, но оно так и не наступило. Шёл снег, потом дул ветер, потом опять шёл снег. Мне кажется, что некоторые все равно были готовы выступить на штурм, но Раттледж сказал: «Нет, мы не можем допустить, чтобы кто-нибудь повредил себя или погиб. Эверест никуда от нас не денется». В конце концов после ряда безрадостных недель мы двинулись в обратный путь. Нам не удалось даже взобраться выше разведочной экспедиции предыдущего года.

По крайней мере никто не погиб на Эвересте. Зато на обратном пути, около посёлка Гадонг Пага, случилась беда. Здесь протекает большая стремительная река; с одного берега на другой переброшен канат («пага» как раз и значит «канат»). Чтобы переправить человека, приходится заворачивать его в большую сетку и перетягивать по канату на другую сторону. Мы все пересекли реку этим способом. Только один шерпа отказался от сетки, заявив, что и так переберется по канату. Однако на полпути рука смельчака сорвалась, и он упал в воду. Несколько англичан разделись и прыгнули в реку, но сильное течение не позволило им добраться до него. Волосы шерпы были заплетены в косу на старинный манер, и последнее, что мы от него видели, была светлая ленточка на конце косы, мелькнувшая на поверхности в нескольких стах метрах ниже по реке.

Мы вернулись к Калимпонг расстроенные неудачей экспедиции. Мне особенно было жаль Раттледжа. Прекрасный человек и руководитель, он уже начинал стариться и последний раз ходил на Эверест. Я увидел его вновь лишь много лет спустя в Лондоне, после

взятия Эвереста. Он пожал мне руку и сказал: «Сын мой, вы совершили настоящий подвиг. Я стар уже. Я сделал попытку в своё время и потерпел неудачу, но теперь, после вашей победы, это ничего не значит. Когда вернётесь в Индию, обнимите за меня всех моих сыновей-шерпов».

Он имел право назвать нас сыновьями, потому что относился к нам, как настоящий отец.

5

СТАНОВЛЕНИЕ „ТИГРА»

После экспедиции на Эверест в 1936 году я недолго оставался в Дарджилинге. Эрик Шиптон отправлялся в Гархвал, в Центральных Гималаях, севернее Дели, и взял меня с собой. Как и четыре года тому назад, когда я ушёл из Соло Кхумбу, мне предстояло многое пережить впервые: впервые я попал на равнину, впервые увидел настоящие большие города — такие, как Дели и Калькутта, впервые ехал по железной дороге, впервые узнал настоящую жару.

В Раникхете в Гархвале Шиптон представил меня майору сапёрных войск Осместону, который занимал руководящую должность в индийском топографическом ведомстве. Он собирался на съёмки в район высокой горы Нанда Деви, и было решено, что я отправлюсь с ним. В результате многолетней работы майор Осместон нанёс на карту чуть ли не весь горный район Гархвала; я не раз сопровождал его.

В том же году была взята вершина Нанда Деви, высочайшая из всех взятых к тому времени вершин (7816 метров). Этот рекорд держался до 1950 года, когда французы поднялись на Аннапурну в Непале.

Нанда Деви означает «Благословенная богиня»; индуисты и буддисты считают её священной горой. Её история особенно примечательна: ещё за два года до покорения вершины ни одному человеку не удалось добраться даже до её подножья, и считалось, что это вообще невозможно. Но вот в 1934 году Шиптоне его друг Тильман, тоже известный английский альпинист, нашли проход. Они поднимались вдоль реки Риши, прокладывая себе путь через глубокие ущелья и вдоль крутых склонов, и пришли, наконец, к укрывшемуся у самого подножья Нанда Деви удивительно красивому водоёму, который называли Сэнкчюэри («Святыня», или «Убежище»). У них не было ни людей, ни достаточных запасов, чтобы двигаться дальше; впрочем, они и так добились немало. А в 1936 году, когда Шиптон снова вышел на Эверест, Тильман отправился во главе большой экспедиции на штурм Нанда Деви.

По пути в горы наша группа под руководством майора Осместона встретила возвращавшегося Тильмана, и он сообщил нам радостную новость. Оделл (в 1924 году он участвовал в экспедиции на Эверест и достиг высоты 8230 метров в поисках Меллори и Ирвина) и Тильман взойшли на вершину. Третий альпинист, молодой американец Чарлз Хаустон, поднялся почти до вершины, но отравился чем-то в верхнем лагере, и ему пришлось вернуться вниз. Когда мы их встретили, он уже поправился, и все они страшно радовались своей выдающейся победе.

Вскоре после этого настал мой черёд заболеть. Никогда, ни до, ни после этого я не болел так сильно в горах. Возможно, сказалась непривычная жара на равнине по пути из Дарджилинга. А может быть, виной был непрерывный дождь или же я ещё не отдохнул после Эвереста. Как бы то ни было, я очень ослаб. У меня поднялась такая температура, что временами майору Осместону и другим приходилось тащить меня

на спине. Майор Осместон отнёсся ко мне с беспримерной добротой, и я пообещал себе, что когда-нибудь сделаю для него то же, что он для меня. Англичане определили у меня желтуху. Местные жители посоветовали мне поесть один вид мха, растущий на скалах. Я решил попробовать. Сварил мох и съел его, потом меня рвало так сильно, что я думал, все внутренности выскочат наружу. Но температура прошла. Слабость ещё оставалась, но болезнь угомонилась, и я смог идти дальше сам.

Как и экспедиция Тильмана, мы подошли к Нанда Деви через долину Риши, которая называется Риши Ганга, и разбили лагерь около Сэнкчюэри. Это было действительно очень красивое место; кругом простирались цветущие луга, а над ними высились снежные вершины. Однако мы пришли не для восхождения, а для топографической съёмки. Наша работа продолжалась несколько недель. Я все ещё был не в силах делать много и оставался чаще всего в базовом лагере. Но я хоть поправлялся. Недалеко от лагеря находилась могила одного шерпы из экспедиции Тильмана: он умер от болезни; увидев её, я невольно подумал: «Как-никак я оказался счастливее его!»

Наконец мы покинули горы и вернулись в Раникхет. Оттуда я поехал обратно в Дарджилинг. К этому времени я уже совсем поправился, но был не очень-то доволен собой, потому что принёс так мало пользы. «Настанет день, — думал я, — когда я опять приду на Нанда Деви и покажу себя с лучшей стороны». Этому суждено было сбыться.

Когда шерпа не занят в экспедиции, он может заработать несколько рупий, сопровождая туристов по примечательным местам вокруг Дарджилинга. Этим я и занимался в течение осени и зимы 1936 года. Иногда маршрут ограничивался подъёмом на Тигровый холм у

самого города. Оттуда на восходе можно увидеть за сто шестьдесят километров вершину Эвереста, возвышающуюся над хребтами Непала. Иногда туристы идут несколько дальше, по северным тропам до Сандакпху и Пхалута, оттуда в хорошую погоду Эверест виден значительно лучше. Я испытывал радостное чувство, убеждаясь, что гора стоит на месте и ждёт меня. Но с другой стороны я был недоволен — мне хотелось идти туда, а не смотреть. В следующем году экспедиции не было, и мне пришлось ждать 1938 года, чтобы представился новый случай.

А в 1937 году я отправился снова в Гархвал, на этот раз для восхождения вместе с Гибсоном и Мартином, учителями Дун Скул, известной английской мужской школы в Дехра Дун, в Индии. Экспедиция была маленькая, в ней участвовали двое названных англичан, я и ещё один дарджилингский шерпа по имени Ринцинг да десятеро носильщиков из Гархвала. Мы собирались взойти на гору Бандар Пунч («Обезьяний хвост»); это был первый из трех походов, которые я совершил туда вместе с мистером Гибсоном. Высота Бандар Пунч — 6315 метров, совсем малая в сравнении с Эверестом и даже с Нанда Деви. Однако её никто не пытался взять до тех пор. Условия восхождения были сложными, и при первой попытке нас остановил глубокий снег на высоте всего 5200 метров.

После этого мы не стали делать новых попыток, а посвятили несколько недель изучению края и пережили при этом много приключений. Однажды, разбив лагерь на берегу большой реки, мы разделились на две группы и пошли на рекогносцировку. Мистер Гибсон и Ринцинг шли по одной стороне реки, мистер Мартин и я — по другой, мы условились встретиться вечером. Но тут спустился густой туман, пошёл дождь, и мы не могли найти ни друг друга, ни даже лагерь. У нас с мистером Мартином не было ни палатки, ни другого снаряжения и

было очень мало продовольствия. Мы бродили кругом и кричали, но из-за тумана не видели, куда идём, а сильный дождь заглушал наши голоса. Наконец мы набрали на пещеру; пришлось просидеть в ней два дня. На третий день прояснилось, и мы нашли дорогу обратно в лагерь.

В другой раз мы отправились в большой поход в одну деревню на границе Тибета. На обратном пути попали в густые дебри и заблудились. Продовольствие приходило к концу. На наше счастье в лесу оказалось много ягод, однако мы все равно ходили голодные. И тут мы натолкнулись на местных жителей, которые устроились перекусить на краю дороги. Продуктов у них было много, и мы предложили им денег, но они встретили нас недружелюбно и отказались продать что-нибудь. Тогда мне пришла в голову одна идея. Я знал, что в этой местности господствует суеверие, будто пища становится нечистой, если до неё дотронется чужеземец. И вот я подсказал мистеру Гибсону, чтобы он прикасался к разным продуктам и спрашивал: «Это что? А это?» Он послушался, и они страшно исполошились. А он трогал все так быстро, что крестьяне не успевали остановить его, и твердил: «Что это? Это что? Что это? Это что?» Как я и надеялся, местные жители после этого не захотели дотрагиваться до еды и оставили её нам. Англичане все равно думали заплатить и предложили двадцать рупий, но они отказались принять деньги и заспешили прочь, пригрозив, что доложат обо всем сельскому старшине. Однако ничего не случилось, потому что мы продолжали путь и сумели обойти их деревню. Зато мы наелись до отвала!

Во время этой экспедиции нам постоянно не везло с продовольствием. Однажды мы три недели подряд питались одними консервами. Наконец пришли в деревню, купили козу и зарезали её. Мы настолько

проголодались, что тут же съели всю козу, а на следующий день все мучились животами. Пришлось задержаться в деревне на три дня и лечиться аракой. Не знаю, как отнёсся бы к такому лечению врач, но мы во всяком случае поправились.

Все это происходило после попытки взять Бандар Пунч. Мы побывали также в Ганготри и Гомукхи — знаменитые места, привлекающие много паломников, потом миновали вершины Бадринат и Камет и прошли перевал Бирни на высоте 5500 метров, выше, чем мы забирались на Бандар Пунч. Первым этот перевал форсировал англичанин Бирни, участник штурма Камета в 1932 году; отсюда и название перевала. Но он шёл с юга на север, а мы первыми двигались здесь в обратном направлении. В это время у нас было очень мало местных носильщиков, так что нам пришлось так же трудно, как если бы мы поднимались на высокую вершину.

Итак, за два года я дважды побывал в Гархвале, и оба похода оказались очень интересными. Все же это было не то, что Эверест, и я продолжал думать о Чомолунгме. Вернувшись в Дарджилинг, я стал ждать с большим нетерпением. Весной 1938 года англичане организовали новую экспедицию, и я, конечно, нанялся к ним. Это была седьмая экспедиция на Эверест, а для меня третья.

На этот раз руководил Тильман; по своему размаху экспедиция значительно уступала предыдущей. Кроме Тильмана, в неё вошли Эрик Шиптон и Фрэнк Смайс, с которыми я уже ходил в горы, Оделл — его я встретил годом раньше около Нанда Деви, — а также Питер Ллойд и капитан Оливер, впервые участвовавшие в восхождении. Тильман был очень хороший и спокойный человек, все шерпы любили его. Косматый, с невероятно густыми бровями, он получил у нас

прозвище Балу — Медведь. Именно он придумал порядок, при котором шерпы не несут большого груза, пока не дойдут до самой горы, когда остальных носильщиков отпускают. Он же ввёл официально звание Тигра и медаль Тигра для Гималайских экспедиций.

Путь на Эверест проходил все там же, и в начале апреля мы разбили базовый лагерь выше монастыря Ронгбук. Здесь я вторично встретил отца: он опять услышал про экспедицию и пришёл через перевал Нангпа Ла проведать меня. Это была наша последняя встреча: он умер в Соло Кхумбу в 1949 году, прежде чем я попал туда. Он всегда был мне хорошим отцом, и я благословляю его память.

С ледника мы не сразу пошли на Северное седло, а, как и в 1935 году, попробовали сначала найти лучший путь. Тильман, я и двое шерпов (Черинг и Джингмей) поднялись к перевалу Лхо Ла, около которого побывал в своё время Меллори. Великий миг! Наконец-то я с одной стороны Эвереста видел другую. Где-то там, на юго-западе, находится Тами, мой родной дом... Далеко-далеко внизу, на склоне около ледника Кхумбу паслись яки, рядом с ними виднелась фигура человека. Я спрашивал себя, кто бы это мог быть.

Тильман надеялся пройти через перевал на другую сторону и разведать её, однако мы убедились, что склон страшно крут и весь покрыт льдом. Спуститься, возможно, и удалось бы, но подняться потом опять — ни за что. Было очень пасмурно, и мы не могли отчётливо видеть большой снежник, которому Меллори дал уэльское имя Western Cwm (другое название — Западный цирк). Поэтому нельзя было судить об условиях для восхождения с той стороны, и я, понятно, не подозревал тогда, что пятнадцать лет спустя там пройдёт путь к вершине.

Возвратившись в базовый лагерь, мы выступили к Северному седлу. На этот раз мы попали туда с двух сторон: старым путём, со стороны правой ветви Ронгбукского ледника, и новым, от главного Ронгбукского ледника. Мы убедились, однако, что второй путь очень крут и ещё ненадёжнее старого. По ледяным склонам ниже седла, как я уже говорил, часто проходят лавины, и вот я впервые сам попал в одну из них. Мы поднимались в этот момент вшестером, связками по трое: впереди капитан Оливер, я и шерпа Вангди Норбу, за нами Тильман и двое других шерпов. Место было крутое, снег глубокий, по самую грудь, и мы продвигались медленно, с большим трудом. Вдруг со всех сторон послышался треск, и снег тоже начал двигаться. В следующий миг мы заскользили все под гору вместе со снегом. Я упал и закувыркался вниз, потом зарылся головой в снег и очутился в темноте. Разумеется, я помнил, что произошло на этом самом месте в 1922 году, и подумал: «Это то же самое. Это конец». Тем не менее я продолжал бороться, протолкнул вверх ледоруб и попытался зацепиться им. К счастью, лавина остановилась, причём я оказался не очень глубоко. Мой ледоруб зацепился за твёрдый снег, я стал подтягиваться. И вот я уже опять выбрался на свет — живой!

Нам повезло. Снег прекратил скольжение, и все легко выбрались на поверхность. А тремя метрами ниже тянулась большая расщелина; попади мы в неё, ни один бы не выбрался. Теперь же пропал лишь один предмет — вязаный шлем капитана Оливера.

Мы разбили лагерь IV на Северном седле. В третий раз я оказался здесь. Но теперь мне наконец-то предстояло пойти ещё дальше. Для дальнейшего восхождения мы разделились на две группы. Я вошёл в первую, возглавляемую Смайсом и Шиптоном, вместе с ещё шестью шерпами — Ринцингом, Лобсангом, Вангди

Норбу, Лакпа Тенцингом, Да Черингом и Олло Ботиа. Следуя, по примеру предшествующих экспедиций, вдоль северо-восточного гребня, мы подняли грузы на высоту 7800 метров и разбили лагерь V. Впервые я оказался на такой высоте, однако она ничуть не повлияла на меня. Но погода стояла неблагоприятная и скалы покрывал глубокий снег, так что нам приходилось прямо-таки пробиваться сквозь него. Англичане хмурились и стали поговаривать о том, что до вершины добраться надежды мало.

В лагере V мы передохнули, затем приготовились идти дальше, чтобы разбить лагерь VI. Однако двое шерпов, которым поручили забросить палатки и топливо, не смогли дойти с Северного седла до лагеря V, а это осложняло дело. Без названных вещей нельзя было следовать дальше. Мы стали совещаться. Шерпы заявили, что если их пошлют вниз, они там и останутся, но я вызвался спуститься и доставить грузы. Мне пришлось идти одному. Палатки и топливо лежали на снегу на полпути от седла, где их оставили носильщики-шерпы, прежде чем повернуть обратно. Взвалив груз на спину, я двинулся вверх. И тут я чуть не сорвался — так близок к этому я никогда не был в горах. В отличие от послевоенных экспедиций мы в то время не пользовались кошками на крутых снежных и ледяных склонах. И вот я внезапно поскользнулся. Место было очень опасное, мне едва удалось зацепиться ледорубом и удержаться от дальнейшего падения. В противном случае я скатился бы на ледник Ронгбук, полтора километрами ниже. К счастью, все обошлось благополучно, я зашагал дальше и пришёл в лагерь V перед самыми сумерками. Смайс и Шиптон поздравили меня. Позже, когда экспедиция кончилась, я получил особое вознаграждение — двадцать рупий.

На следующий день мы продолжали восхождение и разбили лагерь VI на высоте 8290 метров. Так высоко

мне не приходилось бывать ни до, ни после, вплоть до 1952 года, когда я поднимался со швейцарской экспедицией с другой стороны Эвереста. Смайс и Шиптон остались в лагере, а мы, шерпы, в тот же день вернулись в лагерь V. Здесь мы встретили вторую группу — Тильмана, Ллойда и их носильщиков; они выступили дальше в лагерь VI, а мы спустились к седлу. Здесь мы стали ждать. Однако долго ждать нам не пришлось, потому что скоро начали спускаться и остальные. Обе группы альпинистов попытались штурмовать вершину из лагеря VI, но, как они и опасались, надежд на успех не было. Причём не из-за холода и даже не из-за ветра, а из-за снега: там, где в 1924 и 1933 годах торчали голые скалы, теперь лежали глубокие сугробы. И это было бы не беда, будь снег твёрдым, но нет, с каждым шагом они проваливались по грудь, а с неба сыпались все новые хлопья. Муссон подул раньше обычного и положил конец всем мечтам об успешном восхождении.

В этой экспедиции я впервые увидел кислородные приборы. Тильман относился к ним отрицательно, он считал, что Эверест можно и должно взять без кислорода. Большинство восходителей разделяло его мнение. Но Ллойд выше Северного седла шёл все время с кислородным прибором, всесторонне испытывая его. «Что это за странная штука?» — удивлялся я, а другие шерпы смеялись и называли его «английский воздух». Прибор был громоздкий и очень тяжелый — совсем не то, что мы брали с собой на Эверест много лет спустя, — и явно не оправдывал усилий на его переноску. Один из кислородных баллонов получил совершенно неожиданное применение в монастыре Ронгбук. Когда я снова пришёл туда в 1947 году, он висел на верёвке на главном дворе. Каждый вечер, когда наставал час монахам и монахиням расходиться по своим кельям, в него били, как в гонг.

Из-за плохой погоды мы решили спуститься совсем, но и это оказалось нелёгким делом. Снегопад не прекращался, приходилось опасаться новых лавин. К тому же случилась неожиданная беда. Утром в лагере IV на Северном седле, разнося по палаткам чай альпинистам и носильщикам, я обнаружил, что Пасанг Ботиа лежит без сознания. Я принялся трясти его — никакого впечатления; похоже было, что его разбил паралич. Начальником лагеря был Эрик Шиптон. Он осмотрел Пасанга, но тоже ничего не смог сделать. В это время Тильман все ещё находился в одном из верхних лагерей; придя оттуда, он с большим трудом спустил Пасанга вниз по крутым склонам на ледник. Причину заболевания Пасанга так никогда и не удалось выяснить; он остался частично парализованным даже после окончания экспедиции. Правда, это было единственное несчастье за все путешествие, если не считать того, что мы не взяли вершины.

Как я уже говорил, звание Тигра, хотя и употреблялось раньше в отношении шерпов, совершивших наиболее высокие восхождения, официально было введено только Тильманом. Началось это как раз с нашей экспедиции. Все шерпы, поднявшиеся в 1938 году до лагеря VI, получили медали; в наши личные книжки записали, что нам присвоено почётное звание. С тех пор Гималайский клуб, ведущая альпинистская организация в Индии, вручает медали Тигра всем шерпам, которые совершили выдающиеся восхождения. Я был, разумеется, счастлив и горд, что принадлежу к числу первых Тигров, и, вернувшись в Дарджилинг, подумал: «На этот раз мы забрались высоко. А на следующий, в 1939 или 1940 году, мы, быть может, достигнем цели».

Я не знал тогда, что происходит в мире, не знал, что случится вскорости. Прошло четырнадцать долгих лет,

прежде чем я получил возможность снова попытаться счастья на Чомолунгме.

6

ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Мне кажется, что жизнь шерпы-носильщика напоминает кое в чем жизнь моряка. Когда дела идут хорошо, он большую часть года проводит вне дома и редко видит свою семью. Правда, жене шерпы лучше, чем жене моряка: зная, где находится муж, она может не бояться соперничества других женщин.

Во второй половине 1938 года я отправился в Гархвал опять для того, чтобы сопровождать майора Осместона в топографической экспедиции. На этот раз мы производили съёмки в районе Альмора, там, где северная часть Индии соприкасается с Тибетом и Западным Непалом. В этом диком краю редко бывали чужеземцы. Местами мы могли смотреть через границу Тибета и видеть гору Кайлас. Хотя высота Кайласа всего около 6700 метров, индуисты и буддисты считают её самой священной из всех гималайских вершин. Возле неё находится большое озеро Манасаровар, также священное, и знаменитый монастырь; во все времена сюда приходили паломники из самых отдаленных частей Азии. Мне тоже хотелось побывать там, однако ближе Альморы я так и не попал.

Майор Осместон был хорошим альпинистом, но ему поручили не штурмовать вершины, а измерять и

наносить их на карту. Поэтому мы и на этот раз не совершили серьёзных восхождений. Тем не менее пришлось основательно поработать. С нами шли четырнадцать работников топографического ведомства и множество носильщиков, и мы провели в горах больше двух месяцев.

Затем я возвратился в Дарджилинг и провёл зиму вместе с Дава Пхути. В этом году у нас родился второй ребёнок, девочка; мы назвали её Пем Пем. К тому времени сынишке Нима Дордже исполнилось три года. Как я уже сказал, он был очень красивый. Глядя на него, я говорил себе: «Когда ты будешь слишком стар для восхождений, он займёт твоё место. И станет первым среди всех Тигров».

Настал 1939 год, и весной я, как всегда, вышел с новой экспедицией. Одна канадская дама, миссис Берил Смитон, приехала в Дарджилинг нанять шерпов через Гималайский клуб, причём её привлекали не близлежащие вершины, а Тиридж Мир, в другом конце Индии. Тиридж Мир находится, собственно, уже не в Гималаях. Он расположен за рекой Индус в Гиндукуше, у границы Афганистана. Тогда этот край казался мне таким же далёким, как Америка или Европа. Все же я решил вместе с ещё несколькими шерпами. Теперь я знаю, что в противном случае моя жизнь в течение последующих шести лет сложилась бы совершенно иначе.

Сначала мы совершили длинное путешествие, чтобы попасть в Лахор в Пенджабе, где встретили мужа миссис Смитон, капитана Смитона, и их друга, майора Оджила^[4]. Затем проехали ещё почти столько и попали на крайний северо-запад Индии, в Читрал, — эта область теперь входит в Пакистан. В центральном городе области состоялись наши последние приготовления, после чего мы выступили на Тиридж

Мир — большую красивую гору высотой около 7700 метров. Однако отряд был очень мал, снаряжения не хватало, и штурм оказался не по силам. Мороз и ветер заставили нас отступить. Все же мы поднялись до 6900 метров. Миссис Смитон не отставала ни на шаг — неплохое восхождение для женщины!

Вершина была почти целиком покрыта снегом и льдом, голые участки попадались редко, подъем не представлял особой трудности. С лучшим снаряжением нам удалось бы дойти до цели. Но мы совершали восхождение ради удовольствия, поэтому никто особенно не расстраивался. Позднее я с интересом узнал, что Тириджд Мир был впервые взят в 1950 году норвежской экспедицией.

На Тириджд Мире я исполнял обязанности начальника над шерпами и местными носильщиками. Ответственность большая, но официально я ещё не стал начальником. Только в 1947 году меня утвердили сирдаром, которому подчинены все носильщики экспедиции.

Восхождение происходило в июне и начале июля; потом другие шерпы вернулись в Дарджилинг, я же остался в Читрале. По пути к Тириджд Миру я встретил некоего майора Уайта. Он помогал Смитонам организовать экспедицию и отнёсся ко мне очень хорошо, по-дружески. Шотландец по национальности, он служил в одном из наиболее известных полков индийской армии — «Читралские разведчики». Майор Уайт предложил мне остаться поработать с ним. Я согласился. Поначалу я не думал оставаться долго, собирался домой, к жене и малышам. Но работа пришлась мне по душе, месяц проходил за месяцем, и незаметно подошёл конец года.

В это время я получил плохие вести из Дарджилинга. Мой сын Нима Дордже заболел кровавым поносом от плохой воды и умер — всего четырех лет.

«Мне надо ехать домой», — сказал я майору Уайту и отправился в начале 1940 года. Нима Дордже не стало, однако семья от этого не уменьшилась, потому что родился ещё один ребёнок, наша вторая дочь, и её мы тоже назвали Нима. Я задержался в Дарджилинге недолго. Мне очень нравилось в Читрале, к тому же в Европе шла война и было ясно, что в ближайшие годы можно не ждать больших экспедиций. Поэтому я взял с собой жену, обоих детей и поехал опять в Читрал. Прошло пять лет, прежде чем я снова увидел Дарджилинг.

Майор Уайт принял нас очень сердечно. Несколько месяцев я работал его личным ординарцем и помощником, затем перешёл в офицерскую столовую полка. Там я смог узнать много нового про западных людей, их обычаи, пищу и стал неплохим поваром. В конце концов меня назначили заведовать столовой. После я не раз думал: «Если тебе придётся бросить восхождения, сможешь поступить управляющим в гостиницу!»

Мы не оставались все время на одном и том же месте. Полк постоянно перемещался по Северо-Западной пограничной области, и я следовал за ним. Майор Уайт заботился обо мне, как о родном сыне: давал мне хорошую одежду, дарил подарки, но главное, брал с собой в походы в свободное от службы время. Мы не занимались восхождениями, зато отправлялись зимой в Кашмир, где я научился ходить на лыжах. Я очень любил лыжи, к тому же майор Уайт сказал, что это сможет пригодиться в горах. Однажды я упал очень неловко, сломал два ребра и вывихнул коленные суставы. Однако это не отвратило меня от лыж. Едва я поправился, как снова стал на лыжи. Горы, где мы катались, вовсе не похожи на те, по которым ходят альпинисты. Это даже не настоящие горы — просто холмы. Тем не менее я никогда ещё не мчался так

быстро в моей жизни даже по железной дороге. Именно это мне так и понравилось. Во время восхождений передвигаешься очень медленно, а на лыжах несёшься, как вихрь.

В Читрале не было других шерпов. За все годы, что я прожил там с семьёй, мы не встретили ни одного шерпы или непальца. Иногда мне становилось тоскливо. Правда, я узнавал много нового. Я встречал англичан, индийцев, турок и афганцев, индуистов и мусульман, христиан и евреев. Я научился говорить на хиндустани, пасту, на читралском наречии, продолжал совершенствоваться в английском. Я привык иметь дело с разными людьми и решать разнообразные проблемы. И чем дальше, тем реже вспоминал я о Дарджилинге. Я редко думал даже о Чомолунгме — ведь до неё было так далеко. Однажды майор Уайт прочёл мне письмо, в котором официально сообщалось о присвоении мне звания Тигра за работу на Эвересте в 1938 году. Медаль я получил только в 1945 году, когда вернулся в Дарджилинг.

Все это время шла война, размах её непрерывно расширялся. Когда-то я думал, что на свете есть только одна страна, населённая чилина-нга, — Англия, но теперь я знал, что их очень много, и в Европе и в других частях света. Я слышал о них по радио и надеялся, что когда-нибудь отправлюсь в путешествие и увижу их. Иногда мне казалось, что самым правильным было бы, пожалуй, пойти в армию. Но потом я возражал себе, что и так работаю для армии, а если надену форму, то вернее всего придётся делать ту же работу, только платить мне станут меньше, а строгостей будет больше.

Много говорили также о стремлении Индии к независимости и что будет новое государство Пакистан. Большинство жителей Читрала мусульмане, поэтому он вошёл впоследствии в Пакистан. А так как я не индуист, то у меня не было никаких неприятных столкновений с

читралцами. В ту пору я очень мало знал о политике и подобных вещах. Я мечтал только о том, чтобы жить тихо, спокойно и делать своё дело как можно лучше.

Тогда это было не трудно. Но я хотел бы, чтобы люди дали мне такую возможность и после взятия Эвереста!

Потом уж я сообразил, что мог бы неплохо подзаработать в Читрале. В этой части страны много драгоценных камней, и они попадались нам на каждом шагу, только я не знал тогда, что они так дорого стоят. Не знали этого и местные жители — они отдавали свои находки в обмен за несколько пачек чаю или другие продукты. Я привёз с собой в Дарджилинг несколько таких камней. Увидев их, местные купцы пришли в страшное, возбуждение и сказали, что камни драгоценные. Друзья уговаривали меня вернуться в Читрал, добыть побольше камней и разбогатеть на их продаже. Однако я отказался. Я ничего не имел против того, чтобы заработать деньги, но чувствовал, что торговец из меня не выйдет.

Наряду с майором Уайтом у меня появился хороший друг в лице врача Н. Д. Джекоба; он заведовал всеми гражданскими лечебными учреждениями в области Читрал. Это был очень занятый и важный человек, но совершенно свободный от той чопорности, которая присуща многим англичанам. Джекоб всегда относился очень приветливо ко мне и моей семье и лечил нас так, словно я махараджа или генерал. Я очень обрадовался, встретив его много лет спустя в Лондоне, и был глубоко тронут, когда узнал, что он проехал восемьсот километров только для того, чтобы повидать меня.

Однако наше общение с доктором Джекобом было не только приятного свойства. Попав в Читрал, моя жена Дава Пхути стала часто болеть — видно, климат не подходил. Как доктор ни старался, ей становилось все хуже. В 1944 году она скончалась. Её смерть была

страшным ударом для меня и для наших дочерей Пем Пем и Нимы. Старшей исполнилось всего пять лет, младшей — четыре, и вот они остались без присмотра. Я не знал, что и делать. Одно время я нанял им аяя, но с ней у нас что-то не ладилось. И вот в начале 1945 года я решил, что нам надо возвращаться в Дарджилинг.

За эти годы мне удалось скопить около полутора тысяч рупий, так что денежный вопрос меня не беспокоил. Однако война ещё продолжалась, и проехать оказалось трудно. Сначала я раздобыл лошадь с вьючными сумами. Посадил по одной дочери в каждую суму и провёл лошадь на поводу через перевал из Читрала до города Дир. В Дире железная дорога, но и желающих ехать было множество; я никак не мог попасть в поезд. Неудивительно, что с двумя малышами на руках я пришёл в отчаяние. Наконец меня осенило. Майор Уайт отдал мне старый мундир с офицерскими погонами — в этом мундире я выглядел настоящим начальником. Я отправился снова на станцию, дождался воинского состава и прошёл прямо в купе первого класса. Никто не сказал мне ни слова, поезд вскоре тронулся. Так я и проехал почти через всю Индию со своими девочками, не заплатив ни одной анна.

В Силигури, ближе к Дарджилингу, я снял форму, так как скоро должен был оказаться среди людей, которые знали меня, и мне не хотелось попасть в тюрьму за незаконный маскарад. Последнюю часть пути мы проехали на автобусе. После шести лет отсутствия я наконец-то очутился дома. Даже старым друзьям я казался чужим человеком. Они таращили глаза на мою странную одежду и смеялись моему произношению. Некоторое время меня так и звали «Патан» — по имени народа, населяющего северо-запад Индии и Афганистан.

Хотя мне не плохо жилось в Читрале, я был рад вернуться к своему народу. Однако мои дочери

нуждались в хорошем уходе, а один я не мог с этим справиться. Друзья посоветовали мне: «Женись на доброй женщине, которая могла бы присмотреть за ними». Я отвечал: «Это хорошая мысль. Но на ком?» И тут мне опять повезло. Я снова встретил Анг Ламу, ту самую молодую женщину, которая когда-то покупала у меня молоко и торговалась из-за цены. И вот оказалось, что она двоюродная сестра Дава Пхути. Мы поженились; она стала новой матерью моим детям, и за это я в течение последовавших лет имел все основания быть ей благодарным.

7

ГОРЫ СТОЯТ НА СВОИХ МЕСТАХ

Спустя две недели после женитьбы я уже отправился в очередное путешествие. Боюсь, что Анг Ламу была не очень довольна, но такова уж судьба шерпских жён.

Первый поход продлился недолго. Он не был даже связан с восхождением. В годы войны в Индии собралось много американцев, и во время отпуска они часто приезжали в Дарджилинг. Один из них, подполковник Тейлор, прибыл в Дарджилинг с разрешением на въезд в Тибет; он нанял меня, чтобы я помог организовать поездку и сопровождал его. Мы взяли двух лошадей для себя и несколько мулов для багажа и двинулись — сначала по долинам Сиккима, затем через высокие, овеваемые ветрами перевалы. Нам нужно было недалеко, всего только до Гьянтсе, одного из ближайших к границе городов, но до тех пор я бывал в Тибете лишь в Ронгбуке и на Эвересте, потому мне было не менее интересно, чем Тейлору. Он держался очень приветливо и не раз повторял, что научит меня водить «джип», если я приеду в Америку. С тех самых пор я брежу «джипом», и, если у меня когда-

нибудь окажется столько денег, я обязательно куплю себе такую машину: она лучше всего подходит для крутых дорог в районе Дарджилинга.

Подполковник Тейлор был не только приветлив, но и щедр. Позднее, когда кончилась война, он прислал мне перед отъездом на родину двести рупий в качестве подарка. Однако за ним ещё остаются уроки вождения автомобиля, и если я попаду в Америку, то предъявлю ему счёт!

Наше путешествие продлилось всего два месяца. Подобно подполковнику Тейлору, большинство американцев, с которыми мне пришлось иметь дело, предпочитало верховую езду пешему хождению; таким образом, приобретя опыт в обращении с лошадьми, я нашёл новый способ зарабатывать на жизнь. Вернувшись в Дарджилинг, я купил на свои читралские сбережения две лошади и стал отдавать их напрокат. Некоторое время все шло хорошо. Другие шерпы целыми днями носили грузы по горам, а мне было достаточно отдать лошадей напрокат, после чего я мог сидеть дома всю вторую половину дня.

Правда, я редко так поступал, потому что мне не сиделось дома, хотелось чем-нибудь заняться. И вот я стал одновременно работать проводником для туристов, как делал это до войны. Помню, однажды я привёл на восходе на Тигровый холм семь американских леди, чтобы показать им Эверест. На высотке были в этот момент и другие проводники и туристы, причём проводники делали одну вещь, которую, стыдно сказать, позволяли себе часто: они показывали своим туристам не ту гору. Дело в том, что Эверест не производит особенного впечатления с Тигрового холма. Он лежит далеко, да к тому же отчасти заслонён вершинами Лхотсе и Макалу, которые кажутся больше, особенно Макалу. Туристы обычно и принимают Макалу

за Эверест, а многие проводники поддакивают: «Да, это Эверест» — им все равно, а объяснять лень.

Мне подобные штуки не по душе. Я рассказал своим семерым леди, где Эверест, и объяснил, почему вершина кажется меньше других. Они были так довольны моей честностью, что позже брали у меня напрокат лошадей и рекомендовали меня своим друзьям.

Дарджилинг тем и хорош, между прочим, что туда постоянно приезжает много различных людей. Как-то утром, идя по Човраста, главной улице города, я вдруг увидел миссис Смитон, которую не встречал со времени Тиридж Мира. С ней был незнакомый мне мужчина, и я ждал, что она представит его мне. Когда же он заговорил, я обнаружил, к своему удивлению, что это её муж. Позднее он рассказал, что во время войны был ранен пулей в нос, чем и объяснялась перемена в его облике. Но характер обоих супругов не изменился, они были все такие же приветливые и дружелюбные. Смитоны пригласили меня сопровождать их в течение недели на Калимпонг, и наше знакомство возобновилось очень приятным образом.

Как и прежде, я водил туристов в небольшие походы к близлежащим поселениям — Пхалут, Тонглу, Сандакпу. Иногда эти походы оказывались поучительными не только для них. Так, мне вспоминается одна английская чета, которую я водил на Тигровый холм. Им захотелось посмотреть побольше, мы взяли лошадей и направились в Тонглу. Господина я помню очень смутно, но госпожа была красива, особенно я обратил внимание на её чудесную кожу и красивые белые зубы. Вечером первого дня мы остановились на ночёвку в гостинице, а утром я, как обычно, принёс им воду для умывания и чай. Когда я подошёл к кровати госпожи, она поднялась и села. Я подумал: «Господи, я не в ту комнату зашёл!» Передо

мной была не молодая и красивая женщина, а морщинистая беззубая старуха. Я поставил кувшин и чайник и хотел бежать. Но тут заметил на столике у кровати баночки с кремом и пудрой и две красивые челюсти в стакане воды. Я подумал: «А может быть?..» — но все-таки удрал. А когда она вышла немного спустя, то была так же молода и хороша собой, как накануне.

Весной 1946 года состоялась, наконец, моя первая за много лет настоящая экспедиция. Её целью был Бандар Пунч, «Обезьяний хвост», в Гархвале. Получив приглашение от моих старых друзей, мистера Гибсона и мистера Мартина, я обрадовался, как мальчишка. «Ты снова пойдёшь в горы!» — только и мог думать я, и все внутри у меня пело.

Итак, я отправился в Гархвал. Мы выступили в поход. Вместе с нами шли: мистер Р. Холдсуорт, также учитель Дун Скул, участник экспедиции 1932 года на Камет, майор британской артиллерии Мунро и лейтенант индийской армии Н. Д. Джаял, с которым мне предстояло впоследствии познакомиться ещё ближе. Однако нам и на этот раз не повезло на Бандар Пунче. Погода стояла плохая, все время валил густой снег. Тем не менее мы поднялись почти до 5500 метров, на триста метров выше, чем в 1937 году. Я чувствовал себя превосходно, снова очутившись в любимых горах.

— Мы ещё вернёмся. Придёт день, когда мы поймем эту обезьяну за хвост, — сказал на прощанье Гибсон.

— Только не следует больше называть эту гору Обезьяний хвост, — ответил я, смеясь. — Отныне она должна называться Дун-Скул-гора.

Странное дело с Канченджунгой. Вот она, третья вершина в мире, возвышается чуть ли не над самым Дарджилингом, где я провёл полжизни, постоянно видя

её. И все же я не бывал на ней. Я много раз ходил на Эверест, уезжал в Гархвал, в далёкие горы Кашмира и Читрала и ни разу не ходил на Канченджунгу. Ни один шерпа моего поколения не поднимался на Канченджунгу.

Поединок человека с Канченджунгой начался давно. В 1905 году небольшой швейцарский отряд пытался найти путь к вершине и пропал без вести. Двадцать четыре года спустя молодой американец Фэрмер задумал один взойти на вершину, подобно Уилсону на Эвересте, но тоже погиб. В том же 1929 году и в течение двух последующих лет на Канченджунгу ходили три большие экспедиции: две немецкие и одна швейцарская с участием нескольких англичан и австрийцев. Смешанная экспедиция предприняла в 1930 году попытку с непальской стороны. Однако едва началось восхождение, как обрушилась, вероятно, величайшая из лавин, когда-либо виденных человеком. Казалось, весь склон горы сдвинулся с места, и, хотя погиб лишь один шерпа, отряд был настолько близок к гибели, что альпинисты решили идти на другую гору. Обе немецкие экспедиции 1929 и 1931 годов шли с другой стороны, через Сикким и вверх по леднику Зему. Оба раза неделями и месяцами делались попытки пробиться вверх по большому ледяному гребню, известному под названием Северо-Восточного гребня. В конце концов второй экспедиции удалось достичь его наивысшей точки — 7900 метров, но путь к вершине так и не был найден. Двое участников — один немецкий альпинист и шерпа Чеден — погибли, упав с высоты тысячи с лишним метров.

С тех пор никто не пытался взять Канченджунгу, несмотря на то, что к ней так легко пройти из Дарджилинга. Дело в том, что она ближе других больших вершин расположена к равнине и Индийскому океану, из-за чего погода на ней крайне неустойчива.

Летний муссон дует здесь особенно долго и сильно, нагоняя такие плотные облака, что из Дарджилинга месяцами не видно вершины. И в остальное время года соприкосновение поднимающегося снизу тёплого воздуха с холодным снегом рождает частые бури и мощные лавины.

Канченджунгу окружает много меньших вершин: Кабру, Джанну, Симву, Джонсонг, Канг, Коктанг, Пандим. На большинство этих гор поднимались альпинисты, и им удалось взять несколько вершин. Правда, благодаря меньшей высоте там не такие сложные условия. Но как бы то ни было, я не думаю, чтобы альпинисты совсем отказались от попыток взять третью вершину мира. За последние несколько лет на неё ходило много разведывательных групп в поисках новых, лучших путей, и я не удивлюсь, если в скором времени будет снова снаряжена большая экспедиция для взятия Канченджунги^[5].

Сам я, повторяю, никогда не был на ней. Зато не один раз побывал поблизости. Впервые — в 1935 году, когда участвовал в заброске грузов для базового лагеря на Кабру. А затем уже в 1946 году, по возвращении из Гархвала, причём дважды на протяжении нескольких месяцев.

Первый из этих походов я совершил с майором индийской армии Ридом. Мы вышли не на штурм вершин, а для исследования больших ледников Зему и Ялунг и восхождения к высокогорным перевалам этого района. Кроме того, нам поручили попробовать найти тела погибших альпинистов: годом раньше здесь проходили две экспедиции, и в обоих случаях были человеческие жертвы — лишнее доказательство опасности района. Одной из экспедиций руководил капитан Лэнгтон Смит; вместе с тремя шерпами он вышел на взятие вершины «Сахарная голова», но исчез

во время бурана. Из состава другой экспедиции пропал К. Рой, директор бенгальского лампового завода. Перед нашим выездом из Дарджилинга его вдова, американка, просила нас попытаться отыскать останки погибшего и доставить ей.

Мы обследовали район очень внимательно и действительно нашли вскоре тело одного из носильщиков капитана Смита. Он лежал около большой скалы, неподалёку от озера Гринлейк. Рядом с ним сохранились остатки костра, а под телом валялся чайник. Чуть подальше мы подобрали в камнях пакеты с фотолентой, которая явно принадлежала капитану Смигу, однако не обнаружили ни его самого, ни других носильщиков. В этом районе много озёр — я думаю, что они хотели перейти через такое озеро по тонкому слою заснеженного льда и утонули.

Несколько позднее, возвращаясь с ледников, мы наткнулись на тело мистера Роя, тоже недалеко от Гринлейк. Кто-то пытался кремировать труп, но безуспешно. Мы похоронили останки. Памятуя просьбу миссис Рой, мы взяли с собой кусочек обуглившейся кости и ручные часы её мужа и доставили в Дарджилинг.

В этом походе мы занимались розысками тел погибших только попутно. Но едва я вернулся, как ко мне обратился капитан Торнлей из седьмого пехотного полка гуркхов. Он выходил специально на поиски капитана Смита; и вскоре я уже опять шёл к Зему. С нами было ещё шестеро шерпов. По прибытии на место мы разбились на несколько групп; начались многодневные поиски. Но на этот раз мы вообще ничего не нашли. Во всяком случае никаких следов капитана Смита. Зато мы нашли следы йети.

Расскажу теперь все, что знаю о йети, «ужасном снежном человеке». А знаю я не больше, если не

меньше, чем другие люди, долго жившие в Гималаях. Впервые я увидел сам следы йети на леднике Зему в 1946 году; после этого они попались мне только один раз, у подножья Эвереста, когда я был там со швейцарцами в 1952 году. Я уже упоминал, что мальчиком в Соло Кхумбу часто находил на горных склонах и ледниках звериный помёт и был уверен, что он принадлежит йети. Сверх того я, конечно, слышал много рассказов от отца и других.

Вот что рассказывал мне отец.

Впервые он встретился с этим странным животным на леднике Барун, около горы Макалу, недалеко от Тсачу, где я родился. Он столкнулся с ним неожиданно и так близко, что видел его совершенно отчётливо. Йети напоминал большую обезьяну с той разницей, что у него были очень глубоко лежащие глаза, а голова заострялась к макушке. Тело животного покрывала сероватая шерсть, причём росла она очень примечательным образом: выше пояса — вверх, ниже пояса — вниз. Это была самка с отвислыми грудями, ростом около метра двадцати сантиметров. Она передвигалась на задних конечностях, придерживая груди передними. Отец, конечно, испугался. Но и йети тоже. Зверь вдруг круто повернул и стал карабкаться вверх по крутому склону, издавая резкий свист, затем скрылся. После этого отец долго ждал беды, потому что многие утверждают, будто увидевший йети должен вскоре умереть. Отцу, однако, повезло, он не умер. Но, по его словам, он болел после этого случая почти целый год.

Впоследствии ему пришлось встретить йети ещё раз. Это было в 1935 году, когда он пришёл через Нангпа Ла в Ронгбук навестить меня во время моей первой экспедиции на Эверест. Как-то он один остался ночевать в лагере I на леднике; все остальные были либо в базовом лагере внизу, либо в верхних лагерях.

Утром, на рассвете, он услышал пронзительный свист. Выглянув из палатки, отец увидел довольно близко животное, которое шло по леднику с юга на север. Отец, конечно, сильно перепугался. Он не хотел смотреть на йети, но не решался и спрятаться в палатке, потому что боялся, что тогда зверь подойдёт ближе, а то и войдёт в палатку. В конце концов он решил остаться на месте и простоял так, пока йети не спустился по леднику и скрылся из виду. После этого отец поспешил ко мне в лагерь II. Мы встретились, он обнял меня и сказал: «Я проделал такой путь, чтобы повидать сына, а вместо этого увидел йети». Но на этот раз он видел йети не так близко и не болел потом.

По всем Гималаям среди горцев ходят истории об йети. Трудно сказать, что правда, а что рождено воображением и суеверием. В Соло Кхумбу рассказывают, что много лет назад целая компания йети поселилась недалеко от деревни Таргна. Местные шерпы строили дома и возделывали свои поля, а по ночам, или когда люди уходили, появлялись йети и все разрушали и портили, так что потом приходилось начинать сначала. Примечательно при этом, что йети делали это не ради разрушения. Испортив все, они потом пытались по-своему соорудить дома или устроить поля. Но, конечно, у них ничего не получалось, и жители деревни были просто в отчаянии. Застать животных им никак не удавалось; тогда они придумали хитрость. Как-то раз шерпы направились в одно место, где часто собирались йети — об этом они узнали по помету, — и поставили там много чаш с чангом, крепким шерпским пивом, а кругом положили кукри, кривые непальские ножи. Ночью йети, как и было задумано, обнаружили чанг и выпили его. А захмелев, собрали кукри и принялись драться. Утром их нашли почти всех мертвыми, и с тех пор жители Таргна могли спокойно заниматься своими делами. Так рассказывают люди.

Шерпы считают, что существуют йети двух родов: метрей, людоед, и чутрей, который поедает только животных. Из них чутрей якобы крупнее, напоминает большого бурого медведя, только у него, как у всех йети, ноги, мол, вывернуты задом наперёд. Некоторые европейцы и учёные так и считают, что йети не что иное, как вид медведя. Известный учёный Джулиан Гексли приехал как-то в Дарджилинг, и там я услышал от него такое предположение. Другие же считают йети похожим на большую обезьяну, таким описывал его и мой отец.

Лишь немногие утверждают, что видели йети своими глазами. Местные горцы боятся встречи с ним, потому что здесь распространено поверье, будто после такой встречи в человека вселяется бес. Как я уже говорил, сам я не видел йети — ни пьяного, ни трезвого, ни ходящего задом наперёд. Я не суеверен. Я не верю ни во что сверхъестественное, не верю и во многие слышанные нелепые истории. Однако я не думаю, чтобы мой отец был лжецом и сочинил все на ходу. Бесспорно также, что следы, которые я видел на леднике Зему в 1946 и около Эвереста в 1952 году, не были следами какого-либо известного мне животного. Хотя я и не могу доказать этого, я уверен, что йети существует. Думаю, что это зверь, а не человеческое существо, что он выходит из своего логова только по ночам и кормится растениями и мелкими животными, обитающими на высокогорных лугах; скорее всего это обезьяна ещё не известного вида.

В 1954 году в район Эвереста выезжала на поиски йети специальная англо-индийская экспедиция. Я охотно сопровождал бы их, но, увы, не мог. Подобно многим другим, они нашли следы и другие признаки, но только не самих йети, и, хотя итог был обескураживающим, я думаю, что это даже к лучшему. Люди пробрались в самые отдалённые уголки земли,

научились изготавливать всевозможные вещи, сделали столько открытий, и, мне кажется, это даже неплохо, что осталось хоть немного такого, чего мы ещё не знаем^[6].

8

ПОРАЖЕНИЯ И ПОБЕДЫ

В первые послевоенные годы в Дарджилинге жилось тяжело. Экспедиции приезжали редко, больших восхождений и вовсе не устраивали. А с провозглашением независимости Индии все смешалось. Американские военные и чиновники уехали, других туристов не было; за американцами последовали и многие англичане. Чайные плантации приходили в запустение. С работой стало плохо, нужда и безработица усилились.

В довершение ко всему у нас в семье появились ещё и свои трудности: моя тёща болела и была прикована к постели уже два года, а так как муж её умер, то ухаживать за ней приходилось нам. Я подолгу ходил без работы. Читралским сбережениям пришёл конец, и Анг Ламу одна кормила всю семью. Некоторое время она работала в качестве аяя, няни, в разных семьях, потом сестрой у Смит Бразерс, американских зубных врачей, которые много лет практиковали в Дарджилинге. Я говорил ей тогда и повторял не раз позже, что никогда не забуду, что она сделала для всех нас в те трудные дни.

Как я уже говорил, Анг Ламу родилась в Дарджилинге. В детстве она побывала в Соло Кхумбу, но почти ничего не помнила и очень мало знала о примитивной жизни на моей родине. Впрочем, её семья, как и все шерпы, тоже жила бедно. С восьми лет она

узнала тяжёлый труд: сначала носила поклажу по городу, потом работала прислугой в состоятельных семьях. Прислугой она была и тогда, когда я познакомился с ней и мы торговались из-за молока. Но в 1938 году в жизни Анг Ламу произошла большая перемена. Английская семья Уоллес, в которой она тогда работала, возвратилась в Лондон и взяла её с собой няней двоих своих детей. Несколько месяцев Анг Ламу прожила в центре Лондона, в гостинице возле Гайд-парка, познакомилась с жизнью на Западе. Однако путешествие оказалось не очень удачным: впервые попав на пароход, Анг Ламу почти всю дорогу проболела, а пожив некоторое время в Лондоне, снова почувствовала себя плохо, и ей пришлось лечь в больницу. Выйдя из больницы, она узнала, что миссис Уоллес опять уезжает из Англии; таким образом, Анг Ламу осталась без места и вынуждена была в одиночку проделать весь обратный путь в Индию. Это случилось перед самой войной, отношения между Англией и Германией сильно осложнились, и можно было ждать самого худшего. В 1953 году, когда мы поехали в Англию уже вместе, Анг Ламу рассказывала, что из предыдущего путешествия ей лучше всего запомнилось, как её учили в больнице пользоваться противогазом.

Анг Ламу скрытная женщина. И сейчас мало кому известно, что она побывала в Англии до 1953 года и хорошо понимает по-английски. Хозяева, у которых она работала, знают её обычно под именем Нимы, а не Анг Ламу или миссис Тенцинг. Совсем недавно, в связи со штурмом Эвереста, произошёл забавный случай из-за её скрытности. Пока я был в экспедиции с англичанами, она работала аяя у жены одного английского офицера, поселившегося в Дарджилинге в гостинице. В газетах часто печатали мою фотографию; Анг Ламу интересовалась, что обо мне пишут, но сама прочесть

не умела и вынуждена была просить других. Как-то раз она обратилась к одной английской даме в гостинице, а та, в свою очередь, захотела узнать, почему это её так интересуется. «Ты знаешь этого Тенцинга, Нима? — спросила она. — Это твой знакомый?» Но моя жена осталась верна себе и ответила: «Просто это один шерпа из Тоонг Соонг Бусты, оттуда, где я живу». На том тогда все и кончилось. А несколько месяцев спустя, после взятия Эвереста, в Калькутте давали приём в нашу честь, причём среди приглашённых оказалась та самая англичанка. Гости подходили здороваться с нами, настал и её черед. Я увидел, что женщина смотрит совсем не на меня, а на Анг Ламу, которая стояла рядом со мной. Потом она вдруг замерла и произнесла с таким видом, будто сейчас упадёт в обморок: «Господи, да это же Нима!»

Так и шла наша жизнь: весёлое и печальное вперемешку, то вверх, то вниз, как в горах. Счастлив тот мужчина, который находит в своей жене помощницу, готовую делить с ним хорошее и плохое, какую я нашёл в Анг Ламу.

Однако сразу после войны казалось, что все идёт только под гору. Семья держалась на Анг Ламу, мне же лишь от случая к случаю перепадала плохонькая работёнка. А на севере высилась над долинами Канченджунга: огромная, белая, красивая и неожиданно ненавистная, потому что она словно издевалась надо мной. Что случилось со мной или с миром, почему я не могу пойти в любимые горы, жить жизнью, для которой рождён?

Я не ходил больше на Тигровый холм. Туристов не было, да я и все равно бы не пошёл туда. Если уж Эверест стоит на месте, то лучше хоть не видеть его. Я не хотел его видеть, даже думать о нем не хотел... И все-таки все время думал.

А весной 1947 года произошёл нелепый случай. Началось с того, что в Дарджилинг приехал мистер Эрл Денман.

Мистер Денман родился в Канаде, вырос в Англии и жил теперь в одном из британских владений в Африке. Там он немало путешествовал, ходил по горам в диких местах; короче, это был такой человек, который не нуждался в няньках. Но все, что он совершил ранее или собирался совершить, вдруг потеряло для него всякую цену: у него родился великий замысел, родилась великая мечта. Он хотел взять Эверест, и притом в одиночку! Впрочем, не совсем в одиночку, конечно, но во всяком случае без настоящей экспедиции. Денман искал спутников, и таким образом я и встретил его. Однажды ко мне зашёл Карма Паул, старый сирдар, и сказал: «К нам в город приехал один господин, он задумал дело, которое может тебя заинтересовать». — «Что-нибудь насчёт гор?» — спросил я. «Да, насчёт гор». И вот уже я вместе с другим шерпой, Анг Давой, в маленькой конторе Карма Паула веду переговоры с мистером Денманом.

С самого начала мне стало ясно, что я ещё никогда не видел ничего подобного. Денман был один. У него было очень мало денег и плохое снаряжение. Он не имел даже разрешения на въезд в Тибет. Зато решимости у него было хоть отбавляй и говорил он крайне серьёзно и убеждённо; переводил Карма Паул. Денман особенно настаивал на моем участии. Ведь я был «тигр», поднимался на Эверест выше восьми тысяч метров, говорил по-тибетски и немного по-английски, наконец меня рекомендовали ему как лучшего проводника среди шерпов. Все это звучало очень лестно, но в то же время нелепо, и мы с Анг Дава ответили, что нам надо подумать.

О чем тут было думать, даже не знаю, потому что вся эта затея выглядела чистейшим безумием. Во-

первых, нам вряд ли удастся вообще попасть в Тибет. Во-вторых, если даже попадём, то нас скорее всего поймут, а тогда нам, проводникам, как и Денману, грозят серьёзные неприятности. В-третьих, я ни на минуту не верил, что наш маленький отряд, даже добравшись до горы, сможет взять вершину. В-четвёртых, уже сама попытка будет чрезвычайно опасной. В-пятых, у Денмана не было денег ни для того, чтобы хорошо заплатить нам, ни чтобы гарантировать приличное возмещение нашим семьям, если с нами что-нибудь случится. И так далее и тому подобное. Любой нормальный человек сказал бы «нет». Но я не мог отказаться. Меня неудержимо тянуло в горы, зов Эвереста действовал на меня сильнее всего на свете. Мы с Анг Дава посоветовались несколько минут и решились. «Хорошо, — сказал я Денману, — мы попробуем».

Выяснилось, что он не только не имел разрешения на въезд в Тибет, но даже подписал бумагу, в которой обязался не приближаться к его границам. Поэтому необходимо было соблюдать строгую тайну, и мы, вместо того чтобы выступить из Дарджилинга, условились встретиться в определённом месте за городом и выйти оттуда. Затем двинулись по обычному маршруту экспедиций, через Сикким. Но этим и ограничивалось наше сходство с настоящей экспедицией, потому что если там все тщательно распланировано и организовано, то мы жили ото дня ко дню и никогда не знали, что принесёт нам завтра. Иногда мы передвигались одни, иногда вместе с караванами, и тогда удавалось нанять вьючных животных для перевозки нашего груза. Наконец мы вышли из долин и лесов Сиккима к высоким гималайским перевалам, по которым проходит граница Тибета.

Здесь я предложил Денману уклониться от обычного маршрута, чтобы избежать встречи с патрулями. Нам удалось перебраться через границу по редко используемому перевалу. Оттуда мы направились на запад через большое плато в сторону Ронгбука. Конечно, дело не ладилось. Что ни день, случалась какая-нибудь новая беда. Мы редко наедались досыта. В одном месте навьюченные яки сорвались с крутого склона, и мы чуть не погибли вместе с грузом. Затем, как мы и опасались, нас перехватили солдаты и приказали вернуться обратно. Однако нам удалось заговорить им зубы и избежать ареста; мы сделали вид, будто возвращаемся, а сами пошли в обход и продолжали путь. После этого мы обходили все города и деревни и прибыли, наконец, к Ронгбукскому монастырю, где нас приняли без вопросов и подозрений.

И вот перед нами Эверест — белый, огромный, окутанный снежной дымкой, каким я помнил его все эти девять лет. Старое возбуждение овладело мной с такой же силой, как прежде. Я снова там, куда всегда так стремился! Однако я ещё не распрощался со своим разумом и, глядя на гигантскую гору, отчётливее, чем когда-либо, сознавал безнадежность нашего предприятия. Вспомнился Морис Уилсон, его трагическая гибель в 1934 году... Я сказал себе: «Нет, мы не допустим ничего подобного. Никому не придётся находить наши замёрзшие тела в маленькой палатке».

И все-таки мы пошли вверх по леднику, мимо старых нижних лагерей в сторону снежных склонов под Северным седлом. Нас было только трое, и приходилось очень тяжело. Дул сильный ветер, стоял мороз. Мне казалось, что никогда ещё здесь не было так холодно, пока я не сообразил, что виновато плохое снаряжение. Одежда пропускала ветер. Не хватало продовольствия, а самого главного, чая, уже не оставалось совсем. Обе

наши палатки защищали немногим лучше листа бумаги, и вскоре Денману пришлось перейти к нам с Анг Дава. Втроём было все-таки теплее.

Зато мы двигались быстро. Для больших экспедиций между разбивками лагерей проходит два-три дня, потому что приходится забрасывать грузы в несколько приёмов. Мы же каждый день разбивали новый лагерь, переноса все имущество за один раз, и вскоре очутились у подножья снежных склонов ниже Северного седла. Я чувствовал, однако, что мы дальше не пойдём. Денман был менее привычен к холоду, чем Анг Дава и я, и очень страдал. По ночам он не мог спать. Порой казалось, что он и идти-то не сможет. Из нашего последнего лагеря, четвёртого, мы сделали отчаянную попытку взобраться вверх по крутому склону к Северному седлу, но холод пронизывал до костей, а ветер сбивал с ног. И вот мы уже опять сидим в палатке, измученные и побеждённые.

Даже Денман понимал, что мы побеждены. Он был храбрый человек, решительный, настоящий фанатик, одержимый идеей. Но он не был сумасшедшим. Он не собирался губить себя, подобно Уилсону, и предпочёл вернуться. За это я благодарен больше, чем за что-либо другое в моей жизни: если бы Денман настаивал на продолжении штурма, мы с Анг Дава оказались бы в ужасном положении.

Отступали мы ещё быстрее, чем наступали. Потёрпев поражение, Денман, казалось, стремился возможно скорее уйти с Эвереста, словно любовь к горе внезапно сменилась ненавистью. Мы чуть не бегом примчались к монастырю и продолжали с той же скоростью путь по диким плато Тибета, будто гора преследовала нас, как врага. Теперь у нас было ещё меньше продовольствия. Наша одежда превратилась в лохмотья, а Денман до того разбил ботинки, что несколько дней ему пришлось идти босиком. И все же

мы шли. К счастью, нам не попался ни один патруль. Не успел я и оглянуться, как мы вернулись из Тибета в Сикким, а ещё через несколько дней, в конце апреля, вошли в Дарджилинг. Весь поход к Эвересту, вверх по горе и обратно, занял всего пять недель!

Так кончился этот молниеносный, безумный, нелепый поход. Несколько дней спустя Денман был уже на пути обратно в Африку, и мне казалось, что я вовсе и не ходил на Эверест, что все приснилось. Однако вскоре я стал получать от Денмана письма, в которых он обещал вернуться на следующий год; весной 1948 года он и в самом деле появился в Дарджилинге. На этот раз со снаряжением дело обстояло лучше, но разрешения на въезд в Тибет Денман опять не получил. За прошедший год было много разговоров о нашем нелегальном походе, меня осуждали за то, что я согласился быть проводником, и я знал, что, если это повторится, мне грозят большие неприятности. Поэтому я вынужден был отказать Денману, ответить, что без разрешения на въезд я не смогу сопровождать его.

Другого надёжного проводника найти не удалось, и пришлось Денману возвращаться в Африку. Везти снаряжение обратно ему было уже не по карману, и он подарил его мне. С тех пор мы больше не встречались, но иногда переписываемся, оставаясь хорошими друзьями. При всех своих странностях Денман мужественный человек, человек мечты, и я сожалею, что ему не удалось осуществить её. В 1953 году, стоя на вершине Эвереста, я был в вязаном шлеме, который оставил мне Денман, так что хоть малая частица его достигла цели.

Однако вернёмся к 1947 году. В течение многих месяцев до приезда Денмана я ходил без работы, но едва вернулся с ним в Дарджилинг, как все внезапно

переменилось, и в первый же день я получил новую работу.

Притом это была настоящая экспедиция. Правда, не очень большая и не на Эверест, но хорошо финансируемая и организованная, так что она показалась мне почти чудом после пережитого с Денманом. Восхождение должно было происходить в Гархвале, но один из членов отряда, знаменитый швейцарский альпинист Андре Рох, приехал в Дарджилинг заранее, чтобы набрать шерпов. Не успел я опомниться, как уже подписал соглашение. Вместе с Рохом и другими шерпами я отправился на место старта экспедиции в Гархвал, где встретил её прочих участников. Здесь были Альфред Суттер, состоятельный делец и опытный альпинист и охотник, Рене Диттерт, с которым я позднее ходил на Эверест, миссис Аннелис Лонер, молодая альпинистка, и Алекс Гравен, один из наиболее известных проводников в Альпах. Все они были швейцарцы; я впервые встретился с этим народом, с которым позднее так тесно сдружился.

Мы собирались штурмовать не одну какую-то большую вершину, а несколько второстепенных, хотя их, наверное, не назвали бы так где-либо в другом месте, не в Гималаях. Все они превышали 6000 метров и не были ещё никем взяты. Мы начали со снежной вершины Кедернат. После долгого перехода по пересечённой местности подошли к подножью горы и стали разбивать лагерь. Мы поднимались все выше и выше, высматривая наилучший путь к вершине, пока не уверились, что нашли нужное; затем приготовились к штурму. Я не попал в штурмовую группу, потому что мне поручили помогать госпоже Лонер, а она, хотя и была хорошим альпинистом для женщины, в решающем броске не участвовала. Верный своим обязанностям, я остался в верхнем лагере. Конечно, я был разочарован, но зато более приятного общества не мог и пожелать.

Утром в день завершающего штурма мы помахали вслед уходящим и стали ждать их возвращения.

И они вернулись, но не так, как мы надеялись. Уже издали, видя их на снежном склоне над нами, я почувал беду. Подойдя, они сообщили, что произошло большое несчастье. Высоко на горе, поблизости от вершины, восходители шли связками по двое, как вдруг на узком крутом снежном гребне одна двойка поскользнулась. Это были Суттер и Вангди Норбу, старший над шерпами. Не сумев удержаться, они покатались кубарем под гору и остановились только в трехстах метрах ниже. Остальные были глубоко потрясены. Глядя вниз, они не могли понять с такого расстояния, жив ли кто-нибудь из упавших. Прямо спуститься было, конечно, невозможно, пришлось возвращаться по гребню и идти в обход; на это ушло несколько часов. К их удивлению и облегчению, Суттёр отделался лёгкими ушибами. Он смог даже вернуться с ними, царапины и ушибы позволяли ему идти самому. Зато с Вангди Норбу дело обстояло хуже. Он сломал ногу, а вторая была сильно повреждена кошками Суттера. После тяжёлого восхождения и последующего спуска восходители слишком устали, чтобы нести его в лагерь. Единственное, что они могли сделать — поставить аварийную палатку, устроить возможно более удобное ложе и пойти самим в лагерь.

Вернулись они в лагерь уже вечером. В темноте ничего нельзя было предпринять. Но на рассвете вышла спасательная группа, и на этот раз я, конечно, шёл с ними. Я считал, что на меня ложится главная ответственность, потому что остальные сильно утомились накануне, а я хорошо отдохнул и был полон сил. К тому же Вангди Норбу был моим давнишним другом и товарищем по восхождениям, он получил звание Тигра на Эвересте ещё в 1938 году. Я чувствовал

себя обязанным любой ценой спасти его и доставить вниз.

К счастью, погода держалась хорошая, и за несколько часов мы добрались до палатки, маленького коричневого пятнышка на белом горном склоне. Мы откинули полу; не помню точно, что мы ожидали увидеть, но во всяком случае не то, что предстало нашим глазам. Вангди Норбу лежал на месте, живой, но, помимо повреждённых ног, у него был кровавый надрез на горле. Позднее он рассказал нам, что произошло. Накануне, когда все остальные уходили, он был ещё совершенно ошеломлён падением и не расслышал их обещания вернуться завтра. Вангди решил, что его бросили одного. Замерзать. Умирать. В полном отчаянии, испытывая страшные мучения, он схватил нож и попытался зарезаться. Два обстоятельства спасли его. Во-первых, он был слишком слаб, чтобы резать сильно и покончить с собой разом, во-вторых, уже истекая кровью, вдруг подумал о семье и решил жить ради неё. Поэтому остаток ночи он пролежал совершенно неподвижно. Кровь засохла и перестала течь. Таким образом, на следующий день он был жив, хотя страшно ослаб и очень страдал.

Мы снесли Вангди Норбу в лагерь на собственных спинах и самодельных носилках, потом постепенно доставили в нижние лагеря и на равнину. Затем, с помощью местных носильщиков, отправили его в Муссоури, станцию в Гархвале, откуда начинали свой путь. Пролежав некоторое время в больнице, он немного оправился и смог уехать домой, но так никогда и не поправился совершенно. Позднее, когда я встретил его в Дарджилинге, то убедился, что пережитое наложило сильный отпечаток не только на его тело, но и на душу. Старый «Тигр» Вангди никогда больше не ходил в горы и умер в своём доме несколько лет спустя.

Хотя мы не могли тогда предусмотреть такого конца, несчастье с Вангди сильно опечалило нас. Однако прекращение экспедиции все равно не помогло бы ему, и мы вернулись к нашим горам. Как уже говорилось, Вангди был старшим над шерпами; теперь предстояло назначить другого, и назначили меня. Это была высокая честь. Каждый шерпа стремится стать сирдаром, это большое достижение в его жизни. Я был очень доволен. Но также и опечален, потому что достиг этого ценой несчастья друга.

Мы снова вернулись в верхний лагерь и приготовились к штурму. Как обычно после аварии, шерпы нервничали и отказывались идти на большие высоты. Теперь мне представился желанный случай, которого я никак не хотел упустить. В состав штурмовой группы вошли четыре швейцарца — Рох, Диттерт, Суттер, Гравен — и я. Мы вышли из верхнего лагеря, поднялись по длинному снежному склону, затем по гребню, где произошла беда с Вангди, и ступили, наконец, на плоскую белую площадку — вершину Кедерната. Высота её 6600 метров — ниже Северного седла на Эвересте, которое служит всего лишь базой для восхождений. Но мы радовались и гордились победой. А для меня это было особенно великое мгновение. Ведь, несмотря на многолетний опыт высокогорных восхождений, я ещё никогда не ступал на вершину большой горы. «Задание выполнено», как говорят лётчики. Это было чудесное ощущение.

Однако Кедернатом дело не ограничилось. Оттуда мы перешли на несколько более высокого соседа, Сатопант, и там тоже совершили успешный штурм, хотя должен, к сожалению, признаться, что я сам в нем не участвовал, так как заболел животом и оставался в верхнем лагере. Затем мы направились в сторону тибетской границы, где все, включая госпожу Лонер, взяли вершину поменьше, Балбала. Наконец мы взошли

на Калинди, которая совсем не похожа на большинство Гималайских гор, так как почти свободна от снега, наподобие увиденных мною позже швейцарских вершин. Четыре девственные вершины — четыре первовосхождения. Рекорд, который вряд ли побит какой-либо другой экспедицией.

Между восхождениями мы успели осмотреть многое в Северном Гархвале, включая священные города Бадринат и Ганготри и ряд меньших поселений, которых я не видал раньше. Питались мы хорошо: господин Суттер был не только альпинист, но и прекрасный охотник, и мы редко оставались без свежего мяса. Совсем не то, что моё путешествие в Гархвал годом раньше, когда экспедиция «Дун-Скул» почти все время ходила с пустыми желудками.

После несчастья с Вангди Норбу у нас не было никаких неприятностей почти до самого конца; да и то, что случилось, не имело отношения к горам. Летом 1947 года как раз кончилось правление англичан; Индия и Пакистан стали двумя самостоятельными государствами, и повсюду происходили кровавые столкновения между индуистами и мусульманами. Когда мы спустились с гор в Муссоури, город находился на военном положении, везде стояли войска. Большинство магазинов и учреждений закрылось, был введён комендантский час. Пути сообщения фактически не работали, и одно время казалось, что мы застряли безнадежно. В конце концов местные власти помогли швейцарцам уехать в Дели в армейской теплушке, а нам, десятерым шерпам, пришлось задержаться ещё на две недели. Мне вспомнились трудности, с которыми я выбирался из Читрала в войну, только на этот раз было ещё сложнее, потому что мы скоро прожили свой заработок и очутились на мели.

Впрочем, кое-что у нас ещё оставалось. У меня было пятнадцать рупий, с ними я пошёл на полицейскую

станцию и попросил разрешения поговорить с начальником. Разумеется, мне ответили отказом, но тут я достал мои пятнадцать рупий, и один из полицейских сразу же сказал, что, может быть, удастся что-нибудь сделать. Войдя к начальнику, я прежде всего сообщил, что мы члены экспедиции. Он хотел тут же бросить меня за решётку — решил, что я имею в виду что-то политическое. Когда же я объяснил все, он успокоился и раздобыл, наконец, грузовик, который доставил нас в Дехра Дун. А там начались новые осложнения, только на этот раз не из-за политики, а из-за муссона. Дождь размыл все дороги, и мы снова застряли. Однако теперь наши дела обстояли лучше, потому что в Дехра Дуне находилась Дун Скул и нас взял на своё попечение мой старый друг мистёр Гибсон. Как только дороги наладились, он помог нам выехать, и мы наконец-то вернулись в Дарджилинг, правда, в пути было ещё немало неприятностей с полицией и железнодорожными чиновниками. Я всегда недолюбливал полицейских и железнодорожных контролёров; думаю, что в этом я не одинок.

Так кончилась ещё одна экспедиция. Случай с Вангди Норбу был очень тяжёлым. Возвращение оказалось трудным. Зато все остальное сложилось благоприятно, лучшего нельзя было и требовать от горной экспедиции; мы не только совершили успешные восхождения, но и испытали при этом большое удовольствие. Швейцарцы пришлись мне очень по душе. Несмотря на языковые трудности, я чувствовал к ним особую близость и думал о них не как о господах и работодателях, а как о друзьях. Такие взаимоотношения сохранились у меня со швейцарцами и в дальнейшем.

Наша экспедиция положила начало не только дружбе, но и одной романтической истории, которая шесть лет спустя заставила меня испытать минутное

замешательство. Когда я попал в Швейцарию в 1953 году после взятия Эвереста, друзья очень тепло встретили меня на аэродроме.

— Comment Ça va? Wie gehts? — спросил я на своём самом лучшем франко-немецком языке. — Как поживаете, господин Рох, господин Диттерт, господин Гравен, господин Суттер, госпожа Лон... — Здесь я замялся. Возможно, даже покраснел. — Я хотел сказать, госпожа Суттер, — поправился я.

Потому что теперь они были женаты.

9

В СВЯЩЕННУЮ СТРАНУ

1948 год не похож ни на один другой год в моей жизни. Я не ходил в этом году в горы, не участвовал в восхождениях, зато провёл десять месяцев в Тибете, побывал в Лхасе и ещё дальше. Жителям Запада Тибет известен как Запретная страна, для буддистов же это священная страна, страна паломничества. Путешествие в Тибет, как и битва за Эверест, навсегда останется у меня в памяти.

Когда я вернулся из Гархвала, мои дела обстояли не лучше, чем раньше. Весь заработок ушёл на то, чтобы добраться до Дарджилинга. С работой было очень туго. Экспедиций больше не намечалось; близилась осень, а за ней зима. Анг Ламу продолжала работать аяя, но девочки Пем Пем и Нима росли, их нужно было кормить и одевать, а у нас редко хватало продуктов и одежды. «Что же делать? — думал я с горечью. — Съесть мою медаль?» Тёще становилось все хуже и хуже, и в конце концов она умерла в возрасте семидесяти шести лет. Перед самой кончиной она протянула руку и благословила меня, сказав, что я был добр к ней и бог вознаградит меня, поможет исправить дела. Её слова оправдались. Вскоре после смерти тёщи наша жизнь стала понемногу налаживаться, и уже никогда больше нам не приходилось так трудно.

Весной 1949 года я услышал, что в Дарджилинг приехал интересный человек — профессор Джузеппе

Туччи, итальянец, известный знаток восточного искусства и литературы. Он уже семь раз побывал в Тибете и теперь собрался совершить новое путешествие туда. Профессор Туччи обратился к Карма Паулу за помощниками и носильщиками. Я поспешил к сирдару, но необходимые люди уже были набраны, и экспедиция выступила в Гангток в Сиккиме. Я так расстроился, что даже пал духом. Однако несколько дней спустя я узнал приятную новость. Профессор Туччи прислал сказать, что недоволен своими людьми: ему в первую очередь требовался человек, умеющий хотя бы немного объясняться на тибетском языке, хиндустани, непальском и английском. Как раз эти языки я и знал, помимо родного. И вот однажды утром Карма Паул вызвал меня в свою контору; в тот же день я отправился в Гангток.

Профессор Туччи был своеобразный человек, один из самых удивительных людей, каких я когда-либо встречал. Он относился к своему делу с величайшей серьёзностью, даже преданностью. Но в противоположность альпинистам, которые обычно отличаются уравновешенностью, Туччи был крайне вспыльчив, горяч и чуть что — выходил из себя. Едва добравшись до Гангтока, я убедился, что не он был недоволен нанятыми шерпами, а они боялись его, говорили, что он слишком строгий начальник, и решили уйти домой. Туччи принялся расспрашивать меня, и я сразу понял, что смущало шерпов. Он обрушил на меня целый град вопросов на разных языках — бам-бам-бам, как пулемет, и вдруг говорит:

— Ол райт, вы приняты на работу.

Остальные шерпы считали меня безумцем, когда я согласился, да и сам я одно время думал то же самое. Но постепенно профессор Туччи стал мне нравиться ничуть не меньше, чем другие люди, которых я знал.

Закончив приготовления, мы выступили из Гангтока на север. Помимо профессора и меня самого, в отряд входили ещё один шерпа — повар, трое итальянских ассистентов профессора, монгольский лама, направлявшийся из Дарджилинга в Лхасу, и, как обычно, местные носильщики, которые работали у нас по нескольку дней, после чего сменялись другими. Мы располагали сотней мулов (больше, чем в любой известной мне экспедиции), которых предоставили нам сиккимские власти, да ещё верховыми лошадьми. Во вьюках были уложены, кроме обычного продовольствия и снаряжения, многочисленные ящики и корзины для упаковки коллекций профессора, а также ружья и различные товары, которые он собирался раздать в качестве подарков в Тибете. С самого начала на мою долю выпал присмотр за багажом. «Я не хочу, чтобы меня отвлекали», — заявил профессор. Он даже выдал мне ключи от своих чемоданов и кучу денег, чтобы я оплачивал все расходы. Пусть с ним было трудно работать, но такое доверие мне было лестно и приятно.

И вот мы двинулись по сиккимским предгорьям. Впервые я проделал весь этот путь верхом. С непривычки задняя часть моего тела болела сильнее, чем когда-либо болели ноги во время восхождений. Иногда дневные переходы оказывались длинными, иногда короткими. Невозможно было предугадать, когда Туччи тронется в путь, когда остановится, а когда свернет в сторону, чтобы заехать в какой-нибудь город или монастырь, надеясь отыскать там что-нибудь интересное. Он был действительно большой учёный и знал о стране больше, чем населяющие её люди. Мне так и не удалось установить, сколько языков он знает. Часто Туччи начинал разговор со мной на одном языке, затем переходил на другой, а заканчивал уже на третьем. Единственные языки, на которых мы не могли

с ним объясняться, были... наши родные — итальянский и шерпский.

Я узнал от профессора множество вещей, неизвестных мне ранее. Это было в одно и то же время путешествие и школа. Монастырь оказывался уже не просто каменным зданием, в котором живут монахи, а хранилищем многочисленных рукописей и старинных изделий искусства. Все, что мы видели, имело свой смысл, свою историю. Войдя в горы, наш отряд проследовал мимо Канченджунги, и даже об этой вершине, которая была мне так хорошо знакома, я узнал много нового. Например, о её названии, над которым я до сих пор совершенно не задумывался, как это бывает с привычными вещами. Оказалось, что оно состоит из четырех тибетских слов: «кан» — снег, «чен» — великий, «джуд» — клад, или сокровище, «нга» — пять. Так что правильно писать надо Кан-чен-джуд-нга, что означает «Великий снег с пятью сокровищами» (имеются в виду пять вершин горы). «Сокровища» тоже имеют свои особые имена, называясь, согласно преданию: «тса» — соль, «сер дханг не» — золото и бирюза, «дхам-чой дханг нор» — свящённые книги и богатство, «мтсон» — оружие и «ло-тхог дханг мен» — зерно и лекарство. С тех пор я навсегда запомнил, что наши горы не просто лёд и снег, что они овеяны легендами.

Оставив позади Канченджунгу, мы пересекли границу и вошли в Тибет. В первом же тибетском городе, Ятунге, случилась неприятность. Трое итальянских спутников Туччи, по-видимому, не имели надлежащих документов на въезд в страну, а поскольку они не считали для себя допустимым улизнуть и скрыться, подобно Эрлу Денману, пришлось им поворачивать назад. К остальным членам экспедиции тибетцы отнеслись гостеприимнее. Как и сиккимцы, они предоставили нам вьючных животных для багажа.

Скоро мы уже продолжали путь. Профессору Туччи все вокруг было знакомо, так как он неоднократно проезжал этим путём. Я же хотя и побывал в Тибете шесть раз, но всегда в районе Эвереста и Ронгбука, и все, что находилось дальше на север, было для меня ново. Моё сердце усиленно билось. Я волновался так, словно приближался к подножью Чомолунгмы. Наконец-то мне предстоит увидеть Лхасу!

Ом мани падмэ хум... Ом мани падмэ хум...

Англичане рассказывали мне, что для них это звучит как многократное повторение «money-penny-hum» («деньги-пенни-звон»). Ом мани падмэ хум... Эти слова — таинственная, священная молитва буддистов. Дословно они означают «драгоценный камень в цветке лотоса», но имеют также много сокровенных и символических смыслов, известных лишь самым учёным ламам. Эту молитву можно услышать повсюду, где есть буддисты, но особенно часто в Тибете. Вращаются молитвенные колёса, развеваются молитвенные флажки...

Ом мани падмэ хум.. Ом мани падмэ хум...

Тибет — священная страна, а Лхаса — святыня этой священной страны. Каждый буддист мечтает попасть туда хоть раз в жизни, как христианин мечтает о Иерусалиме или мусульманин о Мекке. Мои родители тоже давно мечтали об этом, но не смогли осуществить свою мечту. Поэтому я чувствовал, что побываю в Лхасе также и от их имени, от имени всех, кто мне дорог. Я купил якового масла, чтобы зажечь лампадки в храмах и монастырях. Я вращал молитвенные колёса, заполненные молитвенными надписями.. Подумав, что, может быть, именно благословение тёщи помогло мне попасть в Лхасу, я особо помолился за неё. В моем народе говорят, что если ты не побывал в Лхасе, твоя жизнь на земле ничего не стоит. Теперь у меня было

такое чувство, словно вместе со мной пришли в Лхасу все мои родные и близкие.

Я религиозный человек. Я верю в бога, в Будду, дома у меня всегда был молитвенный угол или каморка, согласно буддийскому обычаю. Но я не ортодоксальный буддист. Я не особенно верю в ритуалы и вовсе не суеверен. За свою жизнь я видел слишком много гор, чтобы верить, будто они обители демонов. Не очень-то я верю и в призраков, хотя однажды, много лет тому назад, безуспешно пытался выследить женщину-призрак, которая якобы обитала в Тоонг Соонг Бусте. Далее, и это уже без шуток, я знаю слишком много людей других вер, чтобы считать, что они заблуждаются и правы одни только буддисты. Я не образованный человек, не лама и не начётчик, чтобы заниматься теологическими рассуждениями. Но мне думается, что на земле есть место для многих вероисповеданий, как и для многих рас и наций. Бог — это все равно что большая гора: к нему надо подходить не со страхом, а с любовью.

К сожалению, содержание религии, какой бы истинной она ни казалась, ещё не определяет её внешние формы и проявления; в буддийской церкви (как, очевидно, и во всех других церквях) происходят вещи, имеющие мало общего с поклонением богу. Некоторые из наших лам действительно святые люди. Есть среди них большие учёные, знающие много тайн. А встречаются такие, которым, кажется, и стадо яков не доверишь, не то что человеческие души; такие, которые стали монахами лишь потому, что это позволяет им жить хорошо, почти ничего не делая.

У нас, шерпов, рассказывают историю, которая всегда мне очень нравилась. Не думаю, чтобы она была сплошной выдумкой. В ней говорится о двух ламах, странствовавших из деревни в деревню. В одной деревне они пришли в дом, где хозяйка варила

колбаски. Некоторое время они смотрели на неё, напевая и вращая свои молитвенные колёса, но едва женщина вышла, как один из них прыгнул к очагу и выхватил колбаски из котелка. Однако женщина вернулась раньше, чем они успели съесть всё, и тогда тот лама, не зная, что делать, спрятал оставшиеся колбаски под свою остроконечную шапку. Они хотели было уйти но женщина, ничего не заметив, попросила их помолиться за неё, и пришлось им снова начинать свою музыку. Некоторое время все шло хорошо, но тут второй лама увидел, что колбаски свисают на верёвочке из-под шапки товарища. Чтобы предупредить его, он на ходу изменил слова молитвы — все равно женщина не понимала их.

— Ом мани падмэ хум, — распевал он, — колбаски видно. Ом мани, колбаски видно, падмэ хум.

Однако, вместо того чтобы сделать что-нибудь, первый лама запел ещё громче и стал как-то странно подпрыгивать. Второй пришёл в неистовство.

— Ом мани падмэ хум, — твердил он. — Колбаски! Колбаски!

А первый принялся прыгать, словно одержимый тысячью дьяволов.

— Пусть хоть вся свинья видна! — завопил он вдруг. — Мне всю голову сожгло!

Я не склонен давать ламам колбаски, чтобы они прятали их под свои шапки. Совсем недавно, после штурма Эвереста, меня просили пожертвовать деньги в один монастырь близ Дарджилинга, однако, подумав, я отказался. Я предпочёл отдать деньги на постройку приюта для бедных, нежели кучке монахов, которые истратили бы их только на самих себя.

И все же я повторяю, что я верующий человек. Мне хотелось бы думать, что это заключается прежде всего в том, что меня заботит искренность моей веры, а не её внешние проявления и всяческое ханжество. На

вершине Эвереста я склонил голову и подумал о боге. И во время путешествия по Тибету я тоже думал о нем, я думал о своих родителях и о своей покойной теще, вера которой была так сильна, и знал, что путешествую также и от их имени.

Ом мани падмэ хум... Ом мани падмэ хум...

Мы проходили мимо стен мани, так чтобы они всегда были от нас по левую руку. Мы проходили длинные ряды чортонов, хранилищ душ умерших. Мы проходили мимо развевающихся молитвенных флажков и вращающихся молитвенных колёс и древних монастырей на вершинах скал великого плато.

Путь из Гангтока занял около двадцати дней. Когда мы двигались, то двигались очень быстро, во всяком случае для этого края, потому что профессор Туччи был нетерпелив и неуголим. Но часто мы останавливались около монастырей в поисках интересных вещей. Прежде всего профессора занимали старые книги, рукописи и предметы искусства. Но он вёл себя не как турист на базаре — он отлично знал, чего хочет, а чего не хочет, и часто ламы поражались тому, что профессору известно об их сокровищах больше, чем им самим. По вечерам он сидел допоздна в палатке, изучая свои приобретения и делая записи, и страшно сердился, если кто-нибудь мешал ему. В полночь или ещё позже он мог вдруг выскочить из палатки и объявить: «Ол райт, я готов. Двигаемся дальше!» И нам приходилось всем подниматься и отправляться в путь.

Наконец настал великий день. Однажды утром мы увидели перед собой не пыльную степь с уединёнными монастырями, а широкую долину между гор и в ней большой город. Мы увидели улицы и площади, храмы и базары, множество людей и животных, а надо всем этим возвышался на краю города большой дворец Потала,

где живёт Далай-лама. Мы остановились, я вспомнил свои молитвы. Затем мы въехали в Лхасу.

Профессора Туччи здесь хорошо знали по предыдущим посещениям; нас сердечно приветствовали и предоставили нам просторный дом. Затем последовали приёмы, устраиваемые правительством и частными лицами, причём некоторые проходили верхом на лошадях на открытом месте за городом, — я никогда ещё не видел ничего подобного.

Сначала люди никак не могли раскусить меня. Лицом я очень похож на тибетца, но одеждой и всем поведением отличался от них, и они очень удивились, обнаружив, что я говорю на их языке. Услышав, что я шерпа, они стали расспрашивать меня про горы и восхождения; на одном приёме я беседовал с высокопоставленными чиновниками и показывал им фотографии из экспедиции со швейцарцами в Гархвал. Однако больше всего их интересовал Эверест. О других горах, которые я называл, они никогда и не слышали, зато все знали Чомолунгму.

— Как вы думаете, удастся кому-нибудь взять её? — спросили они.

Я ответил:

— Нет ничего невозможного для человека. Если он будет стараться, то рано или поздно добьётся.

Тогда они сказали:

— А вы не боитесь подниматься на неё? Ведь там обитают боги и демоны?

На это я возразил:

— Я не боюсь смерти. Когда ходишь по улицам, легко может произойти несчастный случай. Так чего же я буду бояться на горе?

Самое замечательное из происшедшего в Лхасе была встреча с Далай-ламой. Мы видели его даже не один, а два раза. В Потала нас проводили по множеству помещений и переходов в личные покои Далай-ламы, и,

хотя он тогда был всего лишь пятнадцатилетним мальчиком, держался он очень приветливо и с большим достоинством. Обычно на него не разрешается смотреть, в его присутствии полагается сидеть, наклонив голову. Однако профессор Туччи, в качестве старого друга, не только был освобождён от этого правила, но подолгу беседовал с Далай-ламой, и на мою долю выпало счастье стоять рядом и смотреть и слушать их беседу. В конце каждой встречи Далай-лама благословлял нас. Я выходил из Потала, думая о своих родителях и о матери Анг Ламу, и сердце моё было переполнено.

Раз уж я упомянул титул Далай-ламы, то следует разъяснить кое-что известное о нем лишь очень немногим на Западе. Ни один тибетец не называет так главу своей церкви, они величают его Гьялва Римпоче. Гьялва означает «победивший» или «одолевший», иначе говоря, — божество или Будда. Римпоче значит «драгоценный» или «святой». Иногда это второе имя применяется также в отношении других видных лам, но Гьялва употребляется только для самого высшего — воплощённого божества. Незнакомый с внешним миром тибетец не знает даже, что такое Далай-лама. Для него его вождь имеет лишь один титул — Гьялва Римпоче, драгоценный или священный Будда.

В Лхасе мы встретили также двоих интересных чужестранцев, Генриха Харрера и Петера Ауфшнайтера. Они входили в состав немецкой альпинистской экспедиции на Нанга Парбат в 1939 году, но были захвачены в плен в Индии англичанами в начале войны и интернированы. После ряда попыток им удалось бежать. Они совершили труднейший переход через Гималаи и получили разрешение остаться в Лхасе. Обо всем этом Харрер рассказал позднее в своей известной книге «Семь лет в Тибете». Когда я их увидел, они уже пробыли там большую часть этого времени, и, хотя

полюбили Тибет и были готовы остаться там, им, естественно, хотелось услышать о внешнем мире. Харрер особенно интересовался альпинистскими новостями; я поделился с ним тем, что знал. Он заметил:

— Вы счастливый человек, Тенцинг. Вы можете ходить куда хотите — в горы, в замечательные экспедиции. А я был военнопленным, да и теперь остаюсь вроде пленника. Мне, наверное, уже больше никогда не придётся совершить восхождение.

Вдруг он улыбнулся:

— А что, если нам с вами пойти в горы — прямо сейчас? Что вы скажете на это?

Мы даже обсудили этот вопрос почти всерьёз, но было, разумеется, слишком много препятствий и затруднений.

Вскоре я оставил Лхасу. А несколько лет спустя я увидел Харрера в Дарджилинге. Когда в Тибет вошли коммунисты, он покинул столицу вместе с Далай-ламой, который собирался бежать в Индию. Однако в пограничном городе Ятунг молодой владыка передумал, и Харреру пришлось продолжать путь одному. За семь лет пребывания в Тибете он сильно привязался к этой стране, и ему больно было думать, что он, возможно, уже не вернётся туда.

Я пробыл в Лхасе с профессором Туччи месяц. Затем мы снова двинулись в путь и проехали за семь месяцев по всему Тибету. Профессор надеялся доехать до китайской границы на востоке и потом двинуться вдоль неё, но это оказалось невозможным, потому что коммунисты уже готовились вступить в страну, а Туччи, хотя и не боялся ничего, избегал осложнений. Поэтому мы путешествовали по другим частям Тибета. Мы посетили больше городов, монастырей и мест паломничества, чем я предполагал найти во всей Центральной Азии. Для меня это было замечательное

путешествие: ведь я увидел так много в священной стране буддистов. Притом я был не обычным туристом: мой спутник мог мне объяснить все, что я видел. Думаю, что даже среди очень образованных людей найдешь немного таких, которые на протяжении ряда месяцев имели личным учителем столь знаменитого профессора.

Туччи был страшно нетерпелив в денежных вопросах и не любил заниматься ими; он все больше поручал их мне. Иногда, будучи занят, он посылал меня одного в монастырь с письмом на тибетском языке, где было сказано, чего он хочет; если я находил нужный предмет, то должен был купить его и доставить профессору. Ламы стали меня называть «профессорский ньеба ла», что значит «агент» или «управляющий». Я узнал так много, что мог бы написать путеводитель по монастырям Тибета. Мало-помалу наши ящики и корзины стали заполняться коллекциями профессора. Впрочем, и моими тоже, хотя и не в таком объёме. Дело в том, что я всегда увлекался редкими интересными вещами, а тут представился такой исключительный случай. В моем доме в Дарджилинге множество сувениров: маски, сабли, шейные платки и головные уборы, чаши и молитвенные колеса; все это я привёз из путешествия по Тибету.

Но самые замечательные находки для Туччи и для меня были сделаны уже под конец путешествия. В этот свой восьмой приезд в Тибет профессор особенно упорно разыскивал знаменитую религиозную рукопись, записанную почти две тысячи лет тому назад санскритом на древесной коре. Учёные твёрдо верили в её существование, хотя до сих пор не удавалось найти её. Профессор Туччи считал, что она была написана в Туркестане, куда в то время пришёл буддизм, но, согласно его теории, основанной на длительных изысканиях, много лет назад рукопись привезли в Тибет, в монастырь Гхангар. Итак, мы отправились в

Гхангар и приступили к поискам. Это было нелегко, потому что ламы, похоже, ничего не знали о ней, а в монастыре хранились тысячи древних пергаментов и рукописей, которые все надо было рассортировать и тщательно исследовать. День проходил за днём, мы рылись в пыли и паутине, и я уже стал падать духом. Я решил, что либо рукописи здесь нет, либо, если и есть, мы все равно никогда не найдём её. Но Туччи был не из тех, кто сдаётся, и поиски продолжались. Сосредоточившись на своей работе, он не мог думать ни о чем другом, становился чрезвычайно рассеянным, и как-то утром я обнаружил, что он надел рубашку наизнанку.

— Это счастливая примета, — сказал я профессору. — Может быть, сегодня мы, наконец, найдём её.

Так оно и случилось. Нашёл её я — пыльная, изорванная, она была погребена под горами других рукописей. Но профессор описал мне её настолько точно, что я сразу понял, что это и есть предмет наших поисков. Когда я пришёл к нему, он разволновался не меньше, чем обычный человек, найдя месторождение золота или алмазов:

А одновременно я нашёл нечто интересное и для самого себя, только это было не золото, не драгоценности и не рукописи, а собаки... всю жизнь я любил животных, а здесь у лам увидел двух длинношёрстых лхасских терьеров, которые мне до того понравились, что я захотел взять их с собой. Ламы оказались очень приветливыми и щедрыми и подарили мне терьеров. Одного я назвал Гхангар, по имени монастыря, а второго — Тасанг. Они проделали со мной весь путь до Дарджилинга. Тасанга я отдал потом своему другу Ангтаркаю, но Гхангар остался у меня; вместе с Анг Ламу он занимается хозяйством. Мы нашли ему подругу, и теперь дом полон, щенят, но Гхангар на

этом не успокоился, потому что он страшный донжуан, и я подозреваю, что половина всех ублюдков в Тоонг Соонг Бусти — его дети или внуки.

Ламы не хотели брать денег и с профессора Туччи за свою драгоценную рукопись. Они настаивали на том, что знание не продаётся, а отдаётся ищущему его; они только просили профессора снять копию в Италии и выслать потом оригинал обратно. Все же напоследок ему удалось убедить их принять пятьсот рупий в дар монастырю.

К тому времени мы провели в Тибете уже много месяцев. Уложив драгоценную реликвию в самый прочный ящик, профессор Туччи счёл, что путешествие увенчалось успехом. Наконец мы направились на юг и пересекли высокие перевалы, по которым проходит путь в Сикким и Индию. Хотя я, конечно, тогда не мог этого знать, это было моим последним, во всяком случае доныне, путешествием в Тибет, потому что вскоре туда пришли коммунисты, и теперь запретная страна закрыта надёжнее, чем когда-либо. Правда, я мог бы из Соло Кхумбу перейти границу через Нангпа Ла с одним из караванов, которые по-прежнему ходят там. Только боюсь, что мне пришлось бы переодеться, как это раньше делали европейцы, потому что теперь моё имя стало известным и если я отправлюсь в путь под своим именем, то меня, пожалуй, сочтут подозрительной личностью и не пропустят.

Но я рад, что смог проделать это путешествие, когда ещё была такая возможность. На память у меня остался Гхангар, остались красивые и драгоценные предметы. А ещё у меня осталось много воспоминаний о Лхасе, о Потала, о Далай-ламе и его благословении, о святынях, о храмах на пустынных горных склонах, о паломничестве, которое я совершил во имя тех, кто мне дорог, в Священную страну моей веры. Я и сейчас вижу

её, когда развеваются молитвенные флажки, слышу,
когда раздаётся звон молитвенного колёса.

Ом мани падмэ хум... Ом мани падмэ хум...

10

МОЯ РОДИНА И МОЙ НАРОД

«Моя родина», — говорю я. Но что я понимаю под этим словом? В каком-то смысле Тибет — моя духовная родина, но я для тибетцев чужеземец. Горы — моя родина, но там не построишь настоящего жилья и не поселишься с семьёй. Когда-то моим родным домом был Соло Кхумбу, теперь же я бываю там лишь от времени до времени. Сегодня мой дом — Дарджилинг, который стал настоящей родиной для многих шерпов.

Но, конечно, не для всех. Большинство шерпов по-прежнему живёт в Соло Кхумбу. Некоторые поселились в Ронгбуке, другие в Калимпонге, небольшое количество рассеяно по всему Непалу и Индии. А Дарджилинг стал центром для тех, кого можно объединить под именем «новые» шерпы, кто расстался со старой родиной, старым бытом, кто участвует в больших экспедициях и приобщился к современной жизни. Из Лхасы ли, с Эвереста ли, из Гархвала или Читрала, Дели или Лондона — когда я возвращаюсь «на родину», то имею в виду Дарджилинг.

Как уже говорилось, переселение из Соло Кхумбу началось много лет тому назад. Первые переселенцы уезжали по разным причинам и выполняли разного рода работу. Но примерно лет пятьдесят тому назад некоторые из английских исследователей Гималаев,

например Келлас и генерал Брюс, начали привлекать шерпов к участию в восхождениях, и почти сразу стало очевидно, насколько здесь уместно выражение «надлежащий человек на надлежащем месте». Во время экспедиций на Эверест в двадцатых и тридцатых годах все больше людей моего народа выезжало из Непала в Индию, и вскоре шерпы-носильщики стали такой же неотъемлемой частью экспедиций, как палатки, верёвки, как сами альпинисты. Разумеется, не все из нашего племени занялись этой работой. Но многие охотно брались за неё, притом с таким успехом, что теперь в сознании многих людей слово «шерпа» равнозначно со словом «восходитель».

Наша первоначальная родина — горы. Теперь мы возвращаемся туда. Но возвращаемся совсем иначе, и наша жизнь между экспедициями также не похожа на прежнюю. В Соло Кхумбу все мы были крестьянами, а в Дарджилинге мы горожане, и мало кто из нас сохранил связь с землёй. Правда, я упоминал чайные плантации; иногда, в горячую пору, на них работают наши мужчины и женщины. Мне самому пришлось как-то до войны поработать на плантации несколько месяцев. Однако большинство трудоспособных мужчин проводит около полугода в экспедициях, а вторую половину года они проводят проводники туристов, рабочие или погонщики. Что касается меня, то после штурма Эвереста произошли, понятно, большие изменения, о которых расскажу позже. Но до этого на протяжении многих лет моя жизнь в Дарджилинге была подобна жизни большинству шерпов, и о ней-то и пойдёт теперь речь.

Народ наш переживает сейчас переходную полосу, и что с нами станет в будущем, сказать трудно. Однако, хотя мы и покинули свою родину, но держимся вместе, и мало кто вышел замуж за инородных.

Большинство шерпов живёт в Тоонг Соонг Бусте, на крутом горном склоне, вместе с выходцами из Сиккима и Тибета. Мы живём как бы одной коммуной, многими вещами пользуемся сообща. Дома у нас тоже коммунальные — длинные деревянные строения с большим количеством комнат, по одной или по две на семью, причём кухни и уборные общие. В последнее время в Тоонг Соонг проведена электропередача, так что у некоторых семей есть лампочка или две. Однако большинство предметов домашнего обихода крайне незамысловато.

Подобно большинству людей, мы бедны и нуждаемся в деньгах. Но мы люди простые, непривыкшие к излишествам, и пока что особенно не расстраивались из-за своего положения. Небольшое количество денег, которое было у нас в обиходе в Соло Кхумбу, состояло из непальских монет, но в Дарджилинге мы рассчитываемся, конечно, индийскими рупиями, и рупиями нам платят в экспедициях. Индийская рупия несколько дороже непальской; накопив немного, мы стремимся послать что-нибудь нашим близким, оставшимся на родине. Однако у нас обычно больше долгов, чем сбережений. Тут-то и сказывается преимущество того, что мы живём все большой семьёй, потому что мы всегда помогаем друг другу, даём деньги займы без процентов, а рассчитываемся, когда получим жалованье по окончании очередной экспедиции. Хуже всего я увяз в долгах как раз перед экспедицией на Эверест в 1953 году, когда задолжал друзьям тысячу рупий. Не случись все так, как случилось, не будь у меня потом столько доходов, на выплату долга ушёл бы не один год.

Некоторые из наших старых обычаев уже отмерли, другие быстро исчезают. Мы не цепляемся за отжившие традиции, подобно народам с древней культурой, а легко приспособляемся к новым мыслям и быту.

Однако кое в чем мы ещё следуем обычаям наших предков; один из них заключается в том, что младший сын наследует больше, чем старший (то же самое относится к дочерям), он же наследует родовое имя — в моем случае Ганг Ла. Новорождённый ребёнок получает имя на третий день после своего появления на свет, но оно может быть позднее изменено, как это было со мной, если к этому есть серьёзное основание.

Иностранцы всегда путаются в шерпских именах. Некоторые объясняют это тем, что имена, мол, часто повторяются, но мне это кажется не особенно убедительным, потому что наши имена и фамилии употребительны не более, чем, скажем, Смит у англичан или Сингх у сикхов. Думается мне, что затруднения объясняются другими причинами: во-первых, у нас нет фамилии, которая была бы общей для всех членов семьи; во-вторых, так как у нас нет письменности, то наши имена записываются разными людьми по-разному. Чего не знаешь, в том не нуждаешься. В Соло Кхумбу имя было сочетанием звуков, и все тут. Однако в современном мире все стало сложнее. Как ни странно, проще всего дело обстоит в дарджилингском банке, где мне теперь открыли счёт. Когда я выписываю чек для жены (а это случается очень часто), то просто пишу «Анг Ламу» и подписываю «Тенцинг». Но для иностранцев, знакомящихся с моей женой, Анг Ламу кажется слишком интимным, и они называют её обычно миссис Тенцинг, что у нас совсем не принято. А для моих дочерей, которые ходят в европейскую школу, придумали опять что-то новое. Когда их записывали туда, оказалось, что Пем Пем и Нима, как их зовут на шерпском языке, недостаточно. Решили использовать моё второе имя, хотя оно отнюдь не соответствует европейским фамилиям, и девочек, к их полной растерянности, стали звать мисс Норгей.

Как и в большинстве языков, шерпские имена имеют своё значение. О моем имени «счастливый — приверженец религии» — я уже говорил. Распространённое имя «Анг» (оно и мужское и женское) означает «милый» или «любимый». «Ламу» значит богиня, и не будь моё собственное имя столь уязвимым для шуток, я, возможно, не удержался бы от некоторых супружеских комментариев. Из других употребительных имён Пху (точнее Бху) означает сын, Ньима — солнце, Норбу — самоцвет, Намгьял — покоритель. Часто имена соответствуют названиям дней недели, например Дава (понедельник), Пасанг (пятница) и Пемба (суббота). Что же касается фамилий, или родовых имён, то большинство, в том числе моё — Ганг Ла, происходит от названия местности или события в истории семьи. Вот наиболее известные: Мурми, Шерей, Рхукпа, Мендава, Тхактукпа. Если спросят, почему они не употребляются в повседневном обиходе, я могу только сказать, что для шерпы это прозвучало бы так же странно, как для англичанина, которого стали бы называть Уильям Пиккадилли или Трэфэльгер Джонс.

Наверное, во всех странах говорят в шутку о людях другого народа, что они все на одно лицо. Европейцы в экспедициях подчас жалуются, что им трудно различать шерпов, но и мы сталкиваемся с подобными трудностями, особенно потому, что европейцы обычно ходят в горах, наполовину скрыв лицо под большой бородой. Что касается шерпов, то у нас, как у большинства монгольских народов, очень редкие бороды, и взрослый мужчина бреется не чаще одного раза в месяц; все же, если мы очень постараяемся, то можем отрастить усы, как я это доказал за последние годы. В Соло Кхумбу мужчины, подобно женщинам, носят длинные косички по тибетскому обычаю и вдевают в уши кольца и серьги. Но почти все

переехавшие в Дарджилинг давно отказались от этого. Как я уже говорил, я сразу же постригся коротко по прибытии в Дарджилинг, а серёг не носил с тех пор, как был мальчишкой, хотя дырочки в ушах ещё сохранились.

Чёрные волосы, карие глаза, гладкая смугло-жёлтая кожа типичны для моего народа. Черты лица у нас, понятно, монгольские, но не так ярко выраженные, как у китайцев и тибетцев; можно встретить любые размеры и любой рисунок глаз и носов. Шерпы невысокого роста, сложением обычно коренасты, хотя не так, как этого можно было бы ожидать, если учесть нашу работу и переносимые поклажи. Мой собственный рост 1 метр 72 сантиметра, нормальный вес 72 килограмма; таким образом, я несколько выше и суше среднего.

В Дарджилинге большинство наших женщин все ещё носят традиционную шерпскую одежду: тёмное свободное платье и вязаный шерстяной передник в яркую поперечную полоску. Мужчины в большинстве перешли на европейскую одежду, чаще всего спортивные рубашки и штаны, свитеры и тому подобное, что получено в экспедициях. В отличие от индийцев и непальцев почти все мы носим обувь; если есть — европейскую, в противном случае тибетские катанки. На торжества после взятия Эвереста я обычно надевал индийский костюм: узкие белые штаны и длинный, по колёно, чёрный сюртук с высоким воротником. Обычно же я ношу английскую или швейцарскую спортивную одежду и привык к ней настолько, что чувствую себя чуть ли не ряженым, когда надеваю традиционный наряд своих предков.

Успешная работа шерпов в экспедициях объясняется не только силой наших спин и ног и нашей любовью к горам, но и нашими обычаями в отношении еды. Большинство восточных народов — индусы,

мусульмане, ортодоксальные буддисты и почти все мелкие народности — придерживаются в пище строгих религиозных правил, и их очень трудно обеспечить соответствующим питанием в глухой местности. Зато шерпы едят всё, что угодно, — любые свежие или сушёные продукты, любые консервы. Иными словами, мы едим то же, что европейцы, так что им не приходится запасать для нас какие-то особенные продукты. Дома в Дарджилинге, как и в Соло Кхумбу, мы едим обычно тушёный картофель, смешанный с мясом или овощами. Кроме того, попав в Индию, мы стали есть много риса, часто с соусом керри для вкуса. Любимое блюдо — традиционное шерпское мо-мо, суп с пельменями, которые, по словам профессора Туччи, очень напоминают итальянские равиоли.

Пьём мы обычно чай, чай и ещё раз чай, сколько оказываемся в состоянии выпить за день, совсем как англичане. В старое время мы пили его на тибетский лад, с яковым маслом, но в Дарджилинге нет яков, поэтому здесь мы пьём чай по-европейски, с молоком и сахаром. Если захочется чего-нибудь покрепче, то у нас есть чанг, шерпское пиво. Обычно оно домашней варки, готовится из риса, ячменя или какого-либо другого зёрна, в соответствии со вкусами и возможностями. Единственное, что недопустимо в отношении чанга, это чтобы он был слабым. Пьют его не как обычно, не из стаканов или бутылки: когда готова закваска, её наливают в чашу, добавляют горячей воды и тянут получившуюся жидкость через бамбуковую трубочку. Чаше всего чаша рассчитана на одного, но есть и большие, из которых пьёт несколько человек одновременно. По мере того как жидкость в чаше убывает, хозяин доликает горячей воды, во всяком случае пока не сочтёт, что гостям пора домой...

Мы общительный народ. Мы любим поговорить, посмеяться, попеть, любим наш чанг и обычно не

ленимся доливать его, потому что хотим, чтобы гости посидели подольше. Если они не выпьют по меньшей мере три порции чанга или чая, мы считаем их невежливыми и обижаемся. Индусам и мусульманам, которые не пьют вовсе, наше поведение может показаться вольным и развязным; впрочем, я думаю, что мы пьём в общем и целом не больше и не меньше, чем большинство других народов, не имеющих такого запрета. Лично я люблю чанг, а также многие европейские напитки, с которыми познакомился в последнее время. Мне нравятся сигареты. К счастью, я без труда могу обходиться без них, что и делаю всегда перед началом очередной экспедиции и во время неё. Не пью я и не курю также, когда нахожусь среди людей, религиозного чувства которых мне не хочется задевать.

Большинство шерпов любит путешествовать. Мы охотно навещаем своих друзей и принимаем их у себя, и хотя можем показаться застенчивыми, любим знакомиться с новыми интересными людьми. Играем между собой в азартные игры — кости и карты. Мы не прочь подшутить друг над другом^[7]. Спорт и спортивные игры распространены мало, возможно, потому, что мы не могли научиться им, хотя скорее всего причина в нашей работе — после неё не очень-то нуждаешься в дополнительных упражнениях. Зато многие шерпы, и я в том числе, увлекаются верховой ездой и лошадьми, а для того, кто считает слишком обременительным для себя самому стать в стремя, в Дарджилинге есть всегда конные состязания, где можно побиться об заклад. Я недавно купил коня и участвую в скачках, правда, должен признаться, не как жокей. А мои друзья говорят, что я скоро стану шерпским Ага Ханом.

Многие наши развлечения мы разделяем со своими жёнами. Шерпские женщины занимают в семье более

видное место и пользуются большей свободой, чем у большинства азиатских народов. Дома — в этом я не раз убеждался на собственном опыте — им принадлежит вся полнота власти, однако жизнь их не связана исключительно с домом; часто они интересуются мужскими делами и выполняют работу, которую обычно принято считать мужской. Как я уже говорил, Анг Ламу девочкой ходила с ношами по Дарджилингу, а многие работают даже носильщиками в экспедициях и проходят весь путь до базового лагеря. Большинство шерпских женщин низкорослые, некоторые совсем маленькие. Но силой и выдержкой они почти равны мужчинам: есть женщины, которые носят поклажи, достигающие двух третей их собственного веса.

Развод у нас допускается. Желая расторгнуть брак, будь то мужчина или женщина, должен уплатить другой стороне известную сумму денег, после чего считается свободным. В Тибете, откуда пришли наши предки, распространено и многожёнство и многомужество. Часто у двух или нескольких братьев имеется общая жена. Смысл этого — сохранить имущество внутри семьи. Но уже в Соло Кхумбу такие явления редки, а в Дарджилинге их вовсе не бывает. При той свободе и равноправии полов, которые царят у нас, дай бог мужчине или женщине управиться с одним супругом!

Большая перемена произошла за последнее время в жизни наших детей — теперь они наконец-то ходят в школу. Раньше единственным путём для шерпы научиться чему-нибудь было пойти в монастырь. В Дарджилинге это было сложнее, чем в Соло Кхумбу, потому что здесь у нас нет своих монастырей — только сиккимские или тибетские — и очень мало лам. Теперь же дело улучшилось. После войны многие из нашей молодёжи стали посещать непальские школы, которых в Дарджилинге много, а в 1951 году открылась

небольшая шерпская школа. В начале книги я уже сказал, что отсутствие образования — моя главная беда; и для меня очень важно, что подрастающее поколение имеет то, чего не хватало мне. Мои собственные дочери, Пем Пем и Нима, ходили несколько лет в непальскую школу, но теперь я смог отдать их в школу при католическом монастыре Лорето, которая действует в Дарджилинге уже много лет и возглавляется ирландской монахиней. Это не значит, что они станут католичками. Они научатся свободно говорить по-английски, будут встречаться с различными людьми и получат хорошее современное образование.

Правда, сдаётся мне, что нет добра, которое не влекло бы за собой сколько-либо зла. Я заметил, что многие молодые шерпы совершенно не имеют представления о наших старых нравах и обычаях. Они и по-шерпски-то едва изъясняются. И я боюсь, что их новые представления в большой мере почерпнуты не из учебников, а из кинофильмов^[8]. Впрочем, возможно, это неизбежная цена, которую приходится платить народу, переходящему от старой простой жизни к совершенно иной, и уж лучше учиться и развиваться, хотя бы и с ошибками, чем топтаться на месте.

В прошлой главе я рассказал кое-что о своей буддийской вере. Подобно мне, большинство «новых» шерпов религиозны, но не фанатики. Они хранят образ бога в своих сердцах, однако не верят в обряды и ритуалы. Так как в Дарджилинге нет шерпского монастыря, то мы и не имеем настоящего религиозного центра. Зато почти все отводят дома угол для молитвы; там находятся свечи, ладан, молитвенные колёса и изображения Будды, важнейший символ нашей веры. Для меня жизнь сложилась лучше, чем для других, поэтому я смог в своём новом доме отвести целую комнату под молельню. В ней хранятся драгоценные

священные предметы, привезённые из Тибета, в ней мой зять, лама Нванг Ла, по нескольку часов в день занимается свечами и курениями, вращает молитвенные колёса и молится за всех нас. На дворе, на склоне холма, я расставил бамбуковые шесты, на которых развеваются молитвенные флажки в сторону далёких снегов Канченджунги.

Как и у большинства народов, наши важнейшие обряды связаны с рождением, женитьбой и смертью. Мы сжигаем наших покойников, кроме маленьких детей, которых принято хоронить. Исключения составляют также умершие высоко в горах; их тоже хоронят — либо люди, либо сама природа.

Для важных случаев и вообще для всех желающих в Тоонг Соонг Бусте имеется небольшой храм. Внутри него находится один-единственный предмет: большое молитвенное колесо, почти в два человеческих роста, заполняющее чуть ли не все помещение. Оно приводится в движение с помощью верёвки, а вращаясь, звонит наподобие гонга. Часто, проходя мимо, можно услышать его звон. Значит, либо кто-нибудь умер, либо родился, либо просто в храме кто-то молится. И ты сам произносишь в уме: «Ом мани падмэ хум... Ом мани падмэ хум...», зная, что звук гонга касается не только новорождённого или умершего, но каждого из нас, медленно вращающегося на колесе своей жизни.

Я сказал, что прожил три жизни. Собственно, обо всем шерпском народе можно сказать, что он живёт три жизни: в своей религии, в своём доме и в своей работе. Раньше мы все были земледельцами и пастухами, а в Соло Кхумбу этим и сейчас занимается большинство. Теперь появились среди нас дельцы и торговцы, а в будущем, я думаю, из шерпов выйдут врачи и юристы, учителя и учёные — все, что угодно. Но в мире мы

известны как восходители, и, наверное, многие из нас так и останутся восходителями. Больше того, я надеюсь на это от всего сердца: слишком много мы получили от гор и слишком много отдали им.

Мальчик-шерпа смотрит вверх — он видит гору. Потом он смотрит вниз и видит груз. Он поднимает груз и идёт на гору. Он не видит в этом ничего необычного или неприятного. Идти с грузом — его естественное состояние, и ноша для него все равно что часть тела. Главный вес приходится на широкий ремень, который надевают не на плечи, а на лоб, потому что длительный опыт научил нас, что это лучший способ носки. Таким способом взрослый шерпа несёт почти пятьдесят килограммов по обычной местности и до тридцати — тридцати пяти на крутых склонах. Так и я сам носил грузы всю мою жизнь, до недавнего времени. В последних экспедициях я, как сирдар или член штурмовой группы, исполнял другие обязанности и потому нёс меньше. А на очень больших высотах я предпочитаю носить груз на плечах, на европейский лад.

Многие, похоже, не понимают, что, собственно, делает шерпа во время экспедиции. Скажу сразу же, что он ничуть не похож на проводника в Альпах, который водит людей по горам, где побывал перед этим много раз. В Гималаях никто не знает гору так хорошо заранее, а то и вовсе не поднимался на неё. Далее, мы не натренированы учить людей альпинизму, да это и ни к чему, потому что мы работаем с лучшими во всем мире мастерами этого дела. Поначалу мы немногим отличались от обычных носильщиков, которых на Востоке исстари называли «кули». Теперь это слово стало непопулярным в Азии. По привычке, возможно дурной, мы иногда говорим «кули» (никогда о себе самих, конечно, только о других), но это прозвище настолько унижительно, от него так сильно отдаёт

рабством, что мы очень обижаемся, если слышим его от европейцев. Правда, шерпы с этим не сталкиваются, потому что о нас давно уже не то что не говорят — не думают как о кули. «Местные кули были отпущены, — можете вы прочитать в книгах, — а шерпы продолжали идти». Или: «Кули повернули из базового лагеря обратно, а шерпы продолжали восхождение». За много лет мы завоевали добрую славу и гордимся этим.

Это не значит, что теперь мы не переносим грузов. Напротив, мы гордимся, в частности, именно тем, что ходим с тяжёлыми ношами дальше и выше, чем другие люди. В отличие от многих простых людей мы не боимся гор, идём с грузом по ледникам и ледопадам, по гребням и ущельям, сквозь бураны и заносы, проявляя предел человеческой выдержки. За исключением немногих последних восхождений в Пакистане, к которым нас не привлекали из политических соображений, именно шерпы забрасывали снаряжение для верхних лагерей всех больших экспедиций в Гималаях за последние полвека и нередко штурмовали вместе с альпинистами вершины.

Но это не все. С годами мы узнали многое о технике восхождений: выбор маршрута, вырубание ступеней, маневрирование верёвкой, выбор места для лагеря. Далее, мы считаем своим долгом заботиться об альпинистах — готовим для них пищу, чай, проверяем снаряжение, стараемся устроить все поудобнее в палатках. И не потому, что мы обязаны, а потому, что хотим так сами; не как слуги, а как хорошие товарищи.

Мы вознаграждены за свою работу. Плата постепенно растёт, к нам относятся с почётом и уважением. Для тех, кто поднимается особенно высоко, учреждена медаль Тигра; некоторым из нас присвоено звание сирдара, что отвечает примерно старшине в армии. Все это хорошо и приятно. Как и все люди, мы любим, чтобы наш труд оценивали по достоинству. Но

подлинное вознаграждение и подлинная причина наших усилий и проще и глубже. Дело в том, что мы выполняем работу, для которой созданы и которая нам по душе.

Большую роль сыграл в жизни шерпов Гималайский клуб. Он объединяет главным образом англичан, но также и несколько индийцев и других увлекающихся альпинизмом. Сам клуб не снаряжает экспедиций, зато оказывает всевозможную помощь в их организации. Один из его секретарей постоянно находится в Дарджилинге и знает всех шерпов, так что, если какая-нибудь экспедиция обращается за носильщиками, он собирает нас и записывает желающих^[9]. Он улаживает об оплате и порядке работы, устраивает проезд шерпов до места, когда это необходимо, и вообще выступает в роли агента обеих сторон. Когда я пришёл в Дарджилинг из Соло Кхумбу и пытался впервые попасть в экспедицию на Эверест, секретарём был некий мистер Кидд. Позднее этот пост на протяжении многих лет занимал Людвиг Кранек, он ввёл систему записей о работе шерпов. Затем секретарём стала миссис Джил Гендерсон, жена англичанина, владельца чайной плантации; она участвовала в снаряжении больших послевоенных экспедиций.

Клуб и его секретари проделали большую работу; однако шерпы не всегда довольны оплатой, и теперь мы создали свою собственную организацию. Она была учреждена ещё в двадцатых годах и называлась тогда Ассоциация шерпов-буддистов, занимаясь почти исключительно религиозными вопросами. В тридцатые годы и во время войны она почти ничего не делала, но недавно была возрождена, слово «буддистов» из названия выброшено, и теперь она занимается не религией, а всякого рода практическими проблемами.

Для текущей деятельности выбираются комиссии; они решают, в частности, вопросы о материальной помощи. Если, например, работающий член семьи болеет свыше двух недель, ассоциация выплачивает ему определённую сумму вплоть до выздоровления. В случае смерти члена семьи даётся двадцать рупий, чтобы оплатить кремацию. В настоящее время ассоциация начинает посредничать при найме, играя роль профсоюза для шерпов, работающих в экспедициях, и добивается более высоких ставок, чем назначенные Гималайским клубом, а также более высокого возмещения пострадавшим и семьям погибших. Сейчас в ассоциации восемьдесят два члена, председателем выбран я, и я надеюсь, что она сможет принести пользу не только своим членам, но и всему нашему народу.

Как у всех людей, у нас немало забот. Нам тоже нужно кормить свои семьи, растить детей, платить долги, пытаться отложить что-нибудь на старость. Тем не менее, как я уже говорил, мы видим в нашей работе отнюдь не только источник существования. Разве не ясно, что подвиги шерпов не могли быть совершены людьми, которые думают лишь о вознаграждении?

Вспоминаются прошедшие годы и большие восхождения. В начале нынешнего столетия наши люди участвовали в исследованиях многих высоких гор. В двадцатых годах на Эвересте они забрасывали грузы на высоты порядка 8000 метров, намного перекрыв все прежние рекорды. Никто не станет утверждать, что шерпам платят за взятие вершин, а между тем в тридцатых годах шерпы дважды поднимались вместе с альпинистами на высочайшие из покорённых до тех пор вершин: на Джонсонг, в штурме которого участвовали «тигр» Лева и Тсинабо, и на Кавет, на который взошёл тот же Лева, причём на отмороженных ногах, так что потом ему пришлось ампутировать почти все пальцы.

Наши люди побывали на всех величайших горах, на которые ходили экспедиции: К2, Канченджунга, Нанга Парбат, Нанда Деви, Аннапурна и многие другие — и каждый раз участвовали в разбивке самых высоких лагерей. На К2 в 1939 году Пасанг Дава Лама был вместе с американцем Фрицем Висснером всего в двухстах пятидесяти метрах от второй в мире вершины; пятнадцать лет спустя он взойшёл с австрийской экспедицией на вершину седьмой по величине горы — Чо Ойю. В 1953 году на Эвересте сёмнадцать шерпов поднялись до Южного седла на высоте около 8000 метров, причём трое, включая меня, пошли ещё выше.

Я вспоминаю тех шерпов, которые вышли в горы и не вернулись. Многие, очень многие шерпы погибли в горах; наш народ принёс в Гималаях больше жертв, чем все остальные народы, вместе взятые. На Эвересте в 1922 году было убито семеро, на Нанга Парбате в 1934 и 1937 годах — пятнадцать, и в десятках других восхождений погибало по одному, два, три человека — в бурю или в лавинах, от падений, обмороживаний или истощения.

Чаще всего причиной смерти был несчастный случай. Но иногда гибель оказывалась следствием отваги и самопожертвования. Ни один шерпа не забудет Гайлая, который остался с Вилли Мёрклом на Нанга Парбате. И никто не забудет Пасанга Кикули, ходившего на К2. Кикули был одним из наших лучших восходителей в тридцатые годы, он участвовал в большинстве крупных экспедиций того времени. В 1939 году он был сирдаром американской экспедиции на К2, Висснер и Пасанг Дава Лама побывали, как я уже говорил, у самой цели, но при спуске стали возникать всяческие осложнения. Один из альпинистов, Дэдди Вольф, заболел, и его пришлось оставить одного высоко в горах, в то время как почти все остальные находились в базовом лагере. Альпинисты слишком устали, чтобы

снова подниматься, а погода все ухудшалась. Но Кикули поднялся вместе с другим шерпой, Черингом, за один день на 2100 метров от базы до лагеря VI — вероятно, самое длинное непрерывное восхождение, когда-либо совершённое в горах.

На следующий день Кикули и ещё двое шерпов дошли до лагеря VII, где находился Вольф. Он был ещё жив, но слишком ослаб, чтобы передвигаться, а так как ночевать оказалось негде, то шерпы вернулись на ночь в лагерь VI. А утром трое шерпов снова пошли к Вольфу, решив снести его вниз на руках. Больше их не видели. Разыгралась буря, четвёртому шерпе оставалось только спуститься из лагеря VI вниз на базу. Великий Кикули и его товарищи отдали свои жизни, пытаясь спасти жизнь другого.

Я думаю обо всем этом и горжусь тем, что я шерпа. И я уверен, что любой, знающий, что мы совершили, не сможет поверить, будто мы ходим в горы исключительно из-за нескольких рупий.

11

ПО ГОРАМ И ПО ДОЛАМ

Удивительно, хотя я не умею ни читать, ни писать, я получил и послал столько писем, что и не счесть. Мне пишут с разных концов Индии и Европы, приглашают участвовать в экспедициях, а после экспедиций делятся впечатлениями или новыми планами; иногда письма содержат просто выражение дружеских чувств. Я прошу прочитывать мне письма и всегда отвечаю, диктуя человеку, который записывает мой ответ на соответствующем языке или же по-английски, с которого обычно можно потом перевести. И хотя мне мало приходилось иметь дело с ручками и пишущими машинками, все же именно этим предметам я обязан многими приключениями.

Зимой 1948 года мой старый друг по Бандар Пунчу, мистер Гибсон из Дун Скул, сообщил, что порекомендовал меня для одной работы Отделу экспериментальных исследований индийской армии. А вслед за тем мне написали и из отдела. В итоге я в том и последующем году ездил инструктором в Северо-западную Индию и обучал солдат технике восхождений. Помимо самих восхождений, речь шла о разбивке лагеря, приготовлении пищи, применении снаряжения и уходе за ним — короче, обо всем, что касается жизни под открытым небом в диком краю. Работа эта пришлась мне по душе. В первый год занятия

происходили в провинции Кулу, на следующий — в Кашмире, причем база находилась в курортном городке Гульмарг. А поскольку в обоих случаях мы занимались зимой и на больших высотах, мне представился случай впервые после Читрала стать на лыжи. В память о занятиях с солдатами у меня осталось официальное свидетельство. А лыжами я занимался ради собственного удовольствия; от этих занятий остались лишь красноречивые вмятины на снегу...

Весной 1949 года в Дарджилинге произошло печальное событие.

Фрэнк Смайс, с которым я ходил вместе на Эверест и который был, пожалуй, наиболее известным из всех альпинистов, участников гималайских экспедиций, приехал опять в наш город и был очень тепло встречен. На этот раз он собирался в поход один, фотографировать горы и горные цветы (он был большим специалистом этого дела), и я помогал ему в приготовлениях.

Однако очень скоро стало видно, что Смайс уже не тот, каким его знали прежде, причём дело было не в возрасте. Однажды он посетил ателье известного в Дарджилинге художника, мистера Сайна. Сайн попросил его, как обычно, расписаться перед уходом в гостевой книге. Смайс подошёл к столику, взял ручку, но, вместо того чтобы сразу расписаться, почему-то задумался, глядя на страницу. Затем улыбнулся слегка и сказал: «Странно. Я вдруг забыл собственную фамилию». После этого он нагнулся над книгой и расписался, тщательно и неторопливо. Однако над датой он снова задумался. Наконец написал «октябрь», подумал ещё и зачеркнул. Потом написал «декабрь» и оставил так... На самом же деле был май.

Спустя день или два мы шли с ним по Човраста, и тут я сам был поражён. Мы говорили о чем-то, не помню

о чем, как вдруг Смайс обращается ко мне совершенно изменившимся голосом:

— Тенцинг, дай мне мой ледоруб.

Я, конечно, решил, что он шутит, и ответил сам шуткой. Но Смайс продолжал совершенно серьёзно просить у меня ледоруб. Он думал, что находится где-то в горах. Тогда я понял, что его дела плохи. Вскоре после этого его взяли в больницу, а когда я пришёл навестить его, он не узнал меня. Лёжа в постели с широко раскрытыми глазами, он говорил о восхождениях на большие вершины. Врачи нашли у Смайса редкую болезнь, поразившую головной и спинной мозг, и его срочно направили самолётом в Англию. Но и там ему явно ничем не смогли помочь, потому что вскоре он умер. Так печально и безвременно кончилась жизнь выдающегося альпиниста.

Мало-помалу последствия войны и политической ломки в Индии начали сглаживаться; пришло время, когда экспедиций стало больше, чем когда-либо. Вскоре после отъезда Смайса в Дарджилинг прибыла швейцарская экспедиция. Возглавлял её другой мой старый друг, Рене Диттерт; он собирался исследовать подходы к Канченджунге со стороны Непала. Он приглашал меня, и я охотно согласился бы, однако успел уже к тому времени договориться с Тильманом; единственное, что я мог сделать для швейцарцев — набрать для них других шерпов и пожелать успеха.

Тильмана мы, шерпы, разумеется, тоже причисляли к нашим старым друзьям. Я по-настоящему восхищался им на Эвересте в 1938 году и был рад встретиться с ним снова, хотя мы оба находились под впечатлением несчастья со Смайсом. Вместе с другими четырьмя шерпами я проехал из Дарджилинга в Калькутту. Здесь мы встретили Тильмана и двух его английских товарищей, после чего направились на северо-запад, к южной границе Непала. С каждым этапом мы

передвигались все более примитивным способом. По Индии мы ехали поездом до пограничного городка Раксаул. Затем пересекли на автобусе покрытые джунглями отроги — тераи, закончив этот отрезок пути в непальском городе Бимпеди. Дальше не было ни железной, ни автомобильной дороги, и мы двинулись пешком через невысокие хребты в Непальскую долину; багаж полз потихоньку над нашими головами по канатной дороге. Я предвкушал много интересного; как ни странно это покажется, особенно если учесть близость Дарджилинга к непальской границе, я не был в Непале с тех самых пор, как удрал во второй раз из Соло Кхумбу в 1934 году. Думаю, что нашим начальникам тоже было интересно — им предстояло увидеть страну, почти совершенно неизвестную европейцам. На протяжении всей истории Непал был закрыт для них даже ещё прочнее, чем Тибет, куда хоть попадали отдельные лица и экспедиции. Теперь же Непал слегка приоткрыл ворота, и Тильман с его друзьями оказался в числе первых, кто проник в эту щёлочку.

Странно бывает иногда с национальностями. Хоть я индийский гражданин, но по рождению непалец и Непал тоже считает меня своим подданным. Между тем мало кому пришло бы в голову назвать меня непальцем или даже индийцем, потому что я принадлежу к другому народу и исповедую другую религию. Живя в Соло Кхумбу, мы были почти изолированы от остальной части страны. Все происходившее там мало касалось нас; у нас были свои обычаи, свой образ жизни, мы почти ничего не знали о стране, к которой принадлежали в политическом отношении.

Позднее я, конечно, многое узнал, и мне понятны теперь причины вещей, которые я раньше принимал как нечто разумеющееся. Так, главной причиной долгой изоляции Непала было то, что свыше ста лет у власти

стояла группа сплотившихся вместе семей Рана. Им принадлежало почти все в стране, они переняли власть королей и боялись утратить её в случае допуска иностранцев или иностранного влияния. Но в двадцатом веке так, конечно, не могло продолжаться. Тысячи гуркхов, знаменитых непальских воинов, участвовали в обеих мировых войнах и приносили домой новые идеи и обычаи. На господствующие круги оказывалось давление как внутри страны, так и со стороны индийского правительства. В конце концов после второй мировой войны произошёл переворот. Группу Рана лишили власти, был восстановлен в своих правах либерально настроенный, мыслящий более современно король. В результате демократизации правительства страна вступила на путь нового развития и стала открываться для внешнего мира.

Итак, мы поднялись в горы по крутой тропе из Бимпеди; перед нами раскинулась широкая зелёная Непальская долина с городом Катманду в центре. Много нового появилось в столице: большие здания, электричество, телефон и даже несколько автомашин (их перенесли через перевалы из Индии). Но в основном все оставалось по-старому. Старые кривые улочки, кишачие народом базары, индуистские и буддийские храмы, изумительные барельефы и статуи, а за городом — ярко-зеленые рисовые поля на фоне далёких снежных вершин Гималаев.

Прошёл всего год, как я побывал в Лхасе, и мне было интересно сравнить два города. Я подумал, что в известном смысле они похожи между собою: вряд ли найдутся в мире столицы, менее затронутые западной цивилизацией. Но есть и большие различия. Ведь в Лхасе, лежащей в уединении в горах, население однородное — одни тибетцы, буддисты; а население Катманду исстари представляет собой смесь всего, что только есть на Востоке.

Как и моя прошлогодняя экспедиция, экспедиция Тильмана не собиралась штурмовать вершины. Правда, Тильман в отличие от профессора Туччи не интересовался рукописями или произведениями искусства: он занимался исследованием природы Непала, и двое сопровождавших его товарищей были учёные. Я гадал, не пойдём ли мы из Катманду в сторону Соло Кхумбу и Эвереста, однако такой поход не состоялся. Вместо этого мы пошли в прямо противоположном направлении, на запад, в область страны, которая называется Ланг Данг Гималая и в которой мне ещё не приходилось бывать. Несколько дней мы двигались по сельскохозяйственным районам с обширными рисовыми полями и террасным земледелием на склонах холмов. Мы шли мимо деревень, старинных укреплений и пагод, которые, по словам непальцев, первоначально появились здесь, а не в Китае, как то думают многие. Потом потянулись более пустынные места, и, хотя мы прибыли не для восхождений, нам пришлось немало полазать по скалам. На севере высились большие вершины западно-центрального Непала: Аннапурна, Дхаулагири, Манаслу и сотни других. Это был первый и единственный раз, когда я их видел все сразу.

Тильман изучал географию страны, его друзья — растения и минералы. Занимаясь этими исследованиями, мы передвигались вверх и вниз, туда и сюда целых три месяца. Порой забирались в чащу джунглей, порой оказывались высоко в горах, карабкаясь через ледники и заснеженные перевалы, и большей частью ходили по местам, где никогда ещё не бывал человек. На одном из ледников я был ослеплён снегом — единственный раз за всю мою жизнь. Каким-то образом я потерял свои тёмные очки и, проходя по льду, ощутил резь в глазах. Я тёр их, мыл, пытался идти зажмурившись, причём остальные всячески старались

мне помочь — все бесполезно. Резь непрерывно усиливалась, пока не стала почти невыносимой. Словно кто-то колот мне глаза пиками, длинными блестящими пиками — они слепили меня, впивались в глазное яблоко и поворачивались там так, что казалось, глаза сейчас выскочат из орбит. Так продолжалось, пока мы не миновали ледник, и даже ещё некоторое время спустя. К счастью, снежная слепота проходит быстро, без тяжёлых последствий, но с тех пор я неизменно ношу с собой в экспедициях запасные очки.

В джунглях тоже не обошлось без приключений. Нам не раз случалось заблудиться, чаще всего не очень сильно, так что бояться было нечего, но бывало и так, что я начинал опасаться, выберемся ли мы когда-либо вообще. Запомнился особенно один случай, когда Тильман, шерпа Дава Намгиа и я сам отбились от остальных и потом целый день были заняты их поисками. Под вечер мы запутались так, как ещё ни разу не приходилось. Мы не могли найти ни своих спутников, ни деревни, ни тропы; похоже было, что придётся провести ночь без пищи и без крыши над головой. Вдруг впереди послышался шум, и мы увидели представителя местного племени, которое в Непале называется лимбу. Мы с Дава Намгиа заговорили с ним и дали пять рупий, чтобы он довёл нас до деревни. Непалец уже было согласился, но тут нас догнал Тильман. Я уже говорил, что Тильман в экспедициях отращивал бороду и ходил такой косматый, что мы называли его Балу, медведь. У него были такие густые брови, что в горах на них собирался иней, и они напоминали заснеженные карнизы! Правда, в джунглях снега не было, но и здесь Тильман выглядел достаточно устрашающе — длинные волосы и борода, да ещё из ворота на груди торчали волосы. Подобно многим жителям Азии, лимбу почти лишены волос на лице и на теле. Наш проводник, конечно, никогда не видал ничего

подобного. Не успели мы опомниться, как он издал дикий вопль и исчез, унося с собой наши пять рупий, а мы остались ни с чем.

Стемнело, мы сели под деревом, решив переночевать здесь. Откуда-то неподалёку доносилось журчанье ручейка, и мне захотелось напиться. Однако Тильман остановил меня: он боялся, что это водопой диких животных. Непальские леса полны зверья, особенно опасны тигры и медведи, а ручей — самое подходящее место, где их можно встретить ночью. Я послушно остался под деревом, промокший насквозь и тем не менее изнывающий от жажды; а утром, подойдя к ручью, мы убедились, что Тильман был прав — на иле виднелось множество звериных следов.

В конце концов мы отыскивали своих товарищей и продолжали путь. Однако нам ещё не раз случалось заблудиться. Мы прокладывали себе дорогу сквозь тропические лианы нашими кукри, вырубали ступени на ледяных склонах; Тильман делал все новые пометки на картах, а наши ноши становились все тяжелее от коллекций. Иногда мы заходили в деревни, и каждый раз вид Тильмана производил переполох среди местных жителей. Лимбу либо убегали в лес, либо, одолеваемые любопытством, толпились вокруг нас, показывали на него пальцами и смеялись. Часто, когда нам нужно было достать в деревне продовольствие или питьевую воду, мы, шерпы, шли вперёд, а англичане, особенно же Тильман, оставались в укрытии, пока мы не закончим переговоры.

Впрочем, серьёзных осложнений с населением у нас не было. Не было и столкновений с дикими животными. Единственными нашими настоящими врагами оказались пиявки; обитающие здесь в Западном Непале разновидности превосходили по своей кровожадности все, что я знал до тех пор. В тёплых низинах они таились повсюду: в грязи под ногами, в траве, на

которую мы садились, на листьях деревьев, откуда валились нам на головы. Пиявки не ядовиты, укус их безболезнен. Но именно поэтому вы их совершенно не чувствуете и не подозреваете об их присутствии, пока не начнёте осматривать тело или не разденетесь — вот они, присосались, большие, отвратительные, раздувшиеся от вашей крови. Излюбленное место пиявок ноги, причём первоначально паразиты настолько малы, что могут пробраться сквозь носки, сквозь дырочки для шнурков обуви. Лучший способ предохраниться — натереть кожу солью, которую они очень не любят. Ещё помогает смочить носки керосином. Правда, тогда неизвестно, что хуже — запах керосина или пиявки. Присосавшись, они сидят так крепко, что рукой не снимешь; приходится прижигать их или соскребать ножом. К счастью, в Непале было достаточно кукри, и к концу нашего путешествия я настолько набил себе руку в обращении с ними, что без труда мог бы занять место цирюльника.

Многое узнал я о жизни в джунглях и о стране, в которой родился... Тибет — Кулу — Кашмир — Непал, — я перебирал в памяти, возвращаясь обратно в Дарджилинг. «Немало пришлось мне повидать за это время», — говорил я себе. И думал: куда приведёт меня следующий маршрут?

Он привёл меня в Гархвал. Снова на Бандар Пунч, Дун Скул-гору, вместе со старым другом мистером Гибсоном.

Мы списались с ним в течение зимы, и весной 1950 года я опять двинулся по столь знакомому теперь пути. К нам присоединились три альпиниста, которым предстояло впервые увидеть Бандар Пунч: начальник инженерных войск индийской армии генерал-майор Уильямс, сержант Рой Гринвуд и Гурдиал Сингх, молодой индиец, преподаватель Дун Скул. После нашей экспедиции в 1946 году с мистером Гибсоном было

сделано ещё пять попыток взять вершину. Однако никому не удалось штурмовать Бандар Пунч. «Может быть, в этом году удастся», — сказал мне с улыбкой Гибсон. Я надеялся не менее горячо, чем он. Я знал эту гору лучше, чем другие, исключая Эверест, и считал, что пора уже схватить обезьяну за хвост.

Мои последние две экспедиции — в Тибет и Непал — не были связаны с настоящим восхождением. Теперь я радовался, что снова делаю работу, которую люблю больше всего. Мы поднимались все выше по горам и долинам Гархвала, вдоль бурных рек, через высокие перевалы, пока не очутились у подножья горы — здесь я стоял четыре года и тринадцать лет назад. Мы разбили базовый лагерь, затем верхние лагеря, идя тем же путём, что в 1946 году. Но, как это часто случается со снеговыми вершинами, местность заметно изменилась. Гребень между лагерями I и II оказался значительно более сложным препятствием: он стал уже, появились многочисленные карнизы, требующие большой осторожности. Зато погода на этот раз была лучше, а поскольку именно это обстоятельство играет решающую роль в Гималаях, мы смогли добиться серьёзного успеха и разбили лагерь III на высоте около 5500 метров. Теперь вершина была уже в пределах досягаемости.

Генералу Уильямсу было уже за пятьдесят, но он находился в отличной форме и без труда поднялся до верхнего лагеря. Хороший товарищ, заботливый и доброжелательный, он не уставал повторять, чтобы я не беспокоился за него.

— Я старая крыса, Тенцинг, — говорил он. — Не так уж важно, попаду ли я на вершину. Помогай лучше тем, кто помоложе.

Мы надеялись пойти все вместе на штурм из лагеря III, однако Гурдиал Сингх начал, к сожалению, страдать от горной болезни. Стало очевидно, что ему надо

уходить вниз, и мистер Гибсон самоотверженно вызвался проводить его.

Между тем погода держалась такая хорошая, что мы решили не ждать возвращения Гибсона. Генерал Уильямс остался с несколькими шерпами в лагере III в качестве вспомогательного отряда, а сержант Гринвуд, шерпа Кинг Чок Черинг и я выступили на следующее утро к вершине. Нам по-прежнему сопутствовала удача. Погода стояла образцовая, подъем не представлял особых затруднений. Вдруг после нескольких часов восхождения, вступив на очередной горб, мы остановились и заулыбались друг другу — дальше вверх идти было некуда. Мы стояли на вершине Бандар Пунча, на высоте 6315 метров. Наконец-то после стольких лет я добрался до «Обезьяньего хвоста».

Вернувшись в лагерь, мы обнаружили, что мистер Гибсон уже проводил Гурдиала Сингха на базу и поднялся обратно. Вечером состоялось большое празднество, насколько позволяли наши палаточки. Гибсон все ещё надеялся осуществить многолетнюю мечту, и на следующий день он, генерал Уильямс и несколько шерпов попытались взять вершину. Однако погода внезапно ухудшилась: подул сильный ветер, пошёл густой снег. Пришлось альпинистам возвратиться. На следующее утро снова прояснилось, но тут подошло к концу продовольствие. Надо было спускаться... Мистёр Гибсон очень расстроился — сколько попыток он совершил, сколько приложил усилий, чтобы взять Бандар Пунч! Однако Гибсон не жаловался. Товарищ попал в беду, он счёл себя обязанным помочь и тем самым упустил возможность достигнуть желанной цели. Так уж принято в горах, среди альпинистов. Мистёр Гибсон был настоящий джентльмен, и я горжусь тем, что вместе с ним совершал восхождения.

На обратном пути с Бандар Пунча случилось происшествие, которое я не скоро забуду. Мы устроили привал на берегу озера Дути Тал. Я вытянулся на солнышке и задремал, прикрыв лицо шляпой. И вдруг сквозь дремоту я ощутил, что шляпа стала как будто тяжелее. Я протянул руку — проверить, в чем дело. Мои пальцы нащупали не шляпу, а что-то холодное и скользкое. Пока я спал, на полях шляпы пристроилась змея и тоже вздремнула на солнышке! Я сразу проснулся, завопил что есть мочи и отбросил шляпу как можно дальше. Другие шерпы, которые тоже спали, вскочили на ноги. Увидев, в чем дело, они бросились к змее и убили её. Однако местные носильщики стали качать головами и объяснили нам, что мы совершили большой промах, потому что, когда змея сама приходит к человеку, она приносит ему счастье. Они были уверены, что человек со змеей на голове может твёрдо рассчитывать стать королём.

Возможно... только мне кажется, что лучше быть простым смертным с обыкновенной лентой на шляпе.

12

ГОЛАЯ ГОРА

Далеко в Западных Гималаях, более полутора тысяч километров от Эвереста и Дарджилинга, высится гора, одно упоминание о которой заставляет меня думать об опасностях и смерти. Эта гора — Нанга Парбат; на ней одной погибло столько же людей, сколько на всех остальных великих вершинах, вместе взятых.

Теперь Нанга Парбат уже покорена. В 1953 году немецко-австрийская экспедиция предприняла завершающую попытку, и в начале июля, пять недель спустя после взятия Эвереста, австриец Герман Буль один совершил невероятно трудное восхождение от верхнего лагеря к вершине. Но когда я поехал туда в 1950 году, Нанга Парбат ещё не была взята, и казалось, что её никогда не удастся покорить. Шесть экспедиций пытались штурмовать эту вершину, но единственный поставленный ими рекорд был самого трагического свойства.

Первая попытка состоялась ещё в 1895 году, когда знаменитый английский альпинист Меммери совершил своё первое и единственное путешествие в Гималаи. Вместе с двумя английскими друзьями, двумя гуркхами и несколькими местными носильщиками он добрался до

подножья горы и стал искать путь к вершине. Поначалу все шло хорошо, и они достигли высоты примерно 6600 метров. Отсюда Меммери и двое гуркхов выступили дальше, чтобы перейти высокий снежный перевал. Они не вернулись. Никто не знает, наверное, почему, однако предполагается, что их застигла лавина.

Тридцать семь лет протекло до следующей экспедиции, в которую выступил в 1932 году смешанный отряд из немцев и американцев. Они решили попытаться счастья с другой стороны горы и разработали маршрут, которым впоследствии шли все экспедиции. Им удалось подняться почти до 7000 метров, но бури и глубокий снег вынудили их повернуть назад. Правда, они смогли спуститься без происшествий.

Далее следуют две немецкие попытки — в 1934 и 1937 годах; тут-то и произошли самые тяжёлые катастрофы в истории Гималаев. Тяжёлыми были они и для племени шерпов: в обеих экспедициях участвовали наши люди (впервые на Нанга Парбате), и пятнадцать человек не вернулись. Трагедия 1934 года была вызвана непогодой. На большой высоте восходителей застал врасплох сильный буран. Он длился целую неделю; некоторым удалось пробиться вниз, но многие погибли. Я говорил уже о шерпе Гайлае, который, возможно, смог бы спастись, но предпочёл остаться и умереть с руководителем экспедиции Вилли Мёрклом. Тела их нашли четыре года спустя в полной сохранности. Они лежали вместе на снежном гребне, и все говорило за то, что Гайлай прожил дольше, однако не захотел покидать своего начальника. Трое других немцев и ещё пятеро шерпов погибли в единоборстве с бураном. Тело одного шерпы, Пинджу Норбу, тоже было найдено в 1938 году. Он висел вниз головой на верёвке, с помощью которой пытался спуститься по ледяной стене.

В 1937 году погибло ещё больше — семь немцев и девять шерпов, но на этот раз смерть была хоть мгновенной. Экспедиция разбила лагерь IV в снежной ложбине под восточным гребнем, а ночью обрушилась огромная лавина и погребла спящих восходителей. Никто не спасся, никто не успел даже пошевелиться. Пришедший впоследствии спасательный отряд нашёл их лежащими в палатках так мирно, словно они продолжали спать. Немцев обнаружили всех, кроме двоих, снесли вниз и похоронили, наших же людей, по просьбе шерпы Нурсанга, сирдара спасательного отряда, оставили, где нашли — там они лежат и сейчас, погребённые на ледяном склоне Нанга Парбата^[10].

Немцы вернулись на гору в 1938 году (и обнаружили тела погибших восходителей), а затем в 1939 году. Однако после двух катастроф ни один опытный шерпа не хотел идти с ними, а без привычных носильщиков было мало надежд взять вершину. Правда, обе последние экспедиции обошлись без несчастных случаев. Не было несчастных случаев и в последующие десять лет по той простой причине, что не было восхождений.

Итак, Нанга Парбат держала рекорд — двадцать девять погибших. И вот теперь, в 1950 году, это число должно было вырасти до тридцати одного.

Сам я до тех пор никогда не бывал на этой горе. По легко понятным соображениям меня и не тянуло туда. И если я все же очутился на Нанга Парбате, то, можно сказать, совершенно случайно.

В течение некоторого времени я переписывался с капитаном Торнлеем, офицером Седьмого гуркхского полка, с которым я ходил на ледник Зему в 1946 году, когда видел следы йети. Речь шла о большой экспедиции в наиболее отдалённые части Гималаев. И

вот все решено. Торнлей брал с собой двух молодых друзей, капитана Восьмого гуркхского полка Крейса и лейтенанта бенгальских сапёров Ричарда Марча. Вся экспедиция была рассчитана на год с лишним; англичане собирались изучать хребет Каракорум, Западный Тибет и район, граничащий с русским Туркестаном. Было от чего забиться сердцу такого бродяги, как я (не буду говорить, что думала по этому поводу Анг Ламу); и в августе 1950 года, вскоре после возвращения с Бандар Пунча, я снова находился в дороге. Кроме меня, выехали ещё трое шерпов: Анг Темпа, Аджиба и Пху Таркай; я был сирдаром.

Мы встретились с Марчем в Калькутте и двинулись дальше, через всю Индию. С самого начала мы столкнулись с трудностями, потому что первая цель нашего путешествия находилась в Пакистане, а получить визы оказалось очень сложно. В конце концов мы все же добрались до Равальпинди и Северо-Западной провинции, где нас дожидались уехавшие вперед Торнлей и Крейс. Из Равальпинди мы проехали в Пешавар, поблизости от перевала Кхибер, а затем вылетели на самолёте к месту нашего фактического старта — в Гилтиг. Хотя я немало поездил, но, как и остальные шерпы, впервые летел на самолёте и очень волновался. Помню, что мы были недовольны, когда нас пристегнули поясами; при первой же возможности мы высвободились и стали бегать от окошка к окошку.

Воздушное путешествие оказалось коротким; очень скоро мы очутились в Гилтиге, где разбились на две группы, чтобы продолжать путь на север пешком. Первая группа выходила десятью днями раньше второй; она состояла из Марча, меня и двадцати носильщиков-читралцев. Так как я владел читралским языком, отряд выступил своевременно, но зато в других отношениях нам по-прежнему не везло. Мы направились в город Шимшал у границы России и Афганистана, путь шёл по

старой караванной тропе в пустынной местности. Здесь было ещё хуже, чем на Тибетском плоскогорье, — ни деревьев, ни рек, никакой жизни, кругом сплошная каменистая пустыня, которая действовала на меня очень угнетающе. Нам удалось благополучно добраться до Шимшала, но зато тут мы с Марчем оба разом заболели желудком и вынуждены были поочередно ухаживать друг за другом. Ещё долго после того, как мы пошли на поправку, нас мучила слабость и апатия.

Отряду предстояло сначала исследовать малоизученную пограничную область, где сходятся Пакистан, Афганистан, Тибет и СССР. И тут оказалось, что нас ожидают неприятности похуже расстройства желудка. Несколько дней спустя после того как мы оставили Шимшал, пакистанские власти предложили нам возвращаться; они боялись, что мы столкнёмся с русскими пограничниками и вызовем международный инцидент. Оставалось только подчиниться. Вернувшись, мы узнали, что вторую группу даже не выпустили из Гилтига. Нам сообщили, что пограничный район, а также Каракорум закрыты для нас. Не успела экспедиция как следует развернуться, как её пришлось свертывать.

Я был очень разочарован запретом похода в Каракорум. Это была одна из немногих областей Гималаев, в которой мне ещё не приходилось бывать. В Каракоруме находится вторая вершина мира — Годуин Остен, или К2, — и десятки других знаменитых вершин, и я очень хотел попасть туда, если не для восхождений (нас было слишком мало), то хотя бы для того, чтобы посмотреть и познакомиться с горами. Однако ничего нельзя было поделать. Мы с Марчем возвратились в Гилтиг, и там англичане договорились выступить на Нанга Парбат. Гора стоит на границе Пакистана и Кашмира, который был тогда и остаётся сейчас яблоком раздора между Пакистаном и Индией. Наиболее

удобная для восхождения северная сторона находится в Пакистане, таким образом не было никаких политических препятствий для нашего выхода к подножью. Иначе обстояло дело с самим восхождением: для штурма больших вершин всегда требуется специальное разрешение. Так думал во всяком случае я, когда мы выступили из Гилтига. Впрочем, это нас не заботило; все равно с нашим снаряжением нечего было и мечтать о попытке взять такую вершину.

Англичане обсуждали случившееся, взвешивали, что теперь делать, и понемногу стали поговаривать, особенно Торнлей, о том, что, может быть, стоит все-таки попытаться штурмовать вершину. Все самым решительным образом говорило против такого плана — отсутствие разрешения, малочисленность нашей группы, мрачная репутация горы, а главное, был уже ноябрь, приближался разгар зимы. Но уж раз англичанам взбрела в голову такая мысль, то она не давала им покоя. «А вдруг выдастся возможность», — говорил Торнлей. Или: «Во всяком случае пойдём, а там будет видно». И мы шли, пока не очутились на так называемом «Сказочном лугу» на северной стороне горы, откуда выступали на штурм все немецкие экспедиции.

Нанга Парбат... «Голая гора»... Хотя это имя стало уже знаменитым, оно, на мой взгляд, не совсем подходит, потому что вершина Нанга Парбата не голая. Напротив, скальное основание настолько покрыто снегом и льдом, карнизами и ледниками, что вряд ли возможно угадать его подлинные очертания. Скорее её следовало бы назвать «Великан-гора»; даже для тех, кто, подобно мне, знаком с Эверестом, она кажется огромной. Фактически Нанга Парбат занимает всего лишь девятое место — её высота 8196 метров, — однако со стороны равнины, где протекает река Индус, она, как утверждают, первая в мире по относительной высоте,

от подножья до вершины. Даже с того места, куда мы вышли, с высоты более 3600 метров она казалась больше всех гор, которые мне приходилось видеть.

Однако не размеры делают Нанга Парбат такой грозной, а случившиеся на горе катастрофы. Неподалеку от нашего базового лагеря стоял высокий камень, на нем были высечены имена немцев и шерпов, погибших в 1934 и 1937 годах. Я поглядел наверх; казалось, я вижу не только лёд и снег, но также призраки всех этих отважных людей. Даже в самую ясную погоду, когда с голубого неба сияло яркое солнце, сверху, с горы, опускалась туча, пронизывая нас холодом до самых костей. Глаз не видел её, только воображение. Это была туча страха, туча смерти.

Стоял конец ноября — зима. Нас было всего семеро — три европейца и четверо шерпов; с местными носильщиками мы уже давно расстались. Я знал, что идти дальше — безумие, и все же мы двинулись вверх по склону. На каждого приходилась теперь огромная ноша, по тридцать пять — сорок килограммов, причём англичане несли столько же, сколько мы, и на шерпский лад — надев ремень на лоб. Ни один из них не имел опыта высокогорных восхождений, зато они были молоды, сильны и полны бодрости. Несмотря на все трудности и трагический конец экспедиции, её отличала одна замечательная черта: между восходителями и носильщиками не было никакого различия. Мы делали одну работу и несли одинаковую ношу, готовые в любой момент помочь друг другу. Мы чувствовали себя не как наёмники и наниматели, а как братья.

Англичане все ещё не хотели говорить прямо, что решили пойти на штурм. Они занимались научными наблюдениями, измеряли температуру воздуха, изучали состояние снега и льда. Но одновременно они постепенно, понемножечку поднимались все выше и

выше, и после многодневной тяжёлой работы в глубоких сугробах мы оказались достаточно высоко, чтобы разбить лагерь I. Тем временем заметно похолодало. Один за другим налетали бураны, выл сильный ветер. Я не сомневался, что дальше идти они не решатся, но нет, им хотелось забраться ещё немного выше. Особенную настойчивость проявлял Торнлей, очень решительный человек, который, казалось, только черпал новые силы в трудной работе. Оглядываясь на свою жизнь в горах, я могу сказать, что он был, пожалуй, самым сильным восходителем, какого я когда-либо знал. При подходящих условиях он взял бы и Нанга Парбат и Эверест.

Однако условия, которые царили в тот момент, никак нельзя было назвать подходящими; а для того чтобы победить большую гору, мало одной физической силы. «Мы можем идти дальше», — сказал Торнлей; Марч и Крейс поддержали его. Но мы, шерпы, не были так уверены. Лично я готов был пойти на штурм, потому что не люблю отступать; к тому же, как сирдар, я считал своим долгом не отставать от восходителей. Но Анг Темпа, Аджиба и Пху Таркай сказали, что не сделают ни шагу дальше. Они говорили о морозе, о буранах, о том, сколько человек уже погибло на этой горе, что нам грозит та же участь, и беспокоились, что будет с нашими жёнами и детьми, если мы не вернёмся. «Хорошо, — ответил я, — вы спускайтесь вниз, а я пойду с англичанами дальше». Но шерпы не соглашались, умоляли меня, плакали. Тяжело, ужасно тяжело принимать такое решение — ведь речь идёт не только о собственном убеждении, но о долге и лояльности. И все же в глубине души я знал, что остальные шерпы правы. Я подошёл опять к англичанам.

— Нет, я не смогу идти с вами, — сказал я им. — Сейчас зима. Слишком опасно.

Однако они были так же полны решимости продолжать восхождение, как шерпы спускаться, и мы расстались в лагере I. Англичане оставили записку, в которой снимали с нас всякую ответственность за дальнейшее и предлагали выплатить нам полное жалованье из предназначенных для этого средств. Мы, со своей стороны, обещали, что прождём их в базовом лагере две недели.

Мы сошли вниз и стали ждать. Шесть дней спустя мы увидели, к нашему облегчению, что кто-то возвращается с горы. Но спустился один только Марч; он рассказал, что отморозил ноги и не смог продолжать восхождение. Мы продолжали ждать и попеременно растирали ноги Марчу, чтобы восстановить в них кровообращение. День за днём мы всматривались в белые склоны, стараясь увидеть Торнлея и Крейса. И мы видели их несколько раз в бинокль: они поднимались по немецкому маршруту — вверх по большому леднику и снежным склонам к восточному гребню Нанга Парбата. Восходители разбили лагерь, затем ещё один на высоте 5500 метров. Однажды вечером мы увидели, как они ставят палатку и принимаются готовить пищу, потом стемнело, и уже ничего нельзя было разглядеть. Помню, в ту ночь мне приснилось, что Торнлей и Крейс идут ко мне в новой одежде, окружённые множеством людей без лиц. Я уже говорил, что обычно не суеверен, однако у шерпов такой сон считается очень плохой приметой, да к тому же на Нанга Парбате не нужно быть и суеверным, чтобы ожидать самого худшего. Всю остальную часть ночи я проворочался с боку на бок, мучаясь тяжёлыми предчувствиями. А утром, выйдя из палатки и поглядев в бинокль, обнаружил, что палатка исчезла.

Конечно, они могли просто передвинуть её. Но это было маловероятным в таком месте, да ещё среди ночи. Я позвал Марча и остальных, мы смотрели и искали, но

не видели ни палатки, ни восходителей. Целый день мы тщетно всматривались в горный склон и под вечер уже не сомневались, что случилась беда. Спустилась ночь, мы устроили совещание. Мы знали, что вряд ли можем чем-нибудь помочь, но сидеть так, без дела, было невозможно. В конце концов решили, что Марч, Аджиба и я попробуем подняться, а Анг Темпа и Пху Таркай подождут в базовом лагере. Как и в предыдущем случае, мы договорились с остающимися, что, если не вернёмся в течение двух недель, они собираются и уходят.

Едва рассвело, мы вышли в путь. Обмороженные ноги Марча причиняли ему страшную боль, но он был мужественный человек и настоял на том, что пойдёт и будет работать наравне с другими. Весь день мы карабкались вверх. Это был адский труд, потому что выпал свежий снег, все следы замело и приходилось пробираться сквозь глубокие, по грудь, сугробы. К тому же мы несли большой груз и то и дело вынуждены были снимать его и присаживаться отдохнуть. «Так не пойдёт, — думал я. — Мы не можем идти дальше». И все-таки мы шли. В конце концов поздно вечером мы оказались недалеко от старого лагеря I и разбили новый.

Мне никогда не приходилось раньше ставить палатку на леднике зимой и не хотелось бы проделать это снова. Хотя мы поднялись всего лишь к подножью Нанга Парбата, я мёрз сильнее, чем когда-либо прежде в горах; Марч говорил потом, что было около сорока градусов ниже нуля. Брезент и верёвки затвердели, как железо, рукавицы тоже, и работа шла с большим трудом; а без рукавиц руки через несколько секунд превратились бы в ледяшки. В конце концов удалось поставить палатку, и мы заползли внутрь. Я достал чайник и примус и стал растапливать снег для чая, но едва снег растаял, как вода превратилась в лёд и

чайник лопнул! Поставили другой чайник. На этот раз я непрерывно помешивал снеговую воду, и в конце концов удалось вскипятить чай. После этого мы забрались в свои спальные мешки и тесно прижались друг к другу, чтобы согреться. Наступила ночь, с нарастающей силой завыв ветер. Палатка вся сотрясалась, сквозь щели проникал снег. Но хуже всего было слушать треск и ворчанье ледника под нами. Зимой огромный массив льда смерзается ещё сильнее, и от стяжения появляются внезапные трещины. Мы боялись, что ледник вот-вот разверзнется прямо под нами, тогда конец.

Да, плохо нам приходилось. Однако мысль о том, что испытывают там, наверху, Торнлей и Крейс, была ещё невыносимее. Если они ещё живы, разумеется... Марч лежал, закрыв лицо руками и поджав ноги, чтобы немного согреть их.

— Вы знаете, какой сегодня день, Тенцинг? — спросил он вдруг.

— Нет, какой?

— Рождество, — ответил Марч.

Утром было ещё холоднее, если только это возможно. Чтобы согреть чай, открыть пару консервных банок и зашнуровать обувь, понадобилось несколько часов. Дыхание замерзало в воздухе, на щеках и носу повисали сосульки. Наконец мы выбрались из палатки и продолжили восхождение. Сугробы становились все глубже. Мы уже не столько лезли, сколько плыли по снегу. Я спрашивал себя, как же прошли здесь те двое, пока не вспомнил, что с тех пор выпало ещё много снега. После часа напряжённых усилий мы продвинулись всего на полсотни метров. За следующий час — ещё того меньше. Ноги Марча были в ужасном состоянии. Хотя он не хотел признать этого, я видел, что он совершенно выбился из сил. Мы с Аджибой тоже начали выдыхаться, и на исходе третьего часа стало

ясно, что все наши усилия ни к чему. Мы остановились. Посмотрели на белую холодную громаду Нанга Парбата, возвышавшуюся на тысячи метров над нашими головами. Мне вдруг пришла в голову безумная мысль покричать, но звук проник бы в этих снегах самое большее на пятьдесят метров, к тому же у меня просто не было сил. Мы медленно повернули кругом и пошли обратно.

Нам удалось дойти до базового лагеря вечером того же дня. Анг Темпа и Пху Таркай встретили нас, согрели, накормили. Скоро я чувствовал себя совсем хорошо. В четыре часа следующего утра мы с Анг Темпой отправились известить власти. Мы двигались почти бегом и достигли Гилтига уже к полуночи. Военные власти любезно согласились помочь с поисками. Отряд в составе лейтенанта и одиннадцати солдат направился в горы с максимальной быстротой, продвигаясь местами на автомашинах. Однако все было напрасно. В наше отсутствие выпал ещё снег, и на этот раз, хотя нас стало гораздо больше, мы не смогли подняться даже до лагеря I. Несколько дней спустя мы окончательно покинули Нанга Парбат, оставив наших друзей покоиться в ледяной могиле вместе с другими жертвами горы.

В Гилтиге нам предоставили военный самолёт, и мы облетели вокруг горы, надеясь увидеть какие-нибудь сигналы. Ничего... Общее мнение сводилось к тому, что Торнлей и Крейс, подобно немцам в 1937 году, были погребены лавиной, и это вполне вероятно. Однако я подозреваю, что с ними случилось то, чего мы так боялись в ужасную рождественскую ночь в лагере I: ледник внезапно разверзся и поглотил их вместе с палаткой.

Марч едва мог ходить. Но это было ничто в сравнении с его душевными переживаниями. Сколько ожиданий было связано с этой экспедицией, мы

собирались побывать в интересных местах, проделать такую увлекательную работу; но за что ни брались, все не ладилось, ничего не выходило, а в конечном счёте погибли его лучшие друзья. В печальном настроении покидали мы Гилтиг, а в Амритсаре, в Пенджабе настало время расстаться и с Марчем.

— Что вы станете делать теперь, Тенцинг? — спросил он.

Я силился улыбнуться, подбодрить его немного и посмотрел на Анг Темпа. Темпа низенький и коренастый, ходит очень забавно, вразвалку, и в начале экспедиции мы несколько раз шутливо сравнивали его с гималайским медведем.

— Что ж, остаётся только продеть Анг Темпа кольцо в нос, — ответил я. — Стану водить его напоказ по базарам и заработаю так немного денег.

Марч улыбнулся в ответ, и все-таки прощанье получилось грустным.

13

СВЯТАЯ ГОРА

Существует у шерпов поверье, что критический возраст для женщин наступает около тридцати лет, для мужчин — около сорока. Именно в эти годы жизни с человеком случается самое хорошее или самое плохое. И вот подошёл как раз мой критический возраст — мне исполнилось тридцать шесть лет, когда я ходил на Нанга Парбат, — и начало было нехорошее. На «Голой горе» я впервые участвовал в экспедиции, потребовавшей человеческих жертв, а в следующем году — ещё в двух, столь же трагических. Три восхождения подряд с роковым исходом... И хотя я сам остался невредим, все приметы сулили беду. Лишь в 1952 году моя фортуна совершила неожиданный крутой поворот. Но об этом позже.

Я слышал, как англичане говорят «сегодня густо, а завтра пусто», это же можно сказать о восхождениях в Гималаях. В течение ряда лет во время войны и после неё экспедиции почти прекратились, и стало очень трудно с работой. Зато в начале пятидесятых годов в каждом сезоне экспедиций было несколько, и с какой ни пойдешь, все казалось, что ты упустил другую, не менее, а может, и более интересную. В 1950 году, когда я ходил на Бандар Пунч, французы штурмовали Аннапурну, взяв рекордную для того времени высоту. Разумеется, в этой экспедиции участвовало много наших шерпов; мой старый друг Ангтаркай занимал должность сирдара. Им пришлось немало потрудиться,

чтобы спустить восходителей с горы живыми; слушая их рассказы, я жалел, что не участвовал в великом событии. Далее, в том же году, когда я был на пути к Нанга Парбату, Тильман и американский альпинист Чарлз Хаустон впервые провели небольшой отряд через Непал к южной стороне Эвереста. Правда, они не были снаряжены для настоящего восхождения, но зато отряд прошёл через Соло Кхумбу к подножью горы и собрал очень много новых данных для штурма с южной стороны. А я жалел, что и эта экспедиция состоялась без моего участия.

В 1951 году на Эверест выступила новая большая экспедиция во главе с Эриком Шиптоном. Они не очень надеялись взять вершину, но намечали подняться возможно выше и разработать хороший южный маршрут. Я столько раз ходил на Эверест и так свыкся с ощущением, что это моя гора, что страшно переживал невозможность идти с ними. Однако нельзя быть одновременно в двух местах, а я уже договорился через Гималайский клуб с другой группой. Речь шла о французской экспедиции на Нанда Деви, где я побывал ещё в 1936 году, правда не совершив настоящего восхождения.

Вместе с другими шерпами — меня опять назначили сирдаром — я встретился весной в Дели с восходителями, и вскоре мы двинулись в Гархвал. Мне приходилось иметь дело с говорящими по-французски швейцарцами в 1947 году, но никогда ещё с настоящими французами. Я убедился, что они полны решимости и энтузиазма. Взятие Аннапурны в прошлом году вызвало большое воодушевление во Франции; все тамошние альпинисты только и думали о Гималаях, и первоначально было задумано штурмовать ещё более высокую гору. Однако им не удалось получить разрешения, тогда они разработали смелый и оригинальный план штурма Нанда Деви. Как уже

говорилося, глазная вершина была взята Тильманом и Оделлом в 1936 году, а в 1939 году польская экспедиция взошла на несколько уступающую ей по высоте соседнюю вершину, известную под названием Восточная Нанда Деви. Вместе с тем никому ещё не удавалось взять обе вершины на протяжении одной экспедиции. И вот французы решили осуществить это, причём не путём последовательного восхождения, а перейдя с одной вершины на другую по соединяющему их высокому гребню. Ничего подобного ещё не знала история Гималаев; экспедиция сулила много трудностей и опасностей.

Нас было восемнадцать человек: восемь французов во главе с Роже Дюпла, в большинстве лионцы, девять шерпов и представляющий индийскую армию «Нанду» Джайял (теперь уже капитан), с которым я ходил на Бандар Пунч в 1946 году. Сверх того, как обычно, местные носильщики. К сожалению, у нас были неприятности с ними из-за жалованья, однако, несмотря на споры и даже уход отдельных носильщиков, мы продолжали путь, прошли глубокую долину Риши Ганга и оказались в конце концов у восхитительного цветника «Святыни» у подножья Нанда Деви.

«Благословенная богиня». «Святая гора»...

В предыдущий мой поход сюда нашей целью было не восхождение, и на меня произвела большое впечатление красота горы. Теперь же другое дело: мы пришли взять даже не одну, а обе вершины, и я видел не только их красоту, но и огромные размеры и грозный вид. Особенно внушительной казалась часть горы, служащая ключом ко всему плану, — соединяющий обе вершины большой гребень, по которому думали пройти французы. Высота главной вершины Нанда Деви 7816 метров, восточной — около 7400 метров; зубчатый гребень нигде не опускается ниже 6900 метров. А длина его превышает 3200 метров! Бесспорно, нам

предстояла тяжёлая задача, и я не очень-то верил в успех.

Но французы были настроены оптимистически, а Дюпла, чрезвычайно горячий и нетерпеливый человек, считал, что все восхождение можно совершить чуть ли не за пару дней. Конечно, на деле мы двигались не так скоро, но все-таки быстрее, чем почти все экспедиции на моей памяти, и благодаря хорошей погоде вскоре разбили целую цепочку верхних лагерей над базовым. База располагалась на склоне главной вершины, поскольку решено было начать штурм с неё, затем совершить траверс по гребню и спуститься вниз по восточному пику. Штурм и траверс должны были провести лишь двое — сам Дюпла и молодой альпинист Жильбер Винь. Оба были искусными восходителями, особенно Винь; хотя ему исполнился всего двадцать один год, он совершил уже ряд выдающихся восхождений в Альпах, и лучшего скалолаза мне не приходилось видеть. Но на Нанда Деви голых скал мало. Там много снега — и большие расстояния. План французов невольно казался мне безрассудным.

Из лагеря III, где собралась большая часть экспедиции, Дюпла и Винь поднялись с несколькими шерпами выше и разбили лагерь IV на высоте примерно 7200 метров. Затем носильщики спустились, альпинисты же переночевали и утром 29 июня выступили на штурм. Они несли, помимо обычного снаряжения, лёгкую палатку и довольно много продовольствия, так как рассчитали, что придётся провести ночь на гребне.

Тем временем были приняты меры к тому, чтобы встретить их на склоне Восточной Нанда Деви. Для этого выделили альпиниста Луи Дюбо, врача экспедиции Пайяна и меня. За несколько дней до завершающего броска мы прошли на противоположную сторону горы и поднялись по восточному пику к

высокому перевалу, именуемому седлом Лонгстаффа^[11]. Там мы поставили свои палатки и принялись ждать, а утром 29 июня увидели в бинокли две маленькие точки, которые поднимались по склону главной вершины в нескольких километрах от нас. Они отчётливо выделялись на снегу, и мы проследили за ними до самой вершины, после чего они пропали из поля нашего зрения и больше не показывались. Мы не ждали восходителей в тот же день — ведь они должны были переночевать на гребне. Но наутро мы пошли от седла вверх, чтобы встретить Дюпла и Виня на спуске. Прошло утро — их не было. Полдень — никого. Мы исследовали в бинокли все склоны над нами, но ничего не обнаружили. Мы кричали — никакого ответа. И когда стемнело, пришлось нам вернуться в лагерь.

У нас было условлено, что если Дюпла и Виня почему-либо повёрнут обратно и спустятся тем же путем, что поднимались, нам дадут знать, и мы тоже спустимся. Однако в тот день не было никаких сигналов, не было и на следующий. Теперь мы уже чувствовали, что случилась беда. Перед Дюбо, Пайяном и мной возникла необходимость принять какое-то решение. Продолжать ожидание на седле значило только терзать себя и было к тому же бесполезно. Надо двигаться — либо вверх, либо вниз.

Мы с Дюбо пошли вверх.

Оставив в лагере доктора Пайяна, который не был квалифицированным альпинистом, мы стали подниматься вверх по склону восточного пика. На седле у нас имелись достаточные запасы, и мы взяли с собой большие ноши, включая палатку, так как решили подняться возможно выше. Весь день мы лезли вверх, затем разбили лагерь. Всего мы разбили три лагеря над седлом; восхождение требовало огромного напряжения сил, и без лагерей мы вообще никуда бы не ушли.

Особенно много времени отнял покрытый льдом и рыхлым снегом гребень, противоположный тому, по которому должны были пройти Дюпла и Винь. Он становился все круче и уже... Мы поднимались здесь не первыми — как раз этим путём следовали польские альпинисты двенадцать лет тому назад. Нам то и дело попадались оставшиеся после них верёвки и крючья. Однако на старое снаряжение полагаться нельзя было. Мы прокладывали путь заново, по самому гребню, от которого в обе стороны падали вниз трехкилометровые обрывы, по ненадёжной опоре, грозившей каждую минуту провалиться у нас под ногами. Часто в последнее время люди спрашивают меня: «Какое из твоих восхождений было самое трудное, самое опасное?» Они ждут, что я скажу — Эверест, но нет, всего труднее мне пришлось на Восточной Нанда Деви.

Мы с Дюбо уже понимали, что нет никакой надежды найти пропавших, во всяком случае найти живыми. И все же мы шли дальше. Гребень становился все круче, опасность сорваться все возрастала, но зато погода держалась хорошая. Шестого июля, ровно неделю спустя после того, как в последний раз видели Дюпла и Виня, мы вышли из лагеря III, чтобы попытаться взять вершину. Мы знали, что попытка будет единственной, так как наши запасы на исходе. Гребень был все такой же крутой, если только не ещё круче, ещё опаснее. Мы скользили, мы боролись, мы шли словно по лезвию, теряли равновесие и снова обретали его. Мы делали все — только не падали с обрыва, и я до сих пор не могу понять, как мы не сорвались. Наконец голубое небо показалось не только по сторонам, но и впереди нас — гребень кончился. Вторично была взята восточная вершина Нанда Деви; для меня вторая по высоте после Эвереста.

Победа далась нам с большим трудом. Вид в этот солнечный день на высокие горы и Тибетское плато за

ними был одним из красивейших, какие мне приходилось наблюдать. Но ни наша победа, ни чудесный вид не занимали нас в тот момент. Прямо перед нами тянулся гребень, соединявший обе вершины: узкое зубчатое лезвие из льда и снега. Долго мы изучали гребень в свои бинокли, стараясь не пропустить ни одного метра, но не обнаружили ничего. Ничего, кроме льда и снега, страшной крутизны обрывов по обеим сторонам, а ещё дальше — океанов голубого воздуха. Трудно было представить себе, чтобы кто-нибудь мог зацепиться на гребне хотя бы на несколько минут, не говоря уже о том, чтобы лезть по нему час за часом.

Делать было нечего. Мы повернули и начали спуск. Теперь поскользнуться было ещё легче, чем при восхождении, и нам приходилось передвигаться чрезвычайно медленно и осторожно. В конце концов мы достигли седла, где ждал доктор Пайян, а на следующий день продолжили спуск и пришли в базовый лагерь. Остальные участники тоже не видели никаких признаков Дюпла и Виня после того, как те исчезли из виду около главной вершины. Правда, поначалу они волновались не так, как мы, потому что думали или во всяком случае надеялись, что штурмовая двойка вышла к нам на ту сторону горы. Однако наша задержка заставила их понять, что приключилась беда. Наиболее сильные альпинисты попробовали двинуться по следам Дюпла и Виня, но скоро сдались. После этого оставалось только ждать. Небольшим утешением было то, что мы с Дюбо взяли восточную вершину; таким образом, экспедиция не была совершенно неудавшейся, но что значило это по сравнению с потерей двоих товарищей...

Что же произошло с Дюпла и Винем? Как и в случае с Торнлеем и Крейсом на Нанга Парбате — со всеми, кто исчезает в горах, — можно было только гадать. Мне кажется, что они дошли до главной вершины. Им

оставалось совсем немного, когда мы их видели, и особенных препятствий как будто не предвиделось. Зато, начав траверс трехкилометрового гребня, восходители должны были убедиться, что тут совсем другое дело. Очевидно, они поскользнулись, сорвались в самую крутизну и упали на ледник далеко внизу.

Так или иначе, их больше не было. Отважные люди и прекрасные альпинисты, они, подобно Торнлею и Крейсу, подобно многим другим до них, отнеслись слишком легкомысленно к большой горе и поплатились за это своими жизнями.

Две экспедиции — четыре смерти. Казалось бы, достаточно. Но невезение продолжалось. В том же году в горы пришла ещё одна экспедиция, а с ней ещё одна смерть.

Это случилось уже осенью, после муссона, в районе Канченджунги, севернее Дарджилинга. Как и в предыдущих случаях, когда я ходил сюда, речь шла не о взятии какой-нибудь одной вершины, а об изучении обширной горной области. Отряд был малочисленным. Он включал всего лишь одного европейца — Жоржа Фрея, помощника торгового атташе Швейцарии в Индии, Пакистане и Бирме — и нескольких шерпов. Я был сирдаром. Превосходный альпинист, Фрей не ставил себе, однако, никаких честолюбивых целей; от такой экспедиции менее всего можно было ожидать несчастных случаев.

Поначалу все шло хорошо. Погода стояла прекрасная. Войдя в горы, мы совершили много маршрутов вокруг вершин и между ними, исследовали большой ледник Ялунг близ Канченджунги, преодолели трудный перевал Ратонг между Непалом и Сиккимом, который был пройден до нас только однажды. Были поблизости от того места, где много лет назад исчез при попытке взять Канченджунгу швейцарско-шерпский

отряд и погиб молодой американец Фэрмер, искали каких-нибудь следов, но ничего не нашли. Затем успешно штурмовали ряд небольших вершин в этом районе и оставили на них в жестяных банках бумажки с нашими именами. Напоследок мы решили попытаться счастья на несколько более высокой вершине Канг.

Правда, по гималайским масштабам эта вершина далеко не выдающаяся. Рядом с Канченджунгой она кажется просто карликом со своими 5800 метрами. Вообще же она производила довольно внушительное впечатление, никем ещё не была взята и казалась самым подходящим завоеванием для такого малочисленного отряда, как наш. Итак, мы вышли к подножью Канга, наметили маршрут и разбили лагерь. До сих пор все шло благополучно, и не было никаких оснований тревожиться. Но на следующую ночь мне приснился нехороший сон. Я знаю, что уже рассказывал о своих снах, и, возможно, некоторым читателям они надоели, но я должен говорить правду. Мне и в самом деле приснился нехороший сон, а на следующий день приключилась беда, точно так же как год назад на Нанга Парбате. На этот раз я не увидел во сне никого знакомого. Я видел самого себя и чужую женщину, которая раздавала пищу, но хотя я был очень голоден, она не дала мне ничего. Вот и все. Однако по шерпскому поверью такой сон — плохая примета, и я встревожился, а когда утром рассказал о нем другим шерпам, они тоже стали беспокоиться. Но Фрей только посмеялся, произнёс что-то шутовское и сказал: «Ну, пошли, пора в путь».

Возможно, я должен был отказаться. Трудно сказать что-нибудь о таком деле. Некоторые из шерпов не захотели пойти, и в конце концов мы вышли на восхождение втроем: Фрей, шерпа Анг Дава и я. Поначалу лезть было очень легко. Мы поднимались по отлогому снежному склону, где ступеньки просто

вытаптывались ботинками, причём мы даже не связывались верёвкой. Но потом склон стал круче и снег твёрже. Я остановился и надел на ботинки кошки, чтобы идти увереннее. «Вы разве не наденете кошки?» — крикнул я Фрею, шедшему впереди. «Нет, они мне ни к чему», — ответил он. Мы продолжали восхождение. Снова можно спросить, не следовало ли мне поступить иначе, например попытаться уговорить его, настаивать. Но, как я уже говорил, Фрей был прекрасный альпинист, с большим опытом восхождений в Альпах; он, наверно, бывал в гораздо более трудных местах и к тому же шёл явно без особого напряжения. Мы поднимались спокойно и легко — первым Фрей, затем я и последним Анг Дава, по-прежнему не связанные верёвкой, на расстоянии примерно пяти метров один от другого. Я осмотрелся — высота около 5200 метров; значит, нам осталось шестьсот метров до вершины.

И тут Фрей сорвался. Как или почему, я не мог понять. Он шёл совершенно уверенно вверх впереди меня, а в следующий момент уже покатился вниз. Сначала казалось, что Фрей падает прямо на меня и потянет меня с собой, на деле же он прокатился чуть в стороне. Я упёрся как следует и рванулся туда, стараясь задержать его. Тщетно, он был слишком тяжёл и падал слишком быстро. Тело Фрея ударилось о мою руку, я ощутил сильную боль, и вот он уже прокатился кубарем мимо меня, мимо Анг Дава вниз по склону, пока не остановился метрах в трехстах ниже.

Впервые за все время восхождений я видел падающего человека. Но другие, которым приходилось видеть подобное, рассказывали мне о таких случаях. На несколько минут ты словно цепенеешь, не чувствуешь ничего и не думаешь ни о чем, кроме того, что в следующее мгновение упадёшь сам. Именно так было с Анг Дава и мною. Сначала мы замерли, словно вросли в скалу. Несчастье произошло так быстро, что

невозможно было поверить в него, и мне казалось, что если я взгляну «верх, то увижу Фрея на его месте впереди. Но его там не было — он лежал маленьким пятнышком на белом снегу далеко внизу под нами. Наконец я спустился к Анг Дава. Он был страшно потрясён и сказал сначала, что не может идти вниз, потом все же пришёл в себя. Мы начали спуск крайне медленно и осторожно, так как знали, что в теперешнем состоянии легко можем сорваться сами. Примерно на полпути я заметил что-то чёрное на снегу, прошёл туда и поднял фотоаппарат Фрея. Затем мы продолжали спуск и подошли к нему самому. Он был мёртв, конечно; ни один человек не смог бы пережить такое падение.

Оставшуюся часть пути мы несли Фрея на себе; поблизости от лагеря нас встретили остальные шерпы и помогли. На следующий день мы похоронили его — не на самом леднике, где его унесло бы движением льда, а на морене рядом, сложив на могиле каменную пирамиду. Печальные возвращались мы в Дарджилинг. Только теперь я заметил, что палец, который я так больно ушиб, пытаясь схватить Фрея, был сломан — первое моё серьёзное повреждение за все годы в горах.

Итак, думал я, мой возраст приближается к сорока. «Критический» возраст. И хотя сам я отделался благополучно, мне пришлось участвовать в трех экспедициях с человеческими жертвами... Нанга Парбат, Нанда Деви, пик Канг... «Что будет дальше?» — спрашивал я, и мне становилось не по себе. Ведь мне ещё оставалось два года до сорока.

14

НА ЭВЕРЕСТ СО ШВЕЙЦАРЦАМИ (ВЕСНОЙ)

Нанга Парбат, Нанда Деви, пик Канг, Кашмир, Гархвал, Непал и даже Тибет. Я исколесил всю карту. Я восходил на много гор, видел много ландшафтов, пережил много приключений. Оставалось самое главное — Чомолунгма, Великая. Прошло пять лет с тех пор, как я вообще видел её — во время странного молниеносного похода с Денманом, — и четырнадцать лет, как я поднялся по ней на большую высоту и получил звание Тигра. Порой я начинал сомневаться, удастся ли мне когда-нибудь ещё побывать на ней. Или боги по какой-то им одним известной причине навсегда увели меня от этой горы, которая так дорога моему сердцу?

Но боги были милостивы. Я снова попал на Эверест — снова и снова. Последние годы моего «критического периода» стали великими годами моей жизни.

Эверест, к которому я вернулся после многолетнего перерыва, был не тем Эверестом, который я знал раньше. Теперь атаки велись не с севера, а с юга, а восходить на гору с новой стороны — это почти то же, что восходить на совсем другую гору. Причины изменения маршрута были политические. Все же хотя гора стала в известном смысле новой, она оставалась давней знакомой для меня, даже в большей степени, чем та, к которой я четырежды подходил со стороны Тибета и Ронгбука. Дело в том, что южный маршрут

пролегает через Соло Кхумбу, страну моего детства, и хотя я никогда не пробовал совершать восхождение с этой стороны, я её знал лучше всего по своим мечтам и воспоминаниям.

После восемнадцати долгих лет мне предстояло опять увидеть мать. Снова я буду стоять возле неё на горных пастбищах, возле Тами и смотреть на «Гору, через которую не может перелететь ни одна птица». Мне предстояло возвращение домой в двух смыслах этого слова.

Как уже говорилось, в 1950 году Тильман и американец Чарлз Хаустон прошли от Катманду через Соло Кхумбу к южному подножью Эвереста. В следующем году Эрик Шиптон возглавил большую экспедицию для проверки возможностей штурма с этой стороны. Ни один из этих отрядов не поднимался особенно высоко. Тильман и Хаустон не имели необходимого снаряжения даже для частичного восхождения, а Шиптону и его людям преградила путь большая трещина на ледопаде, который спускается к леднику Кхумбу. К тому же первая группа подтвердила мнение Меллори, разглядывавшего этот путь сверху, с Лхо Ла, много лет тому назад: что он тяжелее северного, а то и вовсе непроходим.

Тем не менее, поскольку Тибет был закрыт, южный путь оказался единственным. Оставалось либо штурмовать Эверест с юга, либо вовсе отказаться от попыток.

Но к 1952 году изменился не только маршрут, изменилось кое-что ещё. До сих пор на протяжении всей истории восхождений Эверест оставался исключительно «английской горой». Единственными представителями других западных наций, побывавшими хотя бы вблизи горы, были Хаустон и датчанин Ларсен, который в 1951 году прошёл от Кхумбу до Ронгбука, однако никто, кроме англичан, не ступал на самую гору.

Теперь же предстояла перемена — и большая перемена. Ибо если Тибет в прошлом впускал только англичан, то Непал был готов открыть доступ для альпинистов всех стран. И первыми прибыли швейцарцы.

Для меня был великий день, когда эта новость дошла до Дарджилинга. Из Швейцарии пришло два письма: одно прямо на моё имя, другое — миссис Гендерсон, секретарю Гималайского клуба; и в обоих меня просили быть сирдаром. Мне предстояло не только попасть, наконец, снова на Эверест, но совершить восхождение вместе с людьми, которых я предпочитал в горах всем остальным. Конечно, я не знал всех членов экспедиции, однако встречал её руководителя Висс-Дюнана за несколько лет до этого в Дарджилинге. Двое других, Рене Диттерт и Андре Рох, были моими старыми знакомыми по Гархвалу, и я не сомневался, что остальные придутся мне по душе не меньше. Согласен ли я? — спрашивалось в письмах. С таким же успехом можно было спросить, хочу ли я есть и дышать. Несколько дней я вёл себя так, что Анг Ламу и девочки сочли меня одержимым.

Финансовой стороной дела занимался Гималайский клуб, мне же поручили подобрать шерпов. Швейцарцы хотели иметь тринадцать человек из Дарджилинга, ещё десять рассчитывали нанять в Соло Кхумбу. Однако я быстро убедился, что далеко не все горели таким желанием, как я, пойти на Эверест. Прежде всего они помнили неприятности с прошлогодней экспедицией Шиптона. Многие непальские носильщики утверждали тогда, что им выплатили жалованье не полностью. К тому же произошёл скандал из-за фотоаппарата, который не то пропал, не то был украден. Наконец по окончании экспедиции носильщики не получили бакшиша.

Я возражал: «Допустим. Но какое это имеет отношение к швейцарцам?» И тут оказалось, что многие

были склонны обвинить во всем саму гору. Они вообще не хотели идти туда. Эверест, мол, слишком велик, слишком опасен; взять его с юга невозможно. Даже великий «тигр» Ангтаркай, сирдар 1951 года, не хотел идти на этот раз. Он побился об заклад со мной на двадцать рупий, что швейцарцы, как и люди Шиптона, никогда не одолеют большую трещину в ледопаде Кхумбу.

В конце концов мне удалось собрать тринадцать надёжных носильщиков, и ранней весной — «экспедиционный сезон» для всех шерпов-восходителей — мы выступили в путь, чтобы встретиться со швейцарцами в Катманду. Помимо тех, кого я уже знал, приехали ещё шесть альпинистов и двое учёных. Члены экспедиции производили на меня впечатление не только сильных восходителей, но и прекрасных людей. После 1947 года Диттерт и Рох участвовали в нескольких других экспедициях и были теперь уже опытными ветеранами, а остальные относились к числу лучших альпинистов Женевского кантона. Наиболее известным среди них был, пожалуй, Раймон Ламбер. Хотя я встретил его впервые, он очень скоро стал моим товарищем по высотам и самым близким и дорогим другом.

— Вот я привёз с собой медведя, — сказал Диттёрт, представляя его.

Ламбер пожал нам руки; большой и улыбающийся, он сразу же пришёлся всем по душе. Мне бросилось в глаза, что у него необычно короткие, словно обрубленные ботинки, а вскоре я узнал причину. Много лет назад он попал в ураган в Альпах, обморозился и потерял все пальцы на обеих ногах. Это не помешало ему, однако, оставаться одним из лучших швейцарских проводников, не помешало также подняться впоследствии чуть не до вершины Эвереста.

В Катманду нам пришлось основательно потрудиться. Здесь на новый аэродром близ города были доставлены тонны продовольствия и снаряжения из Швейцарии. Мы разобрали груз и передали непальским носильщикам, которые должны были доставить его в Соло Кхумбу. Как обычно, не обошлось без перепалки с носильщиками из-за жалованья. Однако на этот раз все разрешилось легче, и я льщу себя мыслью, что тут была и моя заслуга. Дело в том, что я отказался от обычного процента, причитающегося сирдару с жалованья носильщиков. Таким образом, они получили всё сполна без какого-либо дополнительного расхода для экспедиции. Мы смогли выступить из Катманду в назначенный день, 29 марта. В мои обязанности сирдара входило распределять, кто что несёт; при этом я следовал системе, выработанной на основе длительного опыта. Те носильщики, которые после отдыха первыми были готовы в поход, несли наш общий дневной продовольственный паёк и кухонное оборудование, с тем чтобы по окончании перехода вечером быстрее поспел обед. Следующие несли палатки и личное имущество, необходимое для ночёвки. И, наконец, последним поручалась доставка той части продовольствия и оборудования, которая предназначалась для использования в горах. Если они замешкаются в пути, большой беды не случится; зато плохо, когда большая часть каравана подошла к месту разбивки лагеря и потом часами ждёт продукты и палатки.

От Катманду до Намче Базара около двухсот девяносто километров. Мы потратили на этот путь шестнадцать дней. Большую часть дороги мы шли на восток, затем последние несколько дней на север, и все время подъем — спуск, подъем — спуск, через хребты и долины, из которых и состоит почти весь Непал. На старом тибетском маршруте вьючных животных можно

было использовать почти до подножья Эвереста, здесь же такой возможности не было. Вообще-то дорога вполне подходит для них — как-никак это один из основных путей сообщения между Непалом и Тибетом, — но по дну каждой долины протекает река, и ни одна лошадь, ни один мул не способны одолеть раскачивающиеся висячие мосты, по которым только и можно пройти через реку. В этом важнейшая причина того, что непальцам испокон веков приходилось носить грузы на собственных спинах. И по сей день каждый путешественник в этой стране вынужден поступать так же.

Подъем — спуск, подъем — спуск. Каждый день через очередной гребень, с которого видно уже следующий. Но мы не только несли и карабкались. В пути мы разрабатывали планы восхождения, узнавали друг друга; и остальные шерпы, как и я, быстро полюбили швейцарцев. Диттерт — ему предстояло руководить самим восхождением — оказался живым и весёлым человеком; рядом с ним невозможно было оставаться мрачным. Он так носился кругом, что мы прозвали его Кхишигпа — Блоха. Ламбера нам представили в качестве Медведя, и это прозвище шло к нему не меньше, чем к Тильману, так Ламбер и остался Балубу. Он не знал ни одного восточного языка и лишь очень немного говорил по-английски, поэтому мы объяснялись главным образом на пальцах. Тем не менее мы быстро научились понимать друг друга.

После нескольких переходов ландшафт стал меняться. По-прежнему мы шли вверх-вниз, вверх-вниз, но теперь уже больше вверх, чем вниз. Скоро рисовые поля остались позади, и наш караван вступил в леса, перемежающиеся с полями ячменя и картофеля. Изменилось и население. Здесь жили уже не индуисты, а буддисты, не непальцы, а монголы. Примерно на десятый день мы вступили в страну шерпов; прошли

через более низменные области Соло, затем стали подниматься по бурной Дуд Коси в сторону Кхумбу и Намче Базара. Для меня настали волнующие дни — мы приближались не только к Чомолунгме, но и к моему родному дому. На каждом шагу попадалось что-нибудь знакомое, и я не знал, кричать ли от радости, или плакать от волнения. Приход в Намче был великим событием не только для меня, но и для всех шерпов, давно не бывавших на родине; боюсь, что на короткое время экспедиции пришлось обходиться без нас. Весть о нашем приближении, конечно, значительно опередила экспедицию, и казалось, что здесь собрались все шерпы в мире, чтобы приветствовать нас и отпраздновать свидание. Даже моя мать, такая старая, пришла пешком из Тами, и я сказал ей:

— Ама ла, я здесь наконец.

После восемнадцати лет разлуки мы обняли друг друга и всплакнули.

Однако радости было больше, чем слез. Надо было столько услышать, увидеть, рассказать. Мама держала на руках одного из своих внучат. Были с нею и трое из моих сестёр, а кругом — множество всяких родичей, которых я не видел с детства или которые ещё не родились, когда я ушёл из дому. Они принесли с собой подарки, угощение и чанг. Впрочем, так поступили чуть ли не все жители Кхумбу. Конечно, мы не нуждались ни в каком особом поводе для того, чтобы устроить праздник, но тут совпало так, что на следующий день после нашего прибытия приходился непальский Новый год и второй день европейской пасхи. Мы все объединились в песнях и плясках, дружно пили чанг. Позднее я выбрал время осмотреть Намче. Почти все оставалось по-старому. Однако произошли некоторые изменения. Меня особенно порадовало, что появилась школа — разумеется, маленькая, всего с одним учителем. Ему приходилось особенно трудно потому,

что у шерпов нет письменности и преподавание велось на непальском языке. Но я был очень рад хоть такой школе и подумал, что это хорошее предзнаменование для будущего нашего народа.

Мы располагали только одним днём, чтобы отпраздновать свидание и осмотреться. Затем снова началась работа. Непальских носильщиков, которые шли с нами из Катманду, рассчитали, и они двинулись обратно. Как мы и намечали, десять лучших кхумбских шерпов присоединились к дарджилингским, чтобы участвовать в высокогорных переходах. А сверх того чуть ли не половина местного населения пошла за нами, взявшись донести наш груз до базового лагеря. Среди них были не только мужчины, но и жённости, в том числе моя младшая сестра Сона Дома и племянница Пху Ламу, дочь умершего брата. Многих других дарджилингских шерпов тоже сопровождали из Намче Базара родственники; таким образом, мы выступили в горы как бы одной большой семьёй.

Ламы Тьянгбоче приняли нас очень тепло. Правда, я не совсем уверен, что европейцы были довольны приёмом, потому что в угощение входило большое количество тибетского чая с солью и прогорклым яковым маслом, а я редко видел европейца, который был бы в состоянии проглотить много этого напитка. Один Ламбер показал себя героем, — а может быть, просто у него «тибетский желудок»? Если остальные отпивали немного и глотали через силу, стараясь не обидеть хозяев, то Ламбер не только выпил все до дна, но принялся затем за чашки своих товарищей. Весь день они потом ждали, когда он заболит, однако ожидания не оправдались.

— Quel espèce d'homme!^[12] — бормотали друзья Ламбера с восхищением и благодарностью.

Около монастыря мы находились уже на высоте 3700 метров, но настоящие горы начинались дальше. Мы шли по тому же пути, что Тильман и Хаустон и экспедиция Шиптона в 1951 году: на восток от Дуд Коси, вверх по крутым ущельям между красивыми пиками Тавече и Ама Даблам к леднику Кхумбу, спускающемуся с высоких перевалов юго-западнее Эвереста. Все это время мы видели только часть Эвереста. Гора почти целиком закрыта своим южным соседом — Лхотсе и западным — Нуптсе; из-за них выглядывает лишь самая вершина — белое пятно на фоне холодного голубого неба. Нижняя кромка ледника отвечала примерно самому высокому месту, на которое я забирался мальчишкой, когда пас яков. На противоположной стороне горы я, конечно, побывал гораздо выше, зато теперь мне предстояло идти по совершенно новым для меня местам.

Как-то вечером в лагере царило страшное возбуждение: учёные-швейцарцы вернулись из очередного похода и сообщили, что обнаружили загадочные следы. На следующий день кое-кто из нас решил сходить на то место — полоска мягкого снега у ледника, на высоте примерно 4900 метров. И действительно, на снегу виднелись следы, следы йети, точь-в-точь такие, какие попались мне на леднике Зему около Канченджунги в 1946 году.

Следы были ясные и отчётливые, и даже швейцарцы, хотя и расстроились, подобно всем белым, увидев то, чего не могли объяснить, признали, что никогда ещё не видели таких следов. Учёные тщательно измерили их, получилось двадцать девять сантиметров в длину и двенадцать сантиметров в ширину при длине шага в пятьдесят сантиметров. Следы тянулись в один ряд, без начала и конца. Сколько учёные ни искали, им не удалось обнаружить ни самого йети, ни других следов. Я хотел бы быть в

состоянии рассказать больше. Я хотел бы сам знать больше. Но я не знаю.

22 апреля мы разбили базовый лагерь на леднике Кхумбу на высоте 5000 метров. Оттуда большинство местных шерпов вернулись в Намче, но человек тридцать — сверх десяти, участвующих в восхождении, — швейцарцы просили остаться, чтобы помочь перенести дрова и продовольствие до следующего лагеря.

Прямо перед собой мы видели теперь, как ледник упирается в высокую стену изо льда и снега. А в верхней части стены находился перевал Лхо Ла, который отделял нас от Тибета и с которого я в 1938 году смотрел на эту сторону горы. Но сейчас мы глядели не на Лхо Ла. Мы глядели направо, на запад: там, по узкому проходу между Эверестом и Нуптсе, спускалось к леднику нагромождение ледяных обломков — ледопад. Именно на этот ледопад смотрели в своё время, покачивая головами, Тильман и Хаустон; здесь потерпел неудачу Шиптон со своими людьми, и здесь предстояло сделать попытку нам, притом успешную попытку, если мы хотели выйти на Западный цирк и дальше по направлению к вершине.

На леднике погода временами портилась, но ненадолго, и мы продвигались хорошо. Выступив с базы вверх, мы разбили у ледопада лагерь I, после чего швейцарцы стали искать проход дальше. Они разделились для этой цели на два отряда; в один вошли Диттерт, Ламбер, Обер и Шеваллей, в другой — Рох, Флори, Аспер и Гофштеттер. Альпинисты чередовались на тяжёлой работе по прокладке маршрута, вырубке ступеней и установке опорных верёвок. Висс-Дюнан, старший по возрасту среди всех остальных, возглавлял работы в базовом и первом лагерях; штурмовой группой руководил Диттерт. На этой стадии я, как сирдар, наблюдал за заброской грузов по мере разбивки

лагерей; шерпы ходили вверх-вниз, вверх-вниз, бесперебойно, точно соблюдая график.

Ледопад оказался очень серьёзным препятствием. Словно мы прокладывали путь в белых джунглях. К тому же здесь было опасно; повсюду нас подстерегали то ледяные башни, готовые в любой момент обрушиться вниз, то скрытые под снегом глубокие расселины. Те шерпы, которые ходили с Шиптоном годом раньше, совершенно не узнавали дорогу, а может быть, и узнавать было нечего, потому что ледопад находится в постоянном движении. Швейцарцы силились нащупать проход. Везде их останавливали непреодолимые ледяные стены и расселины. Тогда они поворачивали и искали нового пути, вырубали ступени, укрепляли верёвки, а мы, шерпы, шли за ними с ношами. В укрытом месте на полпути вверх по ледопаду мы разбили лагерь II. Оттуда начинался ещё более трудный участок. Но мы продолжали пробиваться вверх. Несчастных случаев не было, и, наконец, мы стали выходить на уровень Западного цирка.

— Уже немного осталось, — твердили швейцарцы обнадеживающе.

А Ламбер, который не только видом напоминал медведя, но и работал за десятерых, оборачивался и восклицал с улыбкой:

— *Ca va bien!* (Все в порядке!)

Но вот, почти у самого верха, мы встретились с тем, чего все время с беспокойством ожидали, — большая расселина, которая остановила отряд Шиптона год назад. Действительно, устрашающее зрелище — широкая, не перепрыгнуть, глубокая, дна не видать, и тянется через весь ледопад, от склона Эвереста до склона Нуптсе. Что оставалось делать? Что можно было сделать? Швейцарцы ходили взад и вперёд по краю, изучая каждый метр. Несколько часов они ломали головы над тем, как перебраться на ту сторону, но так и

не придумали ничего. Было уже поздно, и пришлось возвращаться в лагерь II. На следующий день вышли снова. После долгих поисков им пришла в голову мысль одолеть трещину «маятником». Аспер, самый молодой, вызвался попробовать. Однако он потерпел неудачу. Повиснув на верёвке, которая была закреплена верхним концом на краю трещины, он мог раскачаться и достигнуть противоположной стороны, но не мог зацепиться за гладкий лёд ни руками, ни ледорубом и каждый раз, возвращаясь обратно, сильно ударялся о ближний край. «Маятник» не оправдал себя, но швейцарцы продолжали поиски; если бы они остановились там же, где Шиптон, это означало бы крушение всех надежд и ожиданий. И они нашли, наконец, путь. В одном месте внизу, на глубине примерно двадцати метров, торчал выступ вроде полки или платформы. Похоже было, что по этому выступу можно пройти к противоположной стенке, которая выглядела здесь не такой крутой. Снова выбор пал на Аспера. Товарищи осторожно спустили его вниз, ему удалось пройти по выступу, вскарабкаться вверх и выбраться на ту сторону! Напряжённая работа на такой высоте оказалась настолько утомительной, что он несколько минут лежал без движения, собираясь с силами и восстанавливая дыхание. Но вот Аспер в полном порядке, а значит, и всё в порядке! Коль скоро по ту сторону расселины есть хоть один человек, она уже не представляет собой серьёзного препятствия. Сначала укрепили верёвку, с которой перебрался Аспер, затем перебросили ещё несколько штук, соорудили целый верёвочный мост, и вскоре казавшаяся непреодолимой трещина могла быть без труда преодолена даже носильщиками.

Это была большая победа. Мы испытывали такую радость, словно уже ступили на вершину Эвереста. Ведь мы пробились дальше, чем кто-либо до нас,

первыми из всех людей вышли к Западному цирку, «Ага, Ангтаркай, — подумал я. — С тебя двадцать рупий!» Увы, я до сих пор не получил их.

Швейцарцы поднялись ещё выше и разбили лагерь III, за ними пришли носильщики. Всего из базы к цирку надо было перенести две с половиной тонны груза. Если считать по двадцати килограммов на ношу — больше на этой высоте не унесёшь, — то это означало сто двадцать пять переходов. Теперь пришёл мой черёд стать «блохой». Я без конца ходил вверх-вниз, вверх-вниз, следя за тем, чтобы соблюдались маршрут и график. Правда, большую помощь оказывали другие шерпы-ветераны и среди них Сарки, Аджиба и мой старый друг Дава Тхондуп. Впрочем, даже самые молодые и неопытные парни делали все, что от них требовалось.

Чтобы дать представление о том, насколько все это было сложно, приведу несколько строк из записей Диттерта:

«1 мая. Двенадцать шерпов поднимаются в лагерь II. Из них шестеро ночуют там вместе с Аила и Пасангом, которые пришли в лагерь раньше. Таким образом, сегодня вечером в лагере II восемь шерпов. Остальные шестеро возвращаются в лагерь I, где сегодня отдыхают Сарки и Аджиба.

2 мая. Шесть шерпов поднимаются в лагерь II, Сарки и Аджиба ведут ночевавших там в лагерь III.

3 мая. Ещё четверо шерпов идут в лагерь II. Ещё десять шерпов выходят из лагеря II в лагерь III».

И так день за днём.

Мы находились теперь на высоте 6000 метров, и некоторые из швейцарцев стали уже ощущать разреженность воздуха, особенно Аспер и Рох, которым пришлось немало потрудиться при форсировании трещины. Помню, как-то вечером восходители сидели и обсуждали этот вопрос, и кто-то сказал, что особенно

волноваться тут нечего: мол, все чувствуют себя плохо, пока не акклиматизируются, даже шерпы.

— За исключением вот этого, — возразил ему товарищ, указывая на меня.

— Ещё бы! У него трое лёгких.

— Чем выше, тем он только лучше чувствует себя.

Они рассмеялись, и я рассмеялся тоже. Хотя, как это ни странно, во всяком случае последнее из сказанного ими было правдой. Со мной в горах всегда так — чем дальше, тем быстрее я иду, словно ноги, лёгкие, сердце — все работает лучше. Чем это объясняется, не знаю, но так оно и есть. И я думаю, в этом заключается причина моих успехов, именно это придавало мне не только силу, но и волю идти дальше, благодаря этому моя высокогорная жизнь — не только труд и усилия, но также и любовь. Глядя в этот вечер на морозное сумеречное небо, я ощущал внутри себя волну сил, тепла и счастья. И я подумал: «Да, я чувствую себя хорошо. И все идёт хорошо...» Я глянул на Ламбера.

— *Ca va bien*, — сказал я, улыбаясь.

Может быть, в этот раз мы наконец-то будем идти и идти до самого осуществления мечты...

Мы пришли к Западному цирку, где не бывал до нас ни один человек, ни одно живое существо, кроме, возможно, залётной птицы. Глубокая, заполненная снегом долина, около семи километров длиной и трех шириной; налево Эверест, направо Нуптсе, впереди белая стена Лхотсе. Подойдя совсем вплотную к горе, видишь её не всю. Так было и с Эверестом — его верхняя часть терялась в вышине над нами. Но мы знали, каким путём идти, потому что путь был только один: вверх через весь цирк до подножья Лхотсе, затем по крутому снежному склону с левой стороны Лхотсе до большого седла между двумя вершинами — Южного седла. Потом... Но дальше мы даже не решались думать. Сначала надо было добраться до седла.

Три недели мы жили и работали в Западном цирке. Впрочем, швейцарцы называли его иначе и лучше: «Долина Безмолвия». Конечно, временами здесь завывал ветер. Иногда раздавались мощные раскаты — где-то в горах срывалась лавина. Однако чаще всего царила великая снежная тишина, нарушаемая только нашими голосами и дыханием, скрипом ботинок и вьючных ремней. Мы разбили лагерь IV, нашу передовую базу, примерно посередине цирка, затем лагерь V у подножья Лхотсе. Порой поднималась буря, и нам приходилось отсиживаться в палатках; но в целом мы продвигались по графику, и это было чрезвычайно важно.

Подобно всем весенним экспедициям на Эверест, мы шли вперегонки с муссоном. Нам надо было успеть не только подняться, но спуститься с вершины прежде, чем он разразится.

Лагерь V располагался на высоте примерно 6900 метров, Южное седло ещё на девятьсот с лишним метров выше. Путь, который мы выбрали, чтобы выйти к седлу, начинался от верхней части цирка, следовал по глубокому кулуару во льду и проходил затем вдоль огромного скального ребра, которое швейцарцы называли *Eperon des Genevois*, или Контрфорс женевцев. Как и на ледопаде, требовались тщательная разведка, повторные попытки, неудачи, бесконечное вырубание ступеней и укрепление верёвок; в этой работе участвовали и шерпы и швейцарцы. Я работал в это время главным образом вместе с Ламбером. Не потому, чтобы кто-нибудь приказал, — просто так получилось. И я был очень доволен, потому что мы ладили хорошо и составляли сильную двойку.

К началу последней недели мая все приготовления были завершены. На полпути к седлу устроили склад; а кое-кто из альпинистов прошёл ещё выше, почти до вершины Контрфорса женевцев. Теперь мы были готовы

к штурму Южного седла. В состав отряда, подобранного для этого штурма, — а также в случае удачи для первой попытки взять вершину, — входили Ламбер, Обер, Флори и я; с нами шли Пасанг Пхутар, Пху Тарке, Да Намгьял, Аджиба, Мингма Дордже и Анг Норбу. Мне приходилось выполнять двойную работу. Я оставался по-прежнему сирдаром шерпов и отвечал за заброску грузов, но теперь был ещё и членом штурмовой группы, «действительным членом» экспедиции. Впервые я удостоился такой большой чести. Я поклялся себе, что буду достоин её.

Первый старт состоялся 24 мая, однако погода заставила нас повернуть обратно. На следующий день — новая попытка, на этот раз более удачная. Мы шли по заранее вырубленным ступенькам, и ноша была не слишком велика; сначала мы продвигались довольно быстро. Однако через час случилась первая беда: у Аджиба внезапно поднялась температура, и он вынужден был повернуть обратно. К счастью, мы ушли ещё не очень далеко, и он мог возвращаться один; остальные поделили его груз и продолжали восхождение. К полудню мы вышли к нашему складу, где пополнили ношу поднятыми туда заранее палатками, продовольствием, топливом и кислородными баллонами. Кислород пока только несли, не пользуясь им. наших запасов хватало только на то, чтобы пользоваться кислородом у самой вершины, где без него — кто знает! — могло оказаться вообще невозможно жить.

Мы шли ещё четыре часа, всего восемь с тех пор, как покинули цирк. Мы сравнялись с вершиной Нуптсе, 7827 метров, поднялись довольно высоко по Контрфорсу женевцев, и до седла оставалось немного. Однако солнце спускалось все ниже, и заметно похолодало. А тут ещё Анг Норбу и Мингма Дордже остановились, сложили свои ноши и сказали, что пойдут

вниз, потому что выдохлись и боятся обморозиться. Я стал было спорить, но швейцарцы возразили:

— Не надо, они сделали что могли. Пусть идут.

И они были правы. Когда человек выложил все свои силы, притом в такой обстановке, в какой мы находились, он сам лучший судья своим действиям; вынуждать его поступать иначе, значит рисковать причинить ему вред, а то и совсем погубить человека. Итак, Анг Норбу и Мингма Дордже повернули обратно. Снова оставшиеся поделили дополнительную ношу, однако все унести не смогли, большая часть осталась до другого раза. Вдруг что-то хлестнуло меня по лицу. Это был спальный мешок Обера; каким-то образом он отцепился, ветер подхватил его и унёс, словно большую птицу.

Мы прошли ещё один час, потом ещё, но тут начало темнеть, и, хотя оставалось совсем немного, мы поняли, что сегодня нам до Южного седла не добраться. Остановились, отрыли площадку на крутом ледяном склоне и поставили две палатки. Трое швейцарцев забрались в одну; Пасанг Пхутар, Пху Тарке, Да Намгьял и я — в другую. Ветер крепчал, порой казалось, что нас снесёт. Но мы держались, и мне удалось даже после повторных попыток сварить немного супа. Затем мы решили поспать, однако было слишком холодно. В маленьких палатках мы лежали чуть ли не друг на друге, стараясь согреться; ночь казалась бесконечной. Наконец настало утро, неся с собой хорошую погоду. Мы посмотрели вверх — седло совсем близко. Сегодня мы будем там!

С бивака выступили вечером: Ламбер, Обер, Флори и я. Пху Тарке и Да Намгьял пошли обратно за оставленным грузом, Пасанг остался их ждать. Наша четвёрка шла все вверх и вверх, но на этот раз восхождение затянулось не слишком долго, и около десяти часов настало великое мгновение. Лёд и камень

под нами выровнялись, мы достигли вершины Контрфорса женевцев. А впереди лежало, наконец, Южное седло. Вернее, даже не впереди, а под нами, потому что контрфорс возвышается над седлом со стороны Лхотсе метров на полтора, и нам теперь предстояло спускаться. Сам я не дошёл до седла: швейцарцы двинулись дальше, захватив мою ношу, а я вернулся тем же путём, чтобы встретить остальных трех шерпов и помочь им нести.

Я надеялся встретить их поднимающимися вверх, однако просчитался, пришлось идти до самого бивака. Пху Тарке и Да Намгьял были там, поднялись, как было условлено, со своим грузом, но дальше не пошли, а Пасанг Пхутар, остававшийся на биваке все время, лежал и стонал в палатке.

— Я заболел, — сказал он мне. — Заболел и умираю.

— Ничего подобного, — ответил я. — Ты поправишься. Ты встанешь сейчас и понесёшь груз на Южное седло.

Он сказал, что не может. Я ответил, что он должен. Мы спорили, я выругал его, потом поколотил, чтобы он убедился, что ещё не умер. На этот раз дело обстояло совсем иначе, чем когда те двое решили вернуться. Если не доставить грузы на седло, альпинисты там погибнут. А если я оставлю Пасанга лежать в палатке, он умрёт и в самом деле, а не только в своём воображении. Он был действительно болен, выбился из сил и чувствовал себя скверно. Но идти он ещё мог. И должен был.

— Пошли! Пошли, Жокей! — подгонял я его. (Мы звали его Жокеем потому, что он был маленького роста и нередко участвовал в скачках в Дарджилинге.) В конце концов мне удалось поднять его на ноги и вытащить из палатки. Мы взвалили ноши на спины и пошли. Мы лезли, карабкались, спотыкались и добрались, наконец, все четверо до макушки

Контрфорса женеццев, а оттуда вниз на седло. Теперь мы наконец-то имели все необходимое и могли начинать штурм вершины.

Много диких и пустынных мест видал я на своём веку, но ничего подобного Южному седлу. Оно лежит на высоте 7879 метров между Эверестом и Лхотсе и совершенно лишено мягкого снегового покрова — голая, смёрзшаяся площадка из льда и камня, над которой, не переставая, проносится ветер. Мы были почти на наибольшей высоте, когда-либо достигнутой в горах человеком, а над нами возвышалась ещё громадной горой вершина Эвереста. Самый удобный путь шёл, как нам казалось, вверх по снежному склону, затем по гребню, но как пойдёт восхождение, мы не могли знать, пока не окажемся там. Мы даже не видели главной вершины, она укрылась за несколько более низкой Южной вершиной.

Настала ночь. Над седлом завывал ветер. Мы с Ламбером делили палатку на двоих и всячески старались согреться. Правда, эта ночь не была такой тяжёлой, как предыдущая, но все же нам пришлось нелегко. Утром стало ясно, что остальные шерпы не в состоянии продолжать подъем. Жокей все собирался умирать, причём было видно, что он по-настоящему болен; остальные чувствовали себя немногим лучше. Швейцарцы понимали, что для штурма вершины необходимо разбить ещё один лагерь, VII, на гребне над нами, и предложили Пху Тарке и Да Намгьялу специальное вознаграждение, если они попытаются перенести снаряжение. Однако оба отказались. Они не только выбились из сил, но и пали духом; не только не хотели идти выше, но умоляли и меня не делать этого. Однако я стоял на своём не менее решительно, чем они, и в конце концов было найдено единственно возможное решение. Мы подняли Жокея на ноги и крепко привязали его к Пху Тарке и Да Намгьялу, после чего

они втроем двинулись вниз, а мы четверо стали готовиться к дальнейшему восхождению. Без помощи ушедших мы могли нести лишь небольшую часть необходимого для лагеря VII имущества, и надежды на успех заметно сократились. Однако делать было нечего.

И вот мы вышли в путь двумя связками — Обер с Флори, Ламбер со мной. Мы карабкались час за часом — от седла вверх по крутому снежному склону к подножью юго-восточного гребня, затем по самому гребню. Погода стояла ясная, гора защищала нас от западного ветра, тем не менее мы шли очень медленно — из-за высоты и трудностей, связанных с поиском надёжного пути. У нас была с собой только одна палатка, которую нёс я, и на один день продовольствия; сверх того каждый нёс по небольшому кислородному баллону. Впервые в горах я пользовался кислородом, однако он помогал нам мало. Аппараты действовали, только когда мы отдыхали или останавливались, а на ходу, когда кислород был нам нужнее всего, они отказывали. И все-таки мы продолжали восхождение. Достигли высоты 8200 метров, пошли ещё дальше. «Мой личный рекорд побит, — подумал я. — Мы выше, чем в 1938 году по ту сторону горы в лагере VI». Однако до вершины оставалось ещё свыше шестисот метров.

На высоте 8405 метров мы остановились. Дальше идти в этот день не могли. Как я уже говорил, мы несли очень небольшой груз. Вероятно, швейцарцы собирались в этот день произвести только разведку, оставить возможно выше палатку и немного продовольствия, спуститься обратно и вернуться наверх уже после того, как подойдут ещё носильщики. Но погода стояла на редкость хорошая. Мы с Ламбером сохранили некоторый запас сил. Я увидел небольшую почти ровную площадку, на которой можно было поставить палатку, показал на неё и сказал:

— Следовало бы переночевать здесь сегодня. Ламбер улыбнулся — он явно думал то же, что и я. Обер и Флори догнали нас, они переговорили втроём с Ламбером, и было решено, что первые двое уйдут вниз, а мы останемся. Утром, если погода удержится, попробуем взять вершину.

Обер и Флори сложили свои ноши. «Берегите себя», — сказали они со слезами на глазах. Они были в хорошей форме, как и мы с Ламбером, и могли тоже остаться, с такой же надеждой на успех, как мы. Но у нас была только одна палатка и очень мало продовольствия, и они без единого слова принесли жертву. Так принято в горах.

Обер и Флори ушли. Вот они превратились в маленькие точки, вот исчезли совсем. Мы поставили палаточку, спотыкаясь и задыхаясь от напряжения, однако, закончив работу, сразу же почувствовали себя хорошо. Погода стояла такая ясная, что мы даже посидели немного снаружи в угасающем свете солнца. Не зная языка друг друга, мы не очень-то могли беседовать. Впрочем, мы и не ощущали особенной потребности говорить. Я указал рукой кверху и произнес по-английски:

— Завтра — вы и я.

Ламбер улыбнулся и ответил:

— *Ca va bien!*

Стемнело, стало холоднее, и мы забрались в палатку. Примуса у нас не было, но мы и не хотели есть. Ограничились небольшой порцией сыра, который запили несколькими глотками снеговой воды. Спальных мешков мы тоже не имели; лежали вплотную один к другому, хлопая и растирая друг друга, чтобы поддерживать кровообращение. Думаю, что мне от этого было больше пользы, чем Ламберу, потому что я среднего роста, а он такой длинный и огромный, что я мог согреть его только по частям. И все же он

заботился не о себе, а обо мне; особенно он боялся, что я отморожу ноги.

— Мне что, — говорил Ламбер, — у меня пальцев нет. Но ты свои ноги береги!

О сне не могло быть и речи. Да мы и не хотели спать. Лёжа неподвижно без спальных мешков, мы, наверное, замёрзли бы насмерть. Поэтому мы возились и растирались, растирались и возились, а время шло бесконечно медленно... Наконец в палатку проник серый рассвет. Окоченевшие, промёрзшие насквозь, мы выбрались наружу и осмотрелись. Увиденное нас не обрадовало — погода ухудшилась. Она не испортилась безнадежно, бури не было, но небо на юге и западе затянули тучи, усилившийся ветер хлестал по лицу ледяными кристалликами. Раздумье длилось недолго, и, как всегда, нам не нужны были слова. Ламбер показал большим пальцем в сторону гребня, я улыбнулся и кивнул. Мы слишком далеко зашли, чтобы сдаваться. Надо сделать попытку.

Казалось, ушёл не один час на то, чтобы прикрепить на обувь кошки окоченевшими руками. В конце концов мы двинулись в путь. Выше, выше, очень медленно, почти ползком, три шага — отдых, два шага — отдых, один шаг — отдых. Мы несли с собою три кислородных баллона, но они по-прежнему не действовали в движении, и кончилось тем, что мы бросили их, чтобы облегчить ношу. Примерно через каждые двадцать метров мы менялись местами, чередуясь в тяжелой работе по прокладыванию пути. К тому же пока задний выходил вперед, передний мог постоять спокойно и передохнуть. Прошёл час, второй, третий. В общем лезть было не так уж трудно, но приходилось соблюдать крайнюю осторожность: с одной стороны гребня открывалась бездонная пропасть, с другой тянулся нависший над пустотой снежный карниз. Местами подъем становился круче, приходилось

вырубить ступени. Здесь особенно ловко поднимался Ламбер. Со своими укороченными ступнями, без пальцев, он умещался на самом ничтожном выступе, словно козёл.

Ещё один час прошёл. Он показался нам долгим, как день или даже неделя. Погода все ухудшалась, то и дело налетал туман с вьюгой. Даже моё «третье лёгкое» начинало отказывать. Горло пересохло, болело от жажды; временами утомление брало верх, и мы ползли по снегу на четвереньках. Один раз Ламбер обернулся и сказал что-то, но я не понял его. Немного погодя он снова заговорил; я увидел, как *он* улыбается сквозь толстый защитный слой глетчерной мази, и понял:

— *Ca va bien!* — говорил Ламбер.

— *Ca va bien!* — ответил я.

Но это была неправда. Дело не шло хорошо, и мы оба знали это. Однако так уж повелось у нас. Если все идёт хорошо — «*Ca va bien*», если же нет, то все равно «*Ca va bien*».

В такие моменты человек думает о многом. Я думал о Дарджилинге, о доме, об Анг Ламу и девочках. Я думал о Диттерте, который поднимался снизу со вторым штурмовым отрядом, о том, что если нам не удастся взять вершину, то, может быть, они сделают это. Я думал: «Нет, мы сами дойдём до вершины, это в наших силах! Но сможем ли мы потом вернуться обратно?» Вспомнились Ирвин и Меллори, как они исчезли навсегда по ту сторону горы примерно на этой же высоте. Потом я перестал думать. Мозг словно окаменел. Я превратился в машину, шёл и останавливался, шёл и останавливался, шёл и останавливался...

Вот мы опять остановились. Ламбер стоял неподвижно, пригнувшись в сторону ветра, и я знал, что он обдумывает наше положение. Я попытался думать и

сам, но это было даже ещё труднее, чем дышать. Я посмотрел вниз. На сколько мы поднялись? Метров на двести по вертикали, подсчитал позднее Ламбер, и потратили на это пять часов. Я посмотрел вверх. Вот Южная вершина в ста пятидесяти метрах над нами. Это ещё не вершина, а только Южная вершина. А за ней...

Я верю в бога. Я верю, что иногда, когда человеку приходится особенно трудно, бог подсказывает, как поступать, и он подсказал это Ламберу и мне. Мы могли бы идти дальше. Возможно, смогли бы даже дойти до вершины. Но спуститься уже не смогли бы. Продолжать значило погибнуть. И мы не стали продолжать — остановились и повернули обратно... Мы достигли высоты около 8600 метров, побывали ближе всех к вершине Эвереста, поднялись на рекордную высоту. Но этого оказалось мало. Мы отдали все силы — и этого тоже оказалось мало. Мы молча повернули. Молча пошли вниз. Вниз по длинному гребню, мимо верхнего лагеря, снова вдоль гребня, вниз по снежному склону. Медленно-медленно. Вниз, вниз вниз.

Таков был предел, достигнутый Ламбером и мной. На следующий день мы спустились вместе с Обером и Флори с седла к Западному цирку, а нам на смену поднялась попытать счастья вторая группа — четверо швейцарцев и пятеро шерпов. Поначалу у них дело шло лучше, чем у нас, они преодолели расстояние от цирка до седла за один день, но дальше везение кончилось. Весь отряд заболел горной болезнью. Ветер усиливался, мороз крепчал, и через трое суток они вернулись, так и не дождавшись возможности совершить попытку штурма.

Что ж, мы не пожалели сил.

И я приобрёл хорошего друга.

15

НА ЭВЕРЕСТ СО ШВЕЙЦАРЦАМИ (ОСЕНЬЮ)

— Но ведь сейчас осень, — сказала Анг Ламу.

— Да, осень.

— Ты ещё никогда не ходил в горы в это время года.

— Никогда.

— Так зачем же это понадобилось тебе теперь?

— Затем, что нам надо попытаться снова, — ответил я. — Мы должны испробовать все.

Много лет говорилось о том, чтобы отправиться на Эверест осенью. Зимой, понятно, о восхождении не могло быть и речи. Летом наступал период муссонов, с бурями и лавинами. Зато осенью восхождение представлялось возможным, и некоторые считали, что в это время года погода может оказаться даже лучше, чем весной. Однако до швейцарцев в 1952 году никто не сделал практической попытки. Швейцарцы не могли ждать до следующей весны по той простой причине, что на 1953 год непальское правительство обещало Эверест англичанам. Если швейцарцы думали сделать ещё попытку, надо было делать её в этом же 1952 году, когда они одни имели разрешение. Вернувшись летом на родину, они обсудили вопрос и приняли решение: повторная попытка состоится...

Только двое участников весенней экспедиции смогли приехать во второй раз: Габриель Шеваллей,

возглавивший новый отряд, и Раймон Ламбер, — его, мне кажется, не удалось бы удержать, даже если бы его связали и сели на него верхом. С ними приехали четверо новых спутников: Артур Шпёхель, Густав Гросс, Эрнест Рейсс и Жан Бузио, а также фотограф-альпинист Норман Дюренфюрт, сын знаменитого швейцарского исследователя Гималаев, перешедшего в американское гражданство. Пригласили и меня, не только в качестве сирдара, но и в качестве полноправного члена экспедиции, и я с гордостью принял почётное приглашение. Как и в прошлый раз, я составил шерпский отряд в Дарджилинге, причём в него вошли многие участники весеннего похода. В начале сентября мы опять были в Катманду.

По числу участников экспедиция несколько уступала предыдущей, но зато снаряжения стало больше. Весной некоторых припасов оказалось в обрез, и швейцарцы решили на этот раз запастись поосновательнее, тем более, что осенью обычно холоднее. В результате наш караван насчитывал около четырехсот человек — швейцарцев, шерпов и непальцев-носильщиков; и если я раньше сравнивал одну экспедицию с военным отрядом, то теперь можно было говорить о целой армии. Я не помню, чтобы хоть одна экспедиция выступила в поход совсем без осложнений и затруднений. На этот раз речь шла о Дюренфюрте. Из-за своего американского паспорта он никак не мог получить непальскую визу и в ожидании её все ещё сидел в Индии. Мы оставили шерпу Анг Дава дожидаться его в Катманду в течение двух недель и доставить к нам, если все наладится.

Всю вторую половину сентября мы шагали вверх-вниз по горам Непала. Муссон начался в этом году с опозданием, а потому задержался дольше; большую часть времени стояла отвратительная погода. Столько дождя и грязи я не видал за всю мою жизнь. Многие

заболели, в том числе Шеваллей. А когда мы подошли к Соло Кхумбу, стало совсем плохо — по мере подъёма мы столкнулись не только с сыростью, но и с холодами, и непальские носильщики чувствовали себя без специальной одежды все хуже. На четырнадцатый день мы преодолели перевал на высоте примерно 4000 метров, называющийся Шамунг-Намрекпи Ла, что в старину толковалось как «перевал, где ваша шляпа касается неба». Здесь было как в хорошую бурю на высокой горе. Многие непальцы совершенно выбились из сил, а двое даже умерли позднее — печальное начало для экспедиции.

Все это привело к тому, что многие носильщики ушли. Впрочем, мы заблаговременно сообщили в Кхумбу, что нам нужны шерпы-носильщики. Когда отряд к концу месяца пришёл в Намче Базар, муссон прекратился и на небе не было ни облачка. Снова мы, шерпы, свиделись со своими семьями и друзьями. Я навел мать и сестёр. Снова были пляски, веселье, чанг. Как и весной, мы наняли много местных шерпов взамен непальцев и выступили со всем нашим грузом дальше. Мне кажется, я никогда не видел вершину Эвереста так отчётливо, как в те дни: ветер почти совершенно очистил чёрную скалу от снега, оставив лишь лёгкое белое облачко вокруг самой макушки.

Базовый лагерь разбили, как обычно, в верхней части ледника Кхумбу, после чего стали прокладывать путь через ледопад. Все изменилось за лето, приходилось искать новый маршрут, но приобретённый опыт значительно облегчал работу. Мы приготовились также к преодолению трещин, захватили с собой из Намче Базара жерди и доски и сооружали из них мостики. А для большой расщелины в верхней части ледопада, которая причинила нам столько хлопот, припасли длинную деревянную лестницу. Наш

верёвочный мост был ещё цел, но из-за летнего снегопада опустился в трещину на несколько метров.

В это время нас догнали Дюренфюрт и Анг Дава; теперь группа была в полном составе. Впрочем, по-настоящему мы никогда не были в полном составе. В этой экспедиции постоянно кто-нибудь болел. Одно время в опасном состоянии находился шерпа Анг Норбу: у него образовалась громадная опухоль на шее. Доктор Шеваллей накачал его пенициллином, но это явно не помогало, и он решил сделать операцию. Палатка-столовая в лагере I превратилась в лазарет; на долю Рейсса, Шпёхеля и мою выпало держать Анг Норбу, пока доктор будет резать ему шею. Не могу сказать, чтобы это поручение пришлось мне по душе — трудно было поверить, что в одном человеке может содержаться столько крови и гноя. Впрочем, операция прошла успешно, и спустя несколько дней Анг Норбу был здоров.

Выше ледопада мы вышли в Западный цирк, или в долину Безмолвия. Только теперь уже там не царило безмолвие, а день и ночь завывал сильный ветер. Иногда он изменял направление, и мы слышали вой лишь в вершинах над нами, но потом снова обрушивался на нас, как страшный дикий зверь, спущенный с цепи богами. В это время мы не могли ни работать, ни передвигаться, только старались уберечь самих себя. И все же мы мало-помалу поднимались. Одновременно мало-помалу надвигалась зима. У нас было превосходное снаряжение. Особенно мне понравилась обувь — высокие, по колено, сапожки из оленьих шкур; никто не обморозил ног. Однако мы уже начали сомневаться, окажется ли вообще возможным существовать на больших высотах, если здесь в цирке такой мороз и ветер.

В конце октября мы разбили лагерь V у подножья стены Лхотсе и приготовились к штурму Южного седла.

План предусматривал, что мы в основном пойдём по весеннему маршруту — вверх по ледяным склонам и кулуарам до Контрфорса женевцев. Мы разделились на отряды и принялись вырубать ступени и крепить верёвки. Однако едва началась эта работа, как произошёл несчастный случай. Это было 31 октября. Шеваллей и Шпёхель находились вместе с несколькими шерпами на крутом склоне неподалёку от лагеря V — всего четыре связки по три человека. Внезапно сверху донёсся гул, и на них посыпалось множество битого льда. Это не была большая лавина, просто несколько обломков сорвалось с верхней части склона; обычно такой обвал не опасен. Одиннадцать человек из двенадцати отделались благополучно. Они прикрыли головы и прижались возможно теснее к склону, так что в худшем случае их ударяло обломками по плечам. Однако шерпа Мингма Дордже, связанный вместе с Аджиба и моим юным племянником Топгеем, очевидно, смотрел как раз в тот момент вверх, потому что его ударило прямо в лицо. В следующий миг он безжизненно повис на верёвке, и остальные двое удерживали его, стонущего, с окровавленным лицом.

На такой крутизне невозможно передвигаться быстро, и прошло некоторое время, прежде чем товарищи смогли подобраться к ним. Шеваллей, Шпёхель и помогавшие им шерпы подошли к раненому и стали медленно спускать его в лагерь V, как вдруг случилась новая беда. На этот раз не посчастливилось четвёртой связке, в которую входили шерпы Айла, Норбу и Мингма Хрита. Один из них, видно потрясённый случившимся, споткнулся и заскользил вниз. И вот уже все трое катятся кувырком по склону; падение прекратилось только на ровной площадке метрах в шестидесяти от коварного места.

Снова потребовалось некоторое время, чтобы подойти на помощь. Остальные продолжали осторожно

спускать Мингму Дордже. В конце концов все были внизу, и доктор Шеваллей оказал пострадавшим первую помощь; их уложили на надувные матрацы, принесенные из лагеря IV. Из троих сорвавшихся Мингма Хрита сломал ключицу, Айла и Да Норбу отделались царапинами и синяками. Они вряд ли могли принести экспедиции какую-нибудь пользу в дальнейшем, но зато хоть не было сомнений в том, что они поправятся. Хуже обстояло дело с Мингма Дордже. Оказалось, что он ранен не только в лицо: острый обломок льда вошёл в тело около ключицы и поразил лёгкое. Несколько часов спустя Мингма Дордже умер, несмотря на все усилия доктора Шеваллея.

Я находился вместе с другими в лагере IV, когда произошло несчастье. Печальная новость быстро дошла до нас, и мы поспешили наверх. Все шерпы, разумеется, были очень расстроены, но швейцарцы чуть ли не ещё больше, потому что они очень серьёзно воспринимали свои обязанности в отношении носильщиков и считали себя ответственными. Они попросили меня даже переговорить с людьми: если большинство из-за этой трагедии не захочет идти дальше, восходители без слов согласятся. Мы, шерпы, сидели и обсуждали вопрос до глубокой ночи. Понятно, что у всех было очень тяжёлое настроение. Некоторые довольно мрачно смотрели на наши перспективы, однако в конце концов все согласились, что нельзя подводить швейцарцев. Надо идти вперёд, пока возможно. На следующий день пострадавших переправили в базовый лагерь, а Мингму Дордже похоронили на боковой морене цирка, между лагерями IV и V. Мы сложили над ним высокую каменную пирамиду и приставили к ней деревянный крест, на котором написали имя покойного и дату гибели. Затем мы распрощались с нашим другом — первой жертвой Эвереста после Мориса Уилсона, пошедшего на восхождение в одиночку в 1934 году.

Было решено искать нового пути на Южное седло. Ещё весной мы опасались падающего льда в кулуаре у Контрфорса женевцев; а теперь случилась беда, погиб человек, и мы не хотели терять зря ещё людей. Не один день ушёл на то, чтобы разработать новый маршрут — не прямо от цирка к седлу, а правее по склонам Лхотсе, где опасность лавин казалась меньшей. Мы установили во время первой экспедиции, что для перехода от цирка к бассейну мало одного дня. Даже идя по старому маршруту, пришлось бы разбивать ещё один лагерь; на новом маршруте, значительно более длинном, мы решили разбить два лагеря. Предстояло опять приниматься за трудную, утомительную работу, связанную с высокогорными восхождениями: разведка пути, вырубание ступеней, укрепление верёвок, переноска тяжёлых грузов. В общей сложности мы повесили на этом участке около семисот пятидесяти метров верёвок. Постепенно на белой стене горы возникли ещё два лагеря — VI и VII.

Мы шли все дальше, забирались все выше. Ламбер и я, понятно, опять составили одну связку и большую часть времени шли впереди, прокладывая путь. Оба мы находились в отличной форме — «*Ca va bien!*», к тому же часто пользовались кислородом; на этот раз аппараты оказались намного лучше, чем весной. Однако на такой высоте человек может не то что работать, а просто жить всего лишь короткое время, да ещё в такой ветер и мороз. С каждым днём все ближе надвигалась зима. Ни туч, ни буранов, как перед муссоном, небо оставалось ослепительно чистым, но мороз стоял такой, что пронизывал до костей даже сквозь самую тёплую одежду. А хуже всего, что дни становились все короче и короче. К двум часам пополудни солнце исчезало за гребнем Нуптсе; с этой минуты до следующего утра не было спасения от леденящего холода.

Мы ходили вниз, вверх, снова вниз. Однажды ночью в лагере IV на цирке разразилась страшная буря. Мы с Аджиба, находясь в палатке вдвоём, еле удерживали её на месте. Внезапно послышался слабый крик, мы выбрались с трудом наружу и увидели, что палатка Нормана Дюренфюрта, стоявшая рядом с нами, свалилась. Дюренфюрт был в это время одним из больных — ларингит и высокая температура. Он настолько ослаб, что теперь никак не мог выбраться из-под брезента. Мы с Аджиба принялись за работу и с огромным трудом натянули палатку снова, причём ветер чуть не унёс нас через весь цирк вместе с нею.

Погода начала оказывать плохое воздействие на нас не только физически, но и психически. Некоторые шерпы потеряли всякий интерес к работе, они думали только о том, как уйти вниз, подальше от ветра и мороза; мне приходилось подолгу спорить с ними и даже ругаться, чтобы заставить браться за дело. Сверх того постоянно кто-нибудь болел или прикидывался больным, и базовый лагерь на леднике превратился в лазарет. Кончилось тем, что мы остались совершенно без людей на склоне Лхотсе, и мне пришлось спуститься до самой базы за пополнением. На базе много говорили о йети. Один из носильщиков за несколько дней до этого увидел его поблизости от того места, где мы обнаружили следы весной. По его словам, йети был ростом около полутора метров, покрыт густой коричневой шерстью и передвигался на задних лапах. Голова заострена кверху, широкие скулы, мощные челюсти, которые йети угрожающе оскалил, тараща глаза в упор на носильщика, словно собирался напасть на него. Потом йети вдруг зашипел, повернулся, убежал и больше не показывался. Я сам говорил с носильщиком, который рассказывал об этой встрече, и убедился, что нет никаких оснований не верить ему.

Собственно, его слова подтвердили уже сложившееся у меня впечатление, что йети большая горная обезьяна.

Однако у нас было дело по горло и без йети.

— Пошли! Пошли! — подгонял я людей на базе. — Нам надо влезть на гору. Давай!

В конце концов мне удалось собрать небольшую группу, и я повёл её через ледопад и цирк на склон Лхотсе, где нас ждала работа.

Через неделю с небольшим все было готово: ступени, верёвки, верхние лагеря и снаряжение. Но если мы хотели попасть на Южное седло и выше, надо было поторапливаться: наступала уже середина ноября, зима приближалась всерьёз. Для первой попытки назначили группу из десяти человек. В неё вошли Ламбер — руководитель, Рейсс и я — восходители и семь наиболее крепких шерпов, помогавших нам с грузом. Это были Ант Темпа, Пемба Сундар, Анг Ньима, Анг Намгьял, Гундин, Пемба и Топгей — большинство молодые и неопытные. Но они переносили ветер и холод лучше многих ветеранов, и я горжусь тем, что самым молодым был мой племянник Топгей — ему исполнилось всего семнадцать лет.

От цирка мы поднялись до лагеря VI, затем до лагеря VII. 19 ноября выступили к Южному седлу. Подъем был не очень крутой, потому что лагерь VII на склоне Лхотсе лежал уже довольно высоко и большая часть пути вела по диагонали к макушке Контрфорса женевцев и лежащему за ним седлу. Тем не менее мы двигались медленно, прокладывая путь по нетронутому снегу, и носильщикам то и дело приходилось ждать, пока мы с Ламбером и Рейссом вырубим ступени и закрепим верёвки. Подъем начался около девяти утра. В 16.30 мы находились на вершине выступа, а немного спустя ступили на седло — вторично в этом году. Уже стемнело, ветер и мороз достигали невероятной силы. Казалось, прошёл не один час, прежде чем нам удалось

разбить лагерь около ещё видимых следов весеннего похода; едва натянули две палатки, как шерпы мгновенно нырнули в них. Спорить с ними было бесполезно. Мы с Ламбером и Рейссом имели важное преимущество при восхождении — кислород. Шерпы шли без кислорода и совершенно выбились из сил. Итак, мы продолжали возиться втроём, пока не поставили ещё две палатки. Теперь настал и наш черёд забраться в укрытие и отдохнуть. Чуть ли не вся пища превратилась в камень; все же мне удалось сварить немного шоколада и напоить всех. Началась ещё одна ночёвка у самой верхней точки земли.

Выше цирка мы ставили двойные палатки, одну внутри другой, однако здесь даже это плохо помогало. А когда брезенты тёрлись один о другой на сухом ледяном ветру, тесное пространство внутри наполнялось электрическими искрами, которые так и потрескивали возле наших голов. У Ламбера был с собой маленький термометр — он показывал минус тридцать градусов. Ламбер определял впоследствии скорость ветра в двадцать семь метров в секунду, причём это была постоянная скорость, а не порывы. Теперь даже он не считал, что все хорошо. Наконец настало утро. Буря не утихала, тем не менее мы приготовились выступить дальше. Другого выбора не было — или двигаться, или замерзнуть насмерть. На завтрак нам удалось подогреть немного чая, и все. Затем мы вышли в путь. Остальные шерпы рвались вниз, а не вверх, и упрёкнуть их за это было трудно; однако только один из них, Гундин, был по-настоящему болен, и остальные согласились в конце концов продолжать восхождение. Наш лагерь на седле был теперь восьмым по порядку; носильщики несли на своих спинах снаряжение для маленького лагеря IX, который мы надеялись разбить на предвершинном гребне.

Однако лагерь IX так и остался на спинах носильщиков. Было уже 11.30, когда мы, наконец, собрались выступить. Ещё почти час ушёл на то, чтобы пересечь седло и начать восхождение по снежному склону, ведущему к гребню. На ледяной стене мы увидели останки разбившегося орла. Хотя мы отнюдь не летели, приходилось напрягать все силы, чтобы нас не унесло ветром. Благодаря кислороду наша тройка шла несколько впереди остальных. За полгода до этого мы с «Медведем» поднимались здесь гораздо легче, хотя и с плохими кислородными аппаратами. Теперь же нам не помогали и хорошие аппараты. Ветер и мороз были слишком сильными. Защищённые тремя парами рукавиц пальцы все же утратили чувствительность. Губы, нос — все лицо становилось синим. Носильщики позади нас еле двигались. Оставалось единственно разумное — и единственно возможное — решение: повернуть обратно, и мы знали это. Однако для нас с Ламбером это было ужасное решение. Мы совершали уже вторую попытку, мечтой нашей жизни стало взять Эверест вместе, а если мы повернём теперь, выдастся ли нам ещё когда-нибудь такой случай? Будь мы одни, мы, возможно, и пошли бы дальше. Я не говорю утвердительно — пошли бы или могли пойти, я говорю «возможно»; уж очень нам хотелось. Но позади нас брели обессиленные шерпы, рядом стоял Рейсс, мрачно покачивая головой. Мы остановились и простояли так некоторое время, сжавшись в комок от ветра. Не будь так холодно, что слезы замерзали на глазах, я бы, наверное, разрыдался. Я не мог глядеть на Ламбера, он — на меня. Мы молча повернули и пошли вниз.

Швейцарцы впоследствии говорили, что гора «стряхнула» нас. А уж после этого мы лишались всякой надежды на повторную попытку. В том месте, где мы сдались, метрах в трехстах над седлом, пришлось сбросить большую часть груза. На седле задержались

лишь на столько, сколько было необходимо, чтобы забрать с собой Гундина (ещё немного, и он замёрз бы насмерть). Здесь осталось лежать около полутораста килограммов груза, заброска которого стоила нам таких трудов. Теперь ничто не имело значения — только выбраться поскорее из этого ада, лежащего так близко к небу. Это было состязание с морозом, бурей, смертью.

Ночь мы провели совершенно обессиленные в лагере VII, где нас встретил доктор Шеваллей. На следующий день спустились до лагеря V в цирке. Никто даже не говорил о повторной попытке; думаю, среди нас не было такого, кто согласился бы подняться и на три метра вверх по горе... Мы думали лишь о том, чтобы уйти вниз, вниз, прочь от этого мороза, туда, где можно дышать, есть и спать, можно согреть руки и ноги, прогреть все кости. И мы шли вниз по цирку, по ледопаду, к леднику. После всего перенесённого нам показалось, что мы попали в жаркую Индию. Каким-то чудом никто не обморозился серьёзно, никто не потерял даже пальца. А может быть, тут дело не в чуде, а в превосходном качестве нашей одежды и снаряжения. Как бы то ни было, мы все пришли вниз, кроме бедного Мингмы Дордже. Нас «стряхнули», обратили в бегство, но мы остались живы.

В Намче Базаре я вновь повидал мать и сестёр. Когда туда дошла весть о смерти Мингмы Дордже, одна из моих сестёр очень взволновалась за меня. Она забрала детей и поднялась до лагеря I у подножья ледопада, неся корзину вещей, которые, по её мнению, могли мне понадобиться. Тогда я не видал её, потому что был высоко на горе, но зато теперь от души поблагодарил.

— Увидимся в следующем году, — сказал я им, стараясь казаться весёлым, хотя, конечно, не знал, что принесёт мне следующий год.

В начале декабря мы шли обратно по холмам Непала. Позади остался Эверест, окутанный зимними бурями. «Сердце обливается кровью», — записал доктор Шеваллей, думая о нашей второй неудаче; и мы все ощущали то же самое. Однако к нашей грусти примешивалась, как мне кажется, и некоторая гордость, потому что мы знали — никто в подобных условиях не смог бы сделать больше того, что сделали мы. Мы продолжали шагать. Дождь лил не переставая. И тут в довершение всего я вывихнул ногу — первый «несчастный случай» за все мои экспедиции на Эверест. Остальную часть пути мне пришлось проделать, опираясь на две лыжные палки вместо костылей.

Дни напролёт мы ходили мокрые до костей. Нога болела, меня лихорадило. И если Эверест все ещё продолжал оставаться моей мечтой, то теперь эта мечта начинала смахивать на бред больного.

16

ТЕПЕРЬ ИЛИ НИКОГДА

В Катманду нас встретили так, словно мы вернулись победителями, а не побеждёнными. Король лично вручил мне непальскую медаль Пратап Бардхак. Однако к этому времени я совсем расхворался и еле соображал, что происходит. Меня трепала малярия, поднялась высокая температура, но главное, сказывалось напряжение двух экспедиций в один год. Как всегда, швейцарцы отнеслись ко мне с исключительным вниманием. Они доставили меня на самолёте из Катманду в Патна, в Северной Индии, где я провёл десять дней в больнице «Святое семейство», учрежденной американскими миссионерами-католиками.

После этого швейцарцы выехали на родину, в Европу. Остальные шерпы вернулись поездом в Дарджилинг; я остался в больнице. Порой у меня поднимался такой жар, что я бредил. Мне казалось, что я снова на Эвересте, борюсь с морозом и ветром. Потом температура спадала, и я часами лежал совершенно неподвижно, не в силах поднять руки, даже открыть глаза... «Да, — думал я, — это было чересчур. Две экспедиции. Ветер и мороз. Да ещё две обязанности сразу — сирдар и восходитель. Слишком много работы, слишком много ответственности...» Я ощущал страшную слабость во всем теле. Затем снова поднималась температура.

Я вышел из больницы, потеряв семь килограммов. Когда я несколько дней спустя вернулся в Дарджилинг, родные пришли в ужас.

— Тебе надо отдохнуть теперь, — сказала Анг Ламу. — Отдыхать весь год, чтобы как следует поправиться.

И поначалу я только кивал, ничего не говоря, на большее у меня просто не доставало сил.

Между тем шёл уже 1953 год. Весть о двух швейцарских экспедициях облетела весь мир, и я получал письма из многих стран с приглашением участвовать в восхождениях, намечавшихся на весну. Ещё в больнице в Патна мне вручили письмо от майора Чарлза Уайли, который звал меня снова на Эверест с английской экспедицией; сам он должен был заведовать транспортировкой грузов. А затем и в Дарджилинге миссис Гендерсон из Гималайского клуба принялась уговаривать меня.

— Вы ведь часто ходили с англичанами, — настаивала она. — Они так просят именно вас.

Однако Анг Ламу возражала, а я был ещё слишком слаб, слишком устал, чтобы решиться. Миссис Гендерсон вооружилась терпением, понимая моё состояние, и в течение недели посылала мне молоко и «Овальтин», чтобы я скорее восстановил свои силы.

Я отдыхал и думал. Думал о швейцарцах, о двух предпринятых ими великих усилиях, о том, как счастлив и горд я был возможностью идти на восхождение с ними. Из всех чилина-нга, с которыми мне приходилось встречаться, — а их к этому времени набралось много, — швейцарцы пришлись мне по душе больше всех. Думаю, что если они когда-нибудь приедут снова в Соло Кхумбу, вдоль дороги везде будут стоять шерпы, приветствуя их поднятыми кверху чашами с чангом. Больше всего я желал бы пойти снова на Эверест с ними, идти по заоблачным высотам с моим другом

Ламбером и достичь, наконец, нашей цели. Однако швейцарцев ждать не приходилось. Они использовали свою возможность; в 1953 году настала очередь англичан. В случае новой неудачи непальское правительство обещало дать разрешение на 1954 год французам. Три года до следующей попытки швейцарцев, если никто не возьмёт вершину до них.

А вероятность того, что вершину возьмут, была велика. Во время нашей весенней попытки мы с Ламбером подходили очень близко. При лучшем кислородном снаряжении или при более устойчивой погоде мы бы дошли. И вот теперь предстояла английская экспедиция, самая мощная, какую только можно себе представить.

В 1952 году, когда мы были на Эвересте, отряд англичан во главе с Шиптоном, при участии нескольких новозеландцев, совершил восхождение на близлежащую вершину Чо Ойю — для тренировки и испытания нового снаряжения. Сильно облегчала задачу англичанам разведка, произведённая швейцарцами. Но самое главное — они приготoвились совершить отчаянное усилие, потому что привыкли считать Эверест «своей» горой, а тут он грозил выскользнуть у них из рук. Перед ними ходили на штурм швейцарцы. На очереди стояли французы, затем опять швейцарцы. Поздней осенью 1952 года путешественники, пришедшие в Соло Кхумбу через Нангпа Ла из Тибета, сообщили, будто на северной стороне из Ронгбука почти одновременно с нами ходила русская экспедиция. Следовало ожидать, что русские вскоре предпримут новую попытку. Кольцо вокруг высочайшей из вершин все сужалось, и можно было почти не сомневаться, что, если англичане не победят теперь, им уже не видать победы:

Я не знал никого из участников новой экспедиции. Вначале её возглавлял Эрик Шиптон, затем его сменил

полковник Джон Хант; он много лет прожил в Индии и совершил не одно восхождение, однако мне никогда не приходилось с ним встречаться. С Хантом приезжал цвет английского альпинизма, а также двое новозеландцев (новый вид чилина-нга для меня!); один из них — Эдмунд Хиллари — участвовал как в разведывательном походе на Эверест 1951 года, так и в экспедиции на Чо Ойю в 1952 году. Я вспомнил осложнения, имевшие место в 1951 году в связи с бакшишем и оплатой непальских носильщиков и сказал об этом миссис Гендерсон.

— Но ведь это как раз одна из причин того, почему так важно ваше участие, — ответила она. — Вам легче других договориться с непальцами; если вы пойдёте, осложнений не будет.

— Я скоро решу, — сказал я ей. И продолжал размышлять.

На всем протяжении моего рассказа я был откровенным, хочу оставаться откровенным и дальше. Итак, скажу откровенно, я предпочёл бы идти на Эверест со швейцарцами. Вопреки стараниям некоторых лиц извратить мою мысль, это вовсе не значит, что я невлюбил англичан. Мне приходилось совершать восхождения с англичанами чаще, чем с кем-либо другим, и я чувствовал себя с ними очень хорошо; а некоторых из них, например мистера Гибсона, майора Осместона, майора Уайта, мистера Тильмана, мистера Смайса, лейтенанта Марча, относил к числу своих лучших и самых близких друзей. И все-таки факт, что англичане обычно более сдержанны и чопорны, чем представители известных мне других народов; особенно же это проявляется, как я думаю, в отношении людей не их расы. Может быть, все дело в том, что они так долго правили на Востоке, может быть, это заложено в самой их природе, во всяком случае это факт, который мы, шерпы, имели возможность

наблюдать не раз, так как на протяжении ряда лет ходим в горы с людьми многих национальностей. Швейцарцы и французы относились ко мне как к товарищу, к равному, что невозможно для англичанина. Англичане приветливы, они отважны, неизменно справедливы. Но столь же неизменно существует невидимая черта между ними и прочими, между сагибом и носильщиком; для шерпов, привыкших жить без такого рода «черт», это может быть чревато затруднениями и осложнениями.

«Все это верно, — думал я. — Но насколько это важно? Ты ладил с англичанами раньше, поладишь и теперь. К тому же речь идёт не о приёме и не о званом ужине, а об Эвересте... Эверест — твоя жизнь, твоя мечта. Что будет, если ты станешь ждать французов или швейцарцев? Что ты будешь чувствовать, если англичане возьмут вершину, а тебя не будет с ними? Для тебя, не меньше чем для них, вопрос стоит так: теперь или никогда».

Вы думаете, у вас голова идёт кругом. Принимаете решение, потом опять начинаете колебаться, потом снова решаетесь... «Мне почти тридцать девять, — думал я. — Я приближаюсь к концу своего „критического возраста“. Сколько я ещё смогу участвовать в восхождениях? Или я уже вышел из строя из-за переутомления и только что перенесённой болезни? Сколько раз я ходил на Эверест? Шесть, включая Денмана. Это будет седьмой раз — счастливое число у шерпов, как и у большинства народов. В нашей игре в кости, как у чилина-нга, „семь“ — хорошая цифра. Если семеро берутся за дело, у них больше надежд на успех, семеро детей в семье — самое счастливое число. У моей матери было семеро сыновей. Это будет мой седьмой поход на Эверест...»

Меня беспокоило моё здоровье. Пробыв некоторое время дома, я перестал болеть, но по-прежнему

испытывал слабость и не восстановил своего веса. А что же будет после ещё одной большой экспедиции, третьей на протяжении немногим более года? Подобно швейцарцам, англичане хотели, чтобы я одновременно выступал в роли сирдара и восходителя, а я уже сказал себе, что такая комбинация — это чересчур. Но как же быть? Я думал так усиленно, что почти не спал по ночам. «Если так будет продолжаться, — подумал я, — то я только опять заболею!» И вот однажды я вышел из дому, направился к миссис Гендерсон и сказал: «Хорошо, я пойду». Чего я не мог сказать ей, что мне и сейчас трудно выразить надлежащим образом, — я решил идти потому, что иначе просто не мог.

Но одно дело было сказать «да» миссис Гендерсон, другое — убедить Анг Ламу.

— Ты слишком слаб, — возражала она. — Ты опять заболеешь или поскользнёшься на льду, упадешь и убьёшься.

— Что ты, я буду осторожен, — сказал я. — Как всегда.

— Это слишком опасно.

— Мне платят за восхождение, а не за детские игры. Я должен делать то, за что мне платят.

— Это безрассудство, — настаивала Анг Ламу. — Тебе нет дела до меня и до детей, нет дела до того, что будет с нами, если ты убьёшься.

— Ничего подобного. Но такова моя работа, моя жизнь. Неужели ты не понимаешь этого? Ты командуешь домашним хозяйством, и я не вмешиваюсь, зато, что касается Эвереста, я не позволю никому вмешиваться.

— Ты с ума сошёл. Ты убьёшь сам себя в этих горах. Ты погибнешь.

— Хорошо, я погибну. Но уж если мне придётся помирать, то лучше на Эвересте, чем под одной крышей с тобой!

Думаю, все мужья и жены иногда говорят друг с другом в таком духе. Мы разругались, потом помирились, потом опять разругались. Наконец Анг Ламу убедилась в моей решимости и сказала:

— Ладно, твоя взяла.

Итак, эта сторона была улажена. Однако я не менее жены беспокоился о денежном вопросе, чем будет кормиться моя семья, независимо от того, вернусь я или нет. Мне предлагали хорошую по старым понятиям оплату: основное жалованье триста рупий в месяц (рядовые шерпы получали сто — сто двадцать пять), в случае моей гибели семье полагалась компенсация в размере двух тысяч рупий, то есть вдвое больше того, что было условлено со швейцарцами, и вчетверо больше того, что было раньше. Однако в мире произошли большие изменения, стоимость жизни заметно возросла, и даже такая оплата не составляла достаточного обеспечения. Я решил переговорить с Рабиндранатом Митрой, молодым образованным бенгальцем, владельцем типографии в Дарджилинге — за последние два года он стал моим близким другом и советчиком. Он обещал, если со мной что-нибудь случится, устроить сбор средств в пользу моей семьи.

Одновременно я усиленно тренировался, стараясь восстановить свою форму. Вставал рано утром, нагружал рюкзак камнями и совершал длительные прогулки по холмам вокруг города — так было у меня заведено уже на протяжении ряда лет перед большими экспедициями. Я не курил, не пил, избегал пирушек, которые обычно очень люблю. И все это время думал, планировал, строил предположения, как пройдет мой седьмой поход на Эверест. «На этот раз ты должен одолеть вершину, — твердил я себе. — Одолеть или погибнуть...» И ещё: «Все это так, но ты не можешь взять вершину один. Кто-то будет идти с тобой. На большой горе ты не можешь уйти от своих спутников и

подняться на вершину один. Даже если бы ты сделал это и вернулся обратно живой, никто тебе не поверит... На этот раз с тобой не будет Ламбера. Кто же это будет? Кто-то будет, и мы взойдём на вершину вместе. Взойдём. Должны взойти. Либо я возьму вершину, либо погибну...»

Вместе с миссис Гендерсон мы подобрали двадцать шерпов, в соответствии с заказом англичан. Отряд получился сильный, в него вошло большинство ветеранов Эвереста, участники разведывательного восхождения 1951 года и швейцарских экспедиций. Старшим по возрасту был мой давнишний друг Дава Тхондуп. Хотя ему было уже около пятидесяти и он никогда не отказывался выпить, если представлялась такая возможность, он оставался одним из лучших восходителей^[13]. Двое младших были мои племянники — Топгей, поднявшийся за год до этого на Южное седло, и Гомбу (сын моей сестры Ламу Кипа), в котором я также не сомневался. Памятуя осложнения 1951 года, а также слова миссис Гендерсон, я предупредил наших людей, чтобы они не устраивали споров и неприятностей из-за денежных вопросов — бакшиша не ожидается и требовать его не надо; если же возникнут недоразумения, пусть обращаются ко мне, и я постараюсь уладить вопрос ко всеобщему удовлетворению.

Я уже приступил к исполнению обязанностей сирдара со всеми вытекающими отсюда проблемами, а скоро мне опять предстояло стать к тому же и восводителем. Снова меня ожидала двойная работа, которая вымотала из меня все силы, когда я был вместе со швейцарцами. Однако ничего другого не оставалось. Ради возможности пойти на Эверест я согласился бы на любую работу, начиная с судомойки и кончая погонщиком йети.

Выход из Дарджилинга был назначен на 1 марта, и чем ближе надвигался этот день, тем лихорадочнее шли приготовления и тем больше мы волновались. С нами пошли многие женщины, одни до Намче Базара, другие до базового лагеря; говорят, после нашего ухода Тоонг Соонг Бусту напоминал заброшенную деревню. Поскольку швейцарцы побывали так близко от вершины, вероятность успешного штурма казалась большей, чем когда-либо, и нас провожали с особенным почётом. Когда я заходил проститься с друзьями, они клали мне на плечи особые шейные платки — кхада. Мой друг Митра (я зову его Роби Бабу) дал мне с собой небольшой индийский флажок, сказав при этом: «Донеси его до заветного места». А моя младшая дочь Нима вручила мне огрызок красно-синего карандаша, которым рисовала в школе; я обещал донести его тоже до «заветного места», если бог этого захочет и будет добр ко мне. Затем мы попрощались, и я был рад, что прощание с семьёй происходило дома, а не на глазах у людей, потому что не люблю выставлять на всеобщее обозрение свои чувства в подобных случаях.

Мы снова двинулись по знакомому пути: сначала вниз на равнину, затем поездом на запад до Раксаула, а оттуда вверх в Непал. Мы ехали в одежде, полученной в различных экспедициях, и представляли собой, должно быть, живописное зрелище. В Катманду нас ждали уже несколько англичан, остальные прибыли почти одновременно с нами. Помимо полковника Ханта, майора Уайли и Хиллари, которых я уже упоминал выше, собралось ещё семеро альпинистов: Том Бурдиллон, Чарлз Эванс, Альфред Грегори, Джордж Лоу (он, как и Хиллари, был с Новой Зеландии), Уилфрид Нойс, Джордж Бенд и Майкл Уэстмекотт. Приехали также экспедиционный врач Майкл Уорд, учёный Гриффит Паф, который собирался произвести разного рода наблюдения, и Том Стобарт, кинооператор.

Наконец несколько позже прибыл корреспондент «Таймс» Джемс Моррис (его газета участвовала в финансировании экспедиции}».

Англичане встретили нас очень тепло, но, к сожалению, почти тотчас же начались осложнения. Должен повторить здесь то, что говорил раньше, — рассказывая о подобного рода недоразумениях, я стараюсь быть искренним, говорить лишь о том, что происходило на самом деле, никого не обвиняя и не упрекая. Шерпская поговорка гласит, что в большом доме не без ссор, — и действительно, я не помню экспедиции, в которой все прошло бы совершенно гладко от начала до конца. Но экспедицию 1953 года отличает от других большое внимание, которое уделяла ей впоследствии печать. Люди разного рода стали извращать факты для своих целей, так что многое в конце концов стало выглядеть совсем иначе, чем было на самом деле. В своей книге об экспедиции полковник Хант (ныне бригадир сэра Джон) почти совершенно не касается имевших место осложнений^[14]; и, возможно, он прав, потому что составлял официальный отчёт, писал как англичанин для англичан, и, разумеется, ни одно из случившихся недоразумений не имеет какого-либо значения в сравнении с величием совершённого. Однако каждый человек рассказывает свою историю — точно так же, как он живёт свою жизнь, — основываясь на своей собственной точке зрения. А моя история не «официальная». Я не англичанин, я шерпа, я должен рассказывать то, что видел и пережил сам, а не кто-нибудь другой, иначе моя книга не будет искренней и не будет ничего стоить.

Первое осложнение возникло в день нашего прибытия в Катманду и было связано с устройством шерпов на ночёвку. Нам отвели для этой цели гараж, бывшую конюшню при британском посольстве

(альпинисты разместились в самом посольстве), и шерпам это пришлось не по душе, особенно потому, что там не было туалета. Мне трудно упрекать их за это, ведь наш народ давно уже перерос уровень «кули»; я сообщил о недовольстве шерпов англичанам и хотел было обратиться в гостиницу, чтобы выразить этим наш протест. Однако было уже слишком поздно, кроме того, я стремился уладить недоразумение, а не усугублять его. Поэтому я сказал шерпам:

— Это только на одну ночь. Постараемся устроиться возможно удобнее.

Носильщики ещё поворчали, но согласились и стали укладываться; присоединился к ним и я, хотя мне отвели отдельную комнату. Все же утром они выразили своё недовольствие, используя дорожку перед гаражом в качестве уборной. Служащие посольства страшно рассердились и принялись ругать шерпов, да только вряд ли кто-нибудь обратил на них внимание.

Именно тут произошло моё первое знакомство с прессой; впоследствии мне приходилось иметь с ней дело ещё не раз. Я уже говорил, что часть расходов экспедиции была оплачена «Таймсом», поэтому англичане не разрешали давать каких-либо сведений другим газетам. Между тем слух об инциденте с гаражом быстро распространился, а поскольку я не был связан никакими соглашениями, меня немедленно окружали журналисты.

«Ничего заслуживающего внимания не произошло», — сказал я им. Однако не все корреспонденты добросовестны. Должен с сожалением признать, что мои слова были извращены с целью обострить отношения. Подобно горам, пресса может вознести человека на большую высоту и сбросить его глубоко вниз. Таков один из мучительных уроков, которые мне пришлось усвоить в связи со взятием Эвереста.

Как бы то ни было, несколько часов спустя и пресса и гараж остались позади. Мы доехали на автобусе до Бхадгаона, в нескольких километрах восточнее Катманду, — там находилось снаряжение экспедиции. Начались обычные хлопоты: упаковка груза в тюки, распределение их между многочисленными носильщиками-непальцами и прочие дела, без которых не отправишь в путь большой караван.

Не обошлось и тут без шума. Выяснилось, что шерпам не выдадут экспедиционной одежды и снаряжения (за исключением спальных мешков), пока караван не придёт в Соло Кхумбу. Это задело их не меньше, чем происшествие с гаражом.

— Почему так? — спрашивали они. — В других экспедициях нам выдавали наши вещи сразу, мы хотим, чтобы так было и теперь.

Однако полковник Хант считал, что если не выдавать вещи сейчас, то они лучше сохранятся для использования в горах. Я снова оказался между двух огней, стараясь примирить обе стороны.

— Зачем столько шума из-за пустяков? — говорил я шерпам. — Если выдадут вещи сейчас, придётся самим же тащить все. А так это снаряжение несут непальские носильщики.

В конце концов мы выступили. Подобно большинству крупных экспедиций, мы следовали двумя отрядами, с промежутком в один день. Я командовал первой колонной, майор Уайли — второй. Уайли был отличный человек, он свободно говорил по-непальски и очень хорошо относился к местным носильщикам. Тем не менее у нас обоих было немало хлопот, потому что плохое начало повлекло за собой непрерывные жалобы и недовольство. То одно было не так, то другое. Даже из-за питания вышел спор: англичане ели в основном привезённые с собой консервированные продукты, а шерпам покупали продовольствие на месте, шерпы же

считали, что должны есть то же, что англичане. В некоторых вопросах я считал шерпов правыми, в других — нет и так и говорил им. Хуже всего меня злило, когда они не высказывали ничего определённого, а только ворчали и бормотали. У меня такая натура — говорить прямо, что думаешь, и я предпочитаю, чтобы и другие так поступали.

— Ну ладно! Бросьте шуметь из-за пустяков, — говорил я им. — Нас ждёт гора!

И мы шли вверх-вниз, вверх-вниз через холмы, долины и реки. Несмотря на все неприятности, горы, как обычно, оказывали на меня воздействие — с каждым днём я чувствовал себя лучше. Вначале я побаивался, что совершил ошибку, согласившись идти, что болезнь слишком истощила меня. Теперь же я убедился, что со здоровьем все в порядке, и поблагодарил мысленно бога. Когда я думал об Эвересте и о предстоявших нам великих днях, жалобы товарищей казались мне кудахтаньем старых кур.

Мои собственные отношения с англичанами складывались вполне удовлетворительно. Правда, они не носили непринуждённого, товарищеского характера, как со швейцарцами. Я не делил палатку ни с кем из англичан, как это было с Ламбером, мы не шутили и не поддразнивали друг друга. Тем не менее полковник Хант был отличный человек и превосходный руководитель. Хиллари, с которым я уже тогда много общался, держался спокойно и дружелюбно, да и все остальные альпинисты относились ко мне внимательно и приветливо.

— Ну хорошо, они не такие, как швейцарцы, — говорил я моим недовольным товарищам-шерпам. — И почему бы им быть такими же? Это другой народ. Думайте побольше о горе и поменьше о своём мелком недовольстве, и все будет в порядке.

Мы пришли в Намче Базар 25 марта. Снова самый горячий приём, песни, пляски, потоки чанга. Снова мать и другие родные пришли из Тами повидаться со мной; встретившись с полковником Хантом, мать благословила его и всю экспедицию. Вместе с тем, как и оставшаяся в Дарджилинге Анг Ламу, она считала, что я слишком часто подвергаю себя опасности на Эвересте, и умоляла меня быть осторожным.

— Не тревожься, ама ла, — отвечал я. — На этот раз мы, похоже, взойдём на вершину, и тогда мне больше незачем будет ходить туда.

Я всем сердцем надеялся, что это так и будет.

Из Намче мы направились к монастырю Тьянбоче; он должен был служить нам своего рода временной базой. Здесь произошло последнее и самое большое осложнение организационного характера. И на этот раз все заварилось из-за одежды и снаряжения: раздавая их шерпам, англичане заявили, что большинство вещей выдаётся только для пользования при восхождении, с последующим возвратом, а не в полную собственность. Это вызвало невиданную дотоле бурю возмущения. Во всех предыдущих экспедициях, в том числе и английских, вещи выдавались без каких-либо условий, и большинство шерпов заявило теперь, что если не будет соблюдаться старый порядок, они вовсе не пойдут. Полковник Хант объяснил свою точку зрения: он считал неправильным заранее дарить вещи так, ни за что ни про что; вернее будет оставить их шерпам потом, в качестве вознаграждения за хорошую работу. Но шерпам эта идея отнюдь не пришлась по душе. Они считали одежду и снаряжение частью положенного им жалованья и отказывались продолжать путь, если не получат одежду именно на таких условиях.

Это был для меня самый тяжёлый момент за всю экспедицию. Вместе с майором Уайли, который тоже всячески старался восстановить мир, я чувствовал себя

словно зажатым в тиски. Каждая сторона считала, что я действую на руку другой; шерпы намекали, что англичане нарочно платят мне большие деньги, чтобы я стоял за них. Порой я жалел, что я не рядовой носильщик, а один раз сказал майору Уайли:

— Послушайте, я взял с собой швейцарское снаряжение и собираюсь пользоваться им: Отдайте моё английское снаряжение другим, может быть, они успокоятся.

Разумеется, таким путём ничего нельзя было уладить. Споры и ругань продолжались, пока не был найден компромисс, на который пошли все шерпы, кроме двоих — Пасанга Пхутара (Жокея) и Анг Дава; оба ушли из экспедиции и направились домой. Пасанг (он был помощником сирдара) — способный и умный человек, и я жалел, что он уходит. Однако Пасанг вёл себя как политик: он был зачинщиком почти всех недовольств и осложнений; после ухода его и Анг Дава все остальные быстро успокоились. Я не боюсь признаться, что облегчённо вздохнул, потому что всегда ненавижу брюзжание и столкновения по мелочам, когда идёт речь о великом деле. Когда люди идут в горы, им следует забыть о кротовых бугорках. Кто идёт на большое дело, должен обладать большой душой.

Я проводил взглядом Жокея и Анг Дава, спускавшихся по тропе к Намче Базару, потом обернулся и посмотрел на других шерпов. Они уже не стояли с обиженным видом, а принялись за свою работу. Тогда я поглядел на то, что ждало нас впереди: горы, долины, ледники, а надо всем, словно огромные башни, великие вершины Ама Даблам и Тавече, Нуптсе и Лхотсе. А вот позади них в облачке снежной пыли и Эверест, древняя Чомолунгма. Я позабыл все остальное; неприятности, споры, ругань потеряли разом всякое

значение. Во всем мире ничто больше не имело значения — только Эверест, борьба и мечта.

— Ну что ж, пошли на неё! — крикнул я.

И подумал: «Да, пошли на неё. Вверх по ней. Вверх — на этот раз, седьмой раз — до самой вершины».

Теперь или никогда...

17

В СЕДЬМОЙ РАЗ

Шерпы за работой, шерпы говорят между собой. Частью на родном языке, частью по-непальски, с примесью английского...

— Готовы выступать?

— А ча — все в порядке.

— Только хусиер — будьте осторожны. Бара сапур — переход предстоит большой.

Выступаем в путь, вверх по леднику, по моренам.

— А ча?

— Нет, не а ча. Той йе! Черт побери! (Обязательно с энергичным плевком.) Укладка перекосилась!

— Каи чаи на. Ничего.

— Той йе! (Плевком.) Как так ничего! Мне нужно остановиться. Куче куче. Пожалуйста.

— Ап ке укам. Делай как знаешь. Постой-ка, я помогу тебе... Теперь а ча?

— А ча. Туджи чей. Спасибо.

— Тогда пошли. Только хусиер. Здесь круто.

— Слишком круто. Той йе!

Снова плевки. Снова карабкаемся вверх, снова ледники и морены — и, наконец, очередной лагерь.

- Шабаш! Хорошо поработали! Справились.
- За сегодняшнюю работу нам, собственно, причитается бакшиш.
- Или хотя бы по пиале чанга.
- Был бы чанг, мы бы выпили за своё здоровье... Таши делаи! Будь здоров!
- Сам таши делаи! За всех нас!
- Шерпа синдабад! Да здравствуют шерпы!

Мы не пошли на Эверест сразу из Тьянгбоче. По плану полковника Ханта группа должна была сначала акклиматизироваться и практиковаться со снаряжением; для этого мы разбили на три отряда и выступили в горы поблизости. В одном отряде со мной были Хант, Лоу, Грегори и пять шерпов. В течение примерно недели мы тренировались, базируясь в лагере на высоте 5200 метров на леднике Нуптсе: совершали восхождения, вырубали ступени, проверяли кислородную аппаратуру и всесторонне готовили себя к настоящей работе. После этого мы вернулись в Тьянгбоче и вместе с другими отрядами стали прокладывать путь к леднику Кхумбу, к месту базового лагеря, который предполагалось разбить у подножья большого ледопада.

После ухода Пасанг Пхутара англичане и шерпы ладили гораздо лучше, однако по-прежнему случались отдельные недоразумения. Одной из причин раздоров было питание. Жаловались шерпы и на вес нош при тренировочных восхождениях: англичане установили шестьдесят фунтов на человека, а шерпы говорили, что это чересчур много. Мне удалось добиться уменьшения грузов до пятидесяти фунтов. Наконец я и сам поспорил немного с англичанами; речь шла о заброске в горы лесоматериалов для сооружения мостов через трещины. Альпинисты привезли с собой из Англии лёгкую длинную металлическую лестницу, которая разбиралась

по секциям, и считали, что этого достаточно. Я возразил: трещин будет много, очень много, мы потеряем немало времени, перетаскивая лестницу туда и обратно, а из брёвен можно соорудить постоянные переходы. Англичан больше всего беспокоило, что придётся платить местным шерпам за переноску материалов. Но я настаивал на своём, и они согласились.

Собственно, с этих пор между англичанами и шерпами не случалось почти никаких недоразумений, установились прекрасные отношения. Экспедиция была очень велика, и порядки в ней царили чуть ли не военные; конечно, многие наши люди предпочли бы более свободную атмосферу, поменьше формальностей. Однако даже самые заядлые жалобщики должны были признать, что все организовано очень хорошо. Хант — мы звали его полковник Сагиб — порой вёл дело так, будто мы составляли воинское подразделение, но был всегда справедлив и внимателен. Майор Уайли, как я уже говорил, оказался превосходным начальником транспорта. Знакомясь ближе с остальными альпинистами, мы убеждались, что они тоже приветливые, симпатичные люди. И если я рассказал здесь о небольших осложнениях, то лишь с целью дать достоверный отчёт о вопросах, которые всячески искажались впоследствии, а совсем не для того, чтобы упрекать наших добрых друзей и товарищей по экспедиции. Не было человека счастливее меня, когда все недоразумения остались, наконец, позади. В качестве сирдара и восходителя я постоянно оказывался между двух огней и совсем не чувствовал себя приятно в таком положении.

В базовом лагере кипела работа: поступали и сортировались все новые грузы, кругом вырастали палатки. Лагерь напоминал целое поселение. Здесь собралось множество людей — не только

непосредственные участники экспедиции, но и сотни местных шерпов, мужчин и женщин.

Почти сразу же начал подниматься вверх по ледопаду отряд во главе с Хиллари. Я в это время работал в основном с майором Уайли, следил, чтобы бесперебойно шла заброска многотонного груза. За каждым участником экспедиции были закреплены строго определённые обязанности — одни прокладывали маршрут через ледопад, другие переносили снаряжение, третьи были заняты с кислородной аппаратурой, радиоаппаратами, медикаментами и т. д. В это время врачи проверили здоровье всех участников, и выяснилось, к несчастью, что у одного из шерпов-ветеранов, Гьялтсена, шумы в сердце. Ему не разрешили идти выше. Таким образом наш отряд сократился на три человека, если считать Жокея и Анг Дава; правда, тут подоспел Дава Тхондуп. Выше базового лагеря должно было работать всего около сорока носильщиков; из них человек двадцать пять на участке от Западного цирка и дальше.

Мы получали почту еженедельно; с ней приходили письма от Анг Ламу и моего друга Митры. Новости были невесёлые: Митра созвал собрание, чтобы наладить сбор средств для моей семьи, но там было много разговоров и никакого толку, и теперь Анг Ламу беспокоилась за будущее. «Деньги, деньги, — думал я. — От них не спасёшься даже на вершине величайшей из гор». Но что я мог поделать? Ничего. Вместе с тем я не мог позволить домашним заботам отвлекать меня. Это может показаться жестоким и эгоистичным, но я благодарен горам за то, что они помогают мне забывать обо всем остальном, о всяких житейских затруднениях, даже о семье и доме; я думаю лишь о предстоящем мне деле. В базовом лагере и во все последующие дни только одна мысль занимала меня — Эверест, взять Эверест.

Думаю, что нет смысла вдаваться во все детали последовавших нескольких недель. Это уже сделано полковником Хантом в его прекрасной книге. Мы проложили маршрут по ледопаду — проложили заново, потому что лёд постоянно смещается. Вдоль маршрута выстроились вежи с флажками. Были вырублены ступени, укреплены верёвки, через трещины переброшены лестницы и деревянные мостики, и потянулась нескончаемая цепочка шерпов-носильщиков — сначала в лагерь II на ледопаде, а затем в лагерь III у подножья цирка. Погода стояла обычная для середины весны: с утра ясно, под вечер облачность и небольшой снег. Не было ни жестоких бурь, ни страшного ветра, ни морозов, которые мне пришлось испытать осенью. График был составлен так, что бригады чередовались на самой тяжёлой работе и каждый из нас время от времени спускался из верхних лагерей вниз, не только до базы, но даже ещё дальше по леднику до селения Лобудже. Здесь бил ключ, окружённый весенней зеленью; благодаря меньшей высоте люди могли быстрее восстанавливать силы. Мне кажется, успех экспедиции во многом объясняется тем, что было время для таких вещей. Швейцарцам, как вы помните, приходилось постоянно спешить.

Между тем полковник Хант разрабатывал план восхождения на верхнюю часть горы, и наступил день, когда он сообщил в базовом лагере о своих наметках. Ещё до начала экспедиции мне обещали, что я буду включён в штурмовую группу, если позволит здоровье. Теперь я прошёл врачебную проверку, и врачи объявили, что я здоровее любого другого. Таким образом, я получал возможность пойти на штурм, о чем так мечтал и молился. Для взятия вершины отобрали ещё троих: Эванса и Бурдиллона (первая связка) и Хиллари (мой партнёр). Как именно мы должны были действовать, я объясню позднее. В случае неудачи

наших двоек намечалось организовать третью; однако это сулило немало трудностей, и все надеялись, что такой надобности не будет.

Я был счастлив, как только может быть счастлив человек, но далеко не все шерпы разделяли мой восторг. Вершина ничуть не влекла их к себе, и они не могли понять меня.

— Ты сошёл с ума, ау Тенцинг, — говорили они мне. «Ау» значит «дядя»; так они стали звать меня в то время. Конечно, это звучало дружески и уважительно, но заставляло меня чувствовать себя чуть ли не стариком. Они не уставали твердить: — Ты с ума сошёл, ау Тенцинг. Ты погубишь себя, а как мы сможем потом смотреть в глаза ание (тёте) Анг Ламу?

— Не нойте, словно старые бабы, — отвечал я. — Все будет в порядке.

— Но даже если ты останешься цел, взойдёшь на вершину и благополучно спустишься обратно — все равно в этом ничего нет хорошего. Ты только у нас хлеб отобьёшь.

— Что вы такое говорите?!

— Если Эверест возьмут, не будет больше экспедиций, не будет работы.

— Это вы сошли с ума, — сердился я. — Если возьмут Эверест, о Гималаях заговорят во всем мире. Тогда экспедиций и работы станет больше, чем когда-либо.

Потом я просто перестал с ними спорить.

С момента распределения и до самого конца мы с Хиллари составляли одну двойку. От нас не требовали тяжёлой работы. Мы должны были беречь силы и заботиться о том, чтобы быть в наилучшей форме. Пока остальные прокладывали путь по склону Лхотсе, мы все время ходили туда и обратно между базовым лагерем и Западным цирком, переноса лёгкие грузы, тренируясь с кислородом и помогая молодым шерпам-новичкам преодолевать крутой ледопад. Сколько раз мы

проделали этот путь, не знаю, но помню, что мы однажды прошли от базы до лагеря IV и обратно за один день; понятно, что это не удалось бы, если бы мы не шли быстро. Хиллари превосходный альпинист, обладает большой силой и выдержкой; особенно хорошо он шёл по снегу и льду, в чем много практиковался на Новой Зеландии. Как и положено людям дела, особенно англичанам, он мало говорил, но это не мешало ему быть хорошим и весёлым товарищем. Шерпы любили его — он всегда был готов делиться своими продуктами и снаряжением. Сдаётся мне, что мы составляли довольно комичную пару: Хиллари на целых двадцать сантиметров выше меня. Впрочем, это нам никогда не мешало. В совместных восхождениях мы отлично сработались, и из нас получилась сильная, надёжная связка.

Расскажу об одном случае, показывающем, как мы работали вместе. Уже под вечер мы спускались, страхуя друг друга, по ледопаду из лагеря II в лагерь I; Хиллари впереди, я за ним. Мы пробирались между высокими ледяными сераками^[15], как вдруг снег под ногами Хиллари подался, и он провалился в трещину, крича: «Тенцинг! Тенцинг!» К счастью, веревка, которой мы страховались, была натянута, и я не растерялся — всадил ледоруб в снег и упал плашмя рядом. Мне удалось остановить падение Хиллари — он пролетел всего около пяти метров, — а затем постепенно вытащить его наверх. Я протёр дыру в рукавицах, поднимая своего напарника, однако руки не пострадали. Хиллари тоже был невредим, если не считать небольших ссадин. «Шабаш, Тенцинг! Хорошо сделано!» — поблагодарил он меня. Когда мы вернулись в лагерь, он рассказал остальным, что «не будь Тенцинга, пришёл бы мне конец сегодня». Это была высокая похвала, и я радовался тому, что смог его

выручить. Вообще-то во всем этом не было ничего необычного. Без несчастных случаев в горах не обходится, и восходители должны быть всегда готовы помочь друг другу.

На цирке мы разбили лагерь III, IV и V, поблизости от тех мест, где годом раньше останавливались швейцарцы. Осенью 1952 года, спеша спуститься вниз, они оставили в лагере IV немало продовольствия и снаряжения; порывшись немного в снегу, я обнаружил теперь оставленное. Надо сказать, что мы пользовались имуществом швейцарцев на протяжении всего восхождения, начиная со штабелей дров у базы и кончая наполовину израсходованными кислородными баллонами у самой вершины.

Впрочем, у меня лично и без того было немало вещей, полученных в предыдущей экспедиции. Несмотря на превосходное качество британского снаряжения, я уже привык к швейцарскому и предпочитал его. Особенно мне нравились меховые сапоги — они так чудесно согревали ноги и были к тому же покрыты водонепроницаемым брезентом в отличие от английской обуви — и швейцарская палатка, в которой я чувствовал себя почти как дома.

Пока мы с Хиллари тренировались на цирке и ледопаде, другие участники прокладывали путь к Южному седлу. Они шли в основном так же, как мы осенью, после гибели Мингма Дордже, по склону Лхотсе вверх, затем к верхушке Контрфорса женевцев. Как и швейцарцы, англичане разбили на этом отрезке два лагеря. На это ушло около трех недель, и, конечно, чем выше, тем медленнее продвигался передовой отряд. Кое-кого поразила горная болезнь; Майклу Уэстмекотту и Джорджу Бенду пришлось в конце концов спуститься вниз. Оба были отличные альпинисты, а Уэстмекотта я считал лучшим в экспедиции по технике лазания. Интересно, что они были оба младшие среди англичан,

а я часто замечал, что молодые люди, как бы сильны и ловки они ни были, обычно переносят высокогорное восхождение гораздо хуже, чем старшие, уже имеющие опыт работы на больших высотах.

Разумеется, не родился ещё тот человек, который не испытывал бы никаких трудностей на такой горе, как Эверест. Человеку грозит истощение, обмороживание, ему не хватает воздуха. Головная боль, воспаление горла, потеря аппетита, бессонница... На большой высоте англичанам, чтобы хоть немножко отдохнуть, приходилось пользоваться снотворными пилюлями. Мне было легче, чем большинству остальных, возможно благодаря моему знаменитому «третьему лёгкому». Конечно, я не мог взбежать бегом вверх по горе, однако и на этот раз, как это бывало раньше, я чувствовал себя по мере подъёма все лучше и лучше. Все время что-нибудь делать, постоянно быть чем-нибудь занятым — вот в чем секрет моей невосприимчивости к болезням и холоду. Проверять снаряжение, следить за палатками, греть снеговую воду для питья... А если уж совсем нечего делать, то я стучу ногами и руками о камень или лёд. Непрерывно двигаться, поддерживать циркуляцию крови, борясь с горной болезнью. Думаю, в этом одна из причин того, что у меня никогда не было головной боли и рвоты. И никогда я не принимал снотворных порошков. Если заболело горло, то я полоскал его тёплой водой с солью. На очень большой высоте всегда пропадает аппетит, приходится заставлять себя есть, зато из-за сухости разреженного воздуха часто мучит страшная жажда. Мой опыт говорит, что в таких случаях хуже всего есть снег или пить холодную снеговую воду — от этого только сильнее пересыхает и воспаляется горло. Гораздо лучше чай, кофе или суп. Но ещё больше понравился нам во время восхождения 1953 года тёплый раствор лимонада в порошке. В предвершинной части горы мы поглощали столько этого

напитка, что я стал называть нашу экспедицию «лимонной».

Работа на склоне Лхотсе продвигалась успешно, и на пути к Южному седлу появились лагеря VI и VII. Порой разыгрывалась буря, и приходилось приостанавливать восхождение; порой дела не ладились, и полковник Хант ругался на чистейшем хинди. В основном же все шло хорошо.

К 20 мая передовой отряд был уже готов выступить из лагеря VII на Южное седло. Отряд состоял из Уилфрида Нойса и шестнадцати шерпов, но утром 21 мая, когда им предстояло идти последний отрезок, те из нас, кто был внизу в цирке, увидели в бинокли только две фигуры. Мы угадали, что это сам Нойс и наиболее сильный из его шерпов Аннуллу. Но что же случилось с остальными?

Тут как раз наступило время Бенду и Уэстмекотту спускаться вниз. Майор Уайли находился с несколькими шерпами в лагере VI, готовый идти с грузами в лагерь VII. В лагере VI, передовой базе в цирке, нас было семеро: полковник Хант, Эванс, Бурдиллон, Лоу, Грегори, Хиллари и я. Ханту не хотелось, чтобы мы расходовали силы за несколько дней до великого испытания: ведь мы составляли две штурмовые связки и вспомогательное звено. Все же кому-то надо было подняться проверить, в чем дело.

— Если там какое-нибудь недоразумение с шерпами, — сказал я, — то моя обязанность идти туда. Я поговорю с ними и добьюсь, чтобы они двинулись дальше.

Хиллари охотно вызвался сопровождать меня, и вскоре мы уже шли вверх. Мы в первый раз поднимались выше цирка, и, хотя нам предстоял особенно трудный переход, оба радовались тому, что идём, наконец, по настоящей горе. Пользуясь

кислородом, мы поднимались спокойно и уверенно и под вечер достигли лагеря VII, высоко на склоне Лхотсе.

Нойс и Аннуллу были там, они уже вернулись с седла. Уайли со своим отрядом (они поднялись из лагеря VI) тоже был там, были и шерпы, которым полагалось идти вместе с Нойсом на седло. Некоторые из них жаловались на головную боль и на горло, все, конечно, устали, но по-настоящему больных среди них не было, а не пошли они главным образом потому, что боялись горы. Однако теперь, после успешной вылазки Нойса и Аннуллу, страх почти прошёл. Я побыл с шерпами, подбадривал их, массировал, поил чаем и лимонадом, и в конце концов они согласились сделать попытку на следующий день. В ту ночь нас сгрудилось в палатках лагеря VII девятнадцать человек — нельзя сказать, чтобы мы устроились очень удобно. Зато мы убедились, что не случилось никакой беды. С наступлением утра все двинулись в путь. Предполагалось, что мы с Хиллари не пойдём дальше лагеря VII, но уж, забравшись так далеко, мы хотели довести дело до конца и выступили вместе со всеми к седлу по маршруту, проложенному Нойсом и Аннуллу. В тот же день мы успели проделать весь путь обратно до лагеря IV в цирке; это составляло в общей сложности около полутора тысяч метров по вертикали в оба конца в течение тридцати часов. Мы устали, конечно, но не слишком, и после короткого отдыха снова были в отличной форме.

Настал момент начать штурм вершины. По плану сначала на седло должны были взойти Бурдиллон и Эванс вместе с полковником Хантом и несколькими шерпами, составлявшими их вспомогательный отряд. Затем восходители пытаются взять вершину, а мы с Хиллари в сопровождении Лоу, Грегори и другой группы шерпов идём на седло; если Бурдиллон и Эванс не достигнут цели, на штурм выступаем мы. Впоследствии

было немало разговоров и путаницы относительно того, какая двойка была «первой» и какая «второй». Я попытаюсь здесь, в меру моих сил, внести ясность в этот вопрос. По времени Эванс и Бурдиллон, бесспорно, шли первыми. Им надлежало выйти из лагеря VIII на Южном седле и подняться возможно выше, если удастся, — до самой вершины. Но ведь от седла до вершины около тысячи метров, никто не разбивал для них бивака на полпути, и пройти за один день до вершины и обратно — это был бы исключительный подвиг. Возможно, это удастся, все может быть, но никто не требовал от них этого. Полковник Хант называл попытку Бурдиллона и Эванса «разведочной вылазкой» и сказал, что будет вполне удовлетворён, если они дойдут до Южной вершины и осмотрят оттуда последний отрезок предвершинного гребня.

Затем, если им не удастся продвинуться дальше, настанет наш черёд с Хиллари. Но для нас на гребне будет уже разбит возможно выше ещё один лагерь, девятый. Таким образом, мы совершим свою попытку, имея значительное преимущество перед предыдущей двойкой. В случае новой неудачи можно будет, проведя реорганизацию, сделать ещё третью попытку; пока же по плану получалось, что решающий штурм выпадал на нашу долю. После окончания экспедиции многие газеты писали, будто я возмущался тем, что мне не дали идти на штурм первым. Это чистейшая неправда. Мои шансы были ничуть не хуже, чем шансы других. Если уж на то пошло, то как раз мы с Хиллари были поставлены в наиболее благоприятные условия. На мой взгляд, план был во всех отношениях правильным и разумным. Таковую гору, как Эверест, не возьмёшь тем, что будешь рваться вперёд очертя голову, стараясь обогнать товарищей. Восхождение осуществляется медленно и осторожно, совместными усилиями целой группы людей. Конечно, мне хотелось первым взойти на вершину — это была

мечта всей моей жизни. Однако, если бы успех выпал на долю другого, я принял бы это как мужчина, а не как капризный ребёнок. Так заведено в горах.

Итак, 23 мая отряд Бурдиллона — Эванса покинул цирк. 25 мая мы последовали за ними: Хиллари и я, Лоу и Грегори и восемь наиболее сильных шерпов. На склоне Лхотсе нам встретились шерпы, которые разбили для нас лагерь на Южном седле, они пожелали нам успеха. А между тем не было даже известно, придёт ли нам вообще идти на штурм — ведь на завтра намечалась попытка Бурдиллона—Эванса.

Вокруг древка моего ледоруба я обернул четыре флажка. Два из них, английский и Объединённых Наций, привезла с собой экспедиция. Третий, непальский, нам преподнесли в Катманду. А четвёртый, индийский, был тот самый, который дал мне Роби Митра в Дарджилинге.

— Вы не возражаете, если я возьму его с собой? — спросил я полковника Ханта за несколько дней до штурма.

— Это отличная мысль, — ответил он.

И вот я иду по снегу со своими четырьмя флажками, но куда я их донесу, никто не мог знать. Ведь Бурдиллон и Эванс тоже несли с собой флажки и успели уже подняться намного выше нас.

Как и во время первого похода на седло, мы с Хиллари почти всю дорогу пользовались кислородом. Экспедиция была оснащена аппаратами двух типов: так называемым «закрытым», который подаёт чистый кислород, и «открытым», в котором кислород смешивается с окружающим воздухом. Бурдиллон и Эванс шли с аппаратами первого типа, мы с Хиллари — второго. Хотя наши аппараты не так облегчали дыхание, зато не чувствовалось резкого перехода, когда приходилось выключать их; вообще они производили более надёжное впечатление. Наряду со

снаряжением, предназначенным для восхождения, мы пользовались в верхних лагерях ещё так называемым «ночным кислородом»; брали аппараты с собой в палатку, включали слабую струю смеси и дышали время от времени в течение ночи, когда испытывали сильное удушье или не могли уснуть.

Снова мы ночевали в лагере VII, только на этот раз не в такой тесноте — все остальные были теперь выше или ниже нас. Утро выдалось ясное, и вскоре после нашего старта мы увидели высоко над собой, у самой Южной вершины, две точки — Бурдиллона и Эванса. Потом они исчезли, а мы продолжали восхождение через верхнюю часть снежного склона Лхотсе, вверх по женевскому контрфорсу, до его высшей точки, и, наконец, вниз к Южному седлу. В лагере VIII мы застали только шерпу Анг Тенсинга, которого мы звали Балу, Медведь [\[16\]](#). Он был одним из двух носильщиков, сопровождавших полковника Ханта, однако почувствовал себя плохо в то утро и не пошёл с остальными, когда они направились вверх. Анг Тенсинг сообщил нам, что отряд выступил совсем рано: Бурдиллон и Эванс — с заданием подняться возможно выше и полковник Хант с Да Намгьялом — они понесли снаряжение для самого высокого лагеря, предназначенного для нас с Хиллари. С тех пор Анг Тенсинг их не видел и знал, собственно, даже меньше нас — мы хоть видели две точки около Южной вершины.

Нам не пришлось долго ждать. Придя на седло, мы почти сразу же увидели полковника Ханта и Да Намгьяла, спускавшихся по снежному склону с юго-восточного гребня, и поспешили им навстречу. Оба страшно устали. Полковник Хант свалился и пролежал так несколько минут; я напоил его лимонадом и помог забраться в палатку. Отдохнув немного, Хант рассказал нам, что они поднялись примерно до 8340 метров, то

есть метров на шестьдесят выше того места, где мы с Ламбером устраивали бивак годом раньше. Он надеялся подняться ещё дальше, до 8535 метров, однако сил уже не было, и они сложили на снег снаряжение для лагеря IX. Оставили и кислородные баллоны, которыми пользовались при восхождении. Тяжёлое состояние Ханта и Да Намгьяла как раз объяснялось тем, что они спускались совершенно без кислорода. Оба лежали по своим палаткам, я продолжал поить их лимонным соком и чаем, и постепенно они пришли в себя. Одно из самых моих приятных воспоминаний от экспедиции — это когда полковник Хант выглянул из спального мешка и пробормотал: «Тенцинг, я этого никогда не забуду».

Затем мы снова принялись ждать — Бурдиллона и Эванса, и это ожидание затянулось надолго. Я продолжал ухаживать за полковником и Да Намгьялом, но чаще всего стоял снаружи, глядя в сторону вершины и пытаюсь угадать, что там происходит. Один раз, когда я заглянул в палатку Ханта, он сказал:

— Хорошо бы они сделали это к коронации королевы.

Я подумал: «Может быть, потому-то англичане и пошли первыми, а не мы с Хиллари». Однако тут же сказал себе: «Нет, это глупости. Нет ни „первых“, ни „вторых“ — Хант едва не поплатился жизнью, чтобы забросить припасы для меня и Хиллари. Нет ни „первых“, ни „вторых“ — есть только Эверест, и кто-то должен взять вершину». Я опять вышел наружу и стал всматриваться вверх, гадая о судьбе товарищей.

На седле, как всегда, было морозно и ветрено, лагерь казался таким заброшенным в окружении льда и обломков скал. Мы расположились там же, где и швейцарцы в прошлом году, и вокруг нас валялись палаточные шесты, свёртки, кислородные баллоны, словно оставленные призраками. Наш лагерь состоял из четырех палаток; из них одну заняли под снаряжение.

Всего снизу было поднято около трехсот пятидесяти килограммов груза. Я гордился тем, что основную часть этой работы проделали шерпы. Всего за время экспедиции семнадцать шерпов побывали на седле, а шесть поднимались на него дважды, и все они шли с ношей около пятнадцати килограммов на брата, причём без кислорода. «Где бы мы были без них?» — спрашивал я себя. Ответ напрашивался сам собой: «У подножья горы».

Большинство шерпов, пришедших с нами, готовилось к спуску — они сделали своё дело, а в лагере не хватало места для ночёвки. Интересно, что среди них был самый старый участник экспедиции, Дава Тхондуп, и один из двух самых молодых, мой племянник Топгей. С ними поднялись Аннуллу, Анг Норбу и Да Тенсинг (совершенно верно, Тенсингов было много, и писались они по-разному). Поднявшиеся с первой группой Да Намгьял и Тенсинг Балу тоже пошли вниз.

— До свидания. Счастливо... Хусиер! Будь осторожен!.. Все будет а ча — в порядке.

И вот они ушли. Теперь на седле, кроме меня, оставались только трое шерпов: Анг Ньима, Анг Темпа и Пемба — их специально отобрали в помощь мне и Хиллари на переходе до лагеря IX.

Мы ждали и смотрели вверх. Ждали — смотрели вверх. И вот, наконец, уже под вечер, на снежном склоне показались две фигуры, спускавшиеся в сторону лагеря. «Они не дошли, — подумал я. — Слишком мало времени прошло, чтобы они успели дойти до вершины и вернуться». Мы поспешили навстречу восходителям — оба до того выбились из сил, что едва могли говорить и двигаться.

— Нет, — сообщили они, — до вершины не дошли.

Бурдиллон и Эванс взяли Южную вершину, не дойдя всего нескольких сот метров до цели и побывав в самой высокой точке, когда-либо достигнутой альпинистами.

Дальше идти у них просто не было сил. Стоя на Южной вершине, они рассудили, как и мы с Ламбером годом раньше, что, пожалуй, смогут ещё добраться до главной вершины, но вернуться оттуда живыми — никогда. Их застигла бы ночь, а с ней и смерть. Восходители знали это и повернули обратно. Мы помогли Бурдиллону и Эвансу согреться, напоили их лимонадом и чаем. Оба до того хотели пить, что одолели разом по две кварты ^[17] жидкости, после чего мы дали им отдохнуть и прийти в себя. Однако попозже, когда восходителям стало лучше, я засыпал их вопросами: что они делали и видели, как маршрут, какие трудности.

— Тенцинг, я уверен, что вы с Хиллари справитесь, — сказал Эванс. — Но подъем очень труден, из верхнего лагеря придётся идти ещё часа четыре, а то и пять. К тому же там опасно, очень круто, карнизы, так что будьте осторожны. Впрочем, если погода удержится, вы дойдёте. Не придётся возвращаться на следующий год!

Эванс и Бурдиллон совершенно выбились из сил, заболели от утомления и, конечно, страшно переживали свою неудачу. И тем не менее они отвечали на все наши вопросы, делали все, что могли, чтобы помочь нам. Я подумал: «Вот так и должно быть при восхождениях. Вот как гора воспитывает благородство в человеке». Где бы мы с Хиллари были без друзей? Без восходителей, проложивших маршрут, и шерпов, поднявших грузы? Без Бурдиллона и Эванса, Ханта и Да Намгьяла, разведавших путь к вершине? Без Лоу и Грегори, Анг Ньима, Анг Темпа и Пемба, которые пришли сюда исключительно затем, чтобы помочь нам? Только благодаря их труду и самоотверженности мы получили теперь возможность штурмовать вершину.

Десять человек ночевали на седле в трех палатках. По плану мы должны были выступить на следующее

утро, однако ночью подул необычайно сильный ветер, а на рассвете он ревел, словно тысяча тигров. О восхождении не приходилось и думать. Оставалось только ждать и надеяться, что ураган выдохнется; к счастью, у нас имелось достаточно припасов, чтобы выждать один лишний день. К полудню ветер поослаб. Идти на штурм было уже поздно, но Бурдиллон и Эванс приготовились спускаться. Полковник Хант собирался оставаться на седле, пока мы с Хиллари завершим нашу попытку, однако Бурдиллон чувствовал себя настолько плохо, что Хант решил сопровождать его вниз; с ними ушёл и Анг Темпа, который тоже жаловался на здоровье.

— Счастливо! Берегите себя! — сказал Эванс, уходя. — Помните: если вы возьмёте вершину, то в будущем году сможете отдохнуть.

Теперь в лагере VIII оставалось шесть человек: Лоу, Грегори, Анг Ньима, Пемба, Хиллари и я. Шли часы, мы отлёживались в палатках, стараясь сохранить тепло, и пили невероятное количество чая и кофе, бульона и лимонада; потом я достал сёмги, печенья и фруктов, и мы заставили себя немного поесть, хотя никто не был голоден. И все это время я прислушивался к хлеставшему по палаткам ветру. Он дул то сильнее, усиливая моё беспокойство, то слабее, успокаивая меня. То и дело я выбирался наружу и стоял на ветру, на морозе, глядя на высившуюся впереди часть горы.

Настала вторая ночь, а погода все ухудшалась. Мы лежали в спальных мешках, тесно прижавшись друг к другу и дыша «ночным кислородом», а англичане проглотили снотворные пилюли. Я прислушивался к ветру и думал: «Он должен прекратиться. Он должен прекратиться, чтобы мы завтра могли пойти вверх. Семь раз я ходил на Эверест. Я люблю Эверест. Но семь раз должно быть достаточно. Отсюда мы должны дойти до

вершины. На этот раз победа будет за нами. Теперь или никогда...»

Прошёл ещё час, за ним другой. Медленно, страшно медленно тянулось время. Я вздремнул, проснулся, снова вздремнул. В полусне мой мозг продолжал работать... «Сколько людей погибло на Эвересте! — думал я. — Как на поле сражения. Но в один прекрасный день человек должен победить. И когда он победит...» Мысли летели дальше. Мне вспомнился профессор Туччи, как он обещал познакомить меня с Неру. Если я теперь дойду до вершины, это может и в самом деле осуществиться. Потом я подумал о Соло Кхумбу, о моем старом доме, об отце и матери. Подумал об их вере в бога, как они молились за меня, и решил сам помолиться богу и Эвересту. Тут мысли смешались, на смену им пришли сны. Снились мне яки, резвящиеся на пастбище, потом большая белая лошадь. У нас считается, что это хорошо — видеть во сне животных, и вот они явились мне во сне. А где-то за яками и лошадью маячило ещё видение — что-то высокое, белое, достающее до самого неба...

18

МЕЧТА СТАНОВИТСЯ ЯВЬЮ

28 мая... В этот день мы с Ламбером сделали последний бросок, пробились от нашего верхнего лагеря на гребне так высоко, как только могли. Теперь мы с Хиллари находились одним дневным переходом ниже, опаздывая на один день против прошлогоднего — ровно один год спустя.

На рассвете ветер все ещё дул, но к восьми часам стих. Мы поглядели друг на друга и кивнули разом — надо попытаться.

Однако в течение ночи случилась неприятная вещь: заболел Пемба, притом настолько, что было ясно — он не сможет участвовать в штурме. Накануне вышел из строя Анг Темпа, один из троих, назначенных сопровождать нас до лагеря IX, теперь Пемба. От первоначально намеченного отряда оставался один Анг Ньима. Это означало, что остальным придется нести большую поклажу, которая замедлит наше движение, сделает его ещё труднее. Но делать было нечего. Чуть раньше девяти вышли в путь Лоу, Грегори и Анг Ньима. Каждый нёс около двадцати килограммов да ещё кислородный аппарат. Примерно час спустя начали восхождение и мы с Хиллари, неся груз более двадцати

килограммов каждый. Было условлено, что вспомогательный отряд возьмёт на себя тяжёлую и длительную работу — вырубать ступени во льду, так что мы сможем потом идти за ними следом нормальной скоростью, не утомляясь. Или, точнее, не слишком утомляясь.

Мы прошли между промёрзшими скалами седла. Затем ступили на снежный склон, за которым следовал длинный кулуар, ведущий в сторону юго-восточного гребня. Удобные ступени, подготовленные другими, значительно облегчили нам подъем, и, подойдя около полудня к подножью гребня, мы догнали их. Чуть выше и в стороне виднелось несколько шестов и обрывки брезента — здесь был когда-то наш с Ламбером верхний лагерь. Воспоминания нахлынули на меня... Мы немедленно двинулись дальше и ступили на гребень. Здесь было довольно круто, однако не слишком узко, скала служила достаточно надёжной опорой, если только не забывать о покрывающем её рыхлом снеге. Примерно пятьюдесятью метрами выше старого швейцарского лагеря мы достигли высшей точки, до которой дошли за два дня до этого полковник Хант и Да Намгьял; здесь для нас лежали на снегу палатка, продукты и кислородные баллоны. Все это мы навьючили на себя в дополнение к уже имевшемуся грузу. Теперь мы несли немногим меньше тридцати килограммов.

Гребень стал круче, и мы двигались очень медленно. Потом начался глубокий снег, и пришлось снова вырубать ступени. Большую часть времени это делал Лоу, мерно взмахивая ледорубом впереди нас, следовавших за ним по пятам. Около двух часов пополудни мы все заметно устали и решили искать место для лагеря. Мне вспомнилось местечко, которое мы с Ламбером приметили год назад, собираясь разбить там свой последний лагерь, если пойдём ещё раз на

вершину; однако оно было все ещё скрыто где-то наверху, а на пути к нему не было такого места, где бы устояла палатка. И мы двинулись дальше. Теперь уже впереди шёл я — сначала все также по гребню, потом налево, через крутой снежный склон к намеченной мною точке.

— Эй, куда ты ведёшь нас? — спросили Лоу и Грегори. — Нам уже вниз пора.

— Осталось совсем немного, — ответил я. — Ещё пять минут.

Мы шли дальше, а я все не мог найти своё место и только твердил:

— Ещё пять минут... только пять минут.

— Да сколько же всего будет этих пятиминуток? — воскликнул недовольно Анг Ньима.

Наконец мы дошли. На снегу пониже оголённого гребня, под прикрытием большой скалы, имелась небольшая сравнительно ровная площадка, на которой мы и сбросили свои грузы. Последовало быстрое прощанье: «До свидания — счастливо», — Лоу, Грегори и Анг Ньима повернули обратно к седлу, а мы с Хиллари остались одни. Близился вечер, мы находились на высоте примерно 8500 метров. Вершина Лхотсе, четвёртая в мире, на которую мы до сих пор ежедневно смотрели вверх, была теперь ниже нас. На юго-востоке под нами торчал Макалу. Все на сотни километров вокруг было ниже нас, кроме вершины Канченджунги далеко на востоке и белого гребня, устремлявшегося к небу над нашей головой.

Мы принялись разбивать самый высокий лагерь, который когда-либо существовал, и закончили работу уже в сумерки. Сначала срубили ледяные горбики, выровняли площадку. Затем начался поединок с замёрзшими верёвками и брезентом. Оттяжки мы обвязали вокруг кислородных баллонов. На любое дело уходило в пять раз больше времени, чем понадобилось

бы на равнине. В конце концов палатка была поставлена, мы забрались в неё и нашли, что внутри не так уж плохо. Дул лёгкий ветерок, мороз был не слишком большой, и мы смогли даже снять рукавицы. Хиллари стал проверять кислородную аппаратуру, а я разжёг примус и подогрел кофе и лимонад. Нас мучила страшная жажда, мы пили, словно верблюды. Затем съели немного супа, сардин, печенья и консервированных фруктов, причём последние до того замёрзли, что их пришлось оттаивать над примусом.

Как мы ни старались выровнять пол под палаткой, это не удалось вполне — одна половина была сантиметров на тридцать выше другой. Хиллари расстелил свой спальный мешок на верхней «полке», я на нижней. Забравшись в мешки, мы подкатились вплотную к стенкам палатки, чтобы прижимать её полы своим весом. Правда, ветер держался умеренный, но иногда налетали мощные порывы, грозя снести нашу палаточку. Лёжа таким образом, мы обсудили план восхождения на следующий день. Потом наладили «ночной кислород» и попытались уснуть. В пуховых мешках мы лежали во всей одежде, я даже не снял свои швейцарские меховые сапоги. На ночь альпинисты обычно разуваются, считают, что это улучшает кровообращение в ногах; однако на больших высотах я предпочитаю оставаться обутым. Хиллари же разулся и поставил свои ботинки рядом.

Шли часы. Я дремал, просыпался, дремал, просыпался. Просыпаясь, каждый раз прислушивался. В полночь ветер стих совершенно. «Бог милостив к нам, — подумал я. — Чомолунгма милостива к нам». Единственным звуком было теперь наше собственное дыхание...

29 мая... В этот день мы с Ламбером отступали от седла к цирку. Вниз, вниз, вниз...

Примерно с полчетвёртого утра мы начали понемногу шевелиться. Я разжёг примус и растопил снегу для лимонада и кофе, затем мы доели остатки вчерашнего ужина. По-прежнему было безветренно. Открыв немного спустя полог палатки, мы увидели ясное небо и спокойный ландшафт в утреннем свете. Я указал Хиллари вниз на маленькую точку — монастырь Тьянгбоче, пять тысяч метров под нами.

«Бог моего отца и моей матери, — произнёс я про себя, — будь милостив ко мне сегодня».

Однако с самого начала нас ожидала неприятность: ботинки Хиллари замёрзли за ночь и превратились прямо-таки в чугунные слитки. Целый час пришлось отогревать их над примусом, разминать и изгибать. В конце концов вся палатка наполнилась запахом палёной кожи, а мы оба дышали так тяжело, словно уже шли на штурм. Хиллари был очень озабочен задержкой и беспокоился за свои ноги.

— Боюсь, как бы мне не обморозиться вроде Ламбера, — сказал он.

Наконец он обулся, и мы стали готовить остальное снаряжение. В этот решающий день на мне была одежда из самых различных мест. Сапоги, как я уже говорил, были швейцарские, куртку и некоторые другие предметы выдали мне англичане. Носки связала Анг Ламу, свитер подарила миссис Гендерсон из Гималайского клуба. Шерстяной шлем остался мне на память от Эрла Денмана. И, наконец, самое главное, мой красный шарф я получил от Раймона Ламбера. Он вручил его мне в конце осенней экспедиции и сказал с улыбкой: «Держи, может быть, пригодится». И с тех самых пор я твёрдо знал, для чего именно мне должен пригодиться шарф Ламбера.

В 6.30 мы выбрались из палатки наружу. Погода стояла по-прежнему тихая и безветренная. На руках у нас было по три пары рукавиц: шёлковые, затем

шерстяные и сверху ветронепроницаемые. Мы нацепили на обувь кошки и взвалили на спины четырнадцатикилограммовые кислородные аппараты — вся наша ноша на последнем отрезке восхождения. Древко моего ледоруба было плотно обернуто четырьмя флажками, а в кармане куртки лежал огрызок красно-синего карандаша.

— Готов?

— А ча. Готов.

И мы пошли.

Ботинки Хиллари все ещё не размялись как следует, у него мёрзли ноги, и он попросил меня идти впереди. Так мы и двигались некоторое время, соединённые верёвкой, — от лагерной площадки вверх, к юго-восточному гребню, затем по гребню к Южной вершине. Местами нам попадались следы Бурдиллона и Эванса, по ним даже можно было идти, но большинство следов уже замело ветром, и мне приходилось вытаптывать или вырубать новые ступени. Спустя некоторое время мы добрались до места, которое я узнал: здесь мы с Ламбером остановились и повернули обратно. Я указал Хиллари на это место и попытался объяснить ему через кислородную маску, в чем дело, а сам думал о том, как отличается этот штурм от прошлого: тогда ветер и мороз, теперь яркое солнце; думал о том, что в этот день нашего решающего броска нам сопутствует удача. Хиллари уже разошёлся, и мы поменялись местами; мы так и продолжали затем сменяться — то один, то другой шёл впереди, делая ступеньки. Ближе к Южной вершине нам удалось отыскать два кислородных баллона, оставленные для нас Бурдиллоном и Эвансом. Мы соскребли лёд с манометров и обнаружили, к своей радости, что баллоны полны. Это означало, что у нас есть в запасе кислород на обратный спуск к седлу и что мы можем позволить себе расходовать больше на последнем отрезке подъёма. Мы оставили находку

лежать на месте и пошли дальше. До сих пор все, за исключением погоды, шло так же, как в прошлом году: крутой зубчатый гребень, налево скалистый обрыв, направо снежные карнизы скрывают второй обрыв. Но дальше, как раз под Южной вершиной, гребень расширился, образуя снежный откос, и главная крутизна находилась уже не по сторонам, а впереди нас — мы поднимались почти отвесно вверх по белой стене. Хуже всего было то, что снег оказался рыхлым и все время скользил вниз — и мы вместе с ним; один раз я даже подумал: «Теперь он уже не остановится, и мы проскользнем с ним до самого подножья». Для меня это было единственное по-настоящему трудное место на всем подъеме — тут дело зависело не только от твоих собственных действий, но и от поведения снега под тобой, которое невозможно было предугадать. Редко мне приходилось бывать в таком опасном месте. Даже теперь, вспоминая его, я ощущаю то же, что ощущал тогда, и у меня пробегают мурашки по телу.

В конце концов мы все же преодолели стену и в девять часов ступили на Южную вершину, высшую точку, достигнутую Бурдиллоном и Эвансом. Здесь мы отдыхали минут десять, глядя на то, что ещё предстояло. Идти оставалось немного, каких-нибудь сто метров, однако эта часть гребня была ещё круче и уже, чем предыдущая, и хотя не казалась непреодолимой, но было очевидно, что нам придётся нелегко. Слева, как и прежде, зияла пропасть до самого Западного цирка в двух с половиной тысячах метров под нами. Палатки лагеря IV в цирке казались крохотными точками. Справа по-прежнему тянулись снежные карнизы, нависая над бездной, от края которой до ледника Каншунг внизу было свыше трех тысяч метров. Путь к вершине пролегал по узкой извилистой полоске между двумя пропастями. Стоило чуть уклониться влево или вправо — и тогда конец.

На Южной вершине случилось долгожданное событие: кончился кислород в первом из двух баллонов, которые каждый из нас нёс с собой, и мы смогли сбросить по баллону, сразу уменьшив груз до девяти килограммов. Ещё одно приятное открытие ждало нас, когда мы пошли дальше, — снег под ногами оказался твёрдым и надёжным. Это имело решающее значение для успешного преодоления последнего отрезка.

— Все в порядке?

— А ча. Все в порядке.

Сразу после Южной вершины начинался небольшой спуск, но затем мы опять принялись карабкаться вверх. Все время приходилось опасаться, что снег под ногами поедет или же мы зайдём слишком далеко на снежный карниз и он не выдержит нашего веса; поэтому мы двигались поочерёдно — один шёл вперед, а другой в это время обвязывал верёвку вокруг ледоруба и втыкал его в снег в качестве своего рода якоря. Погода по-прежнему держалась хорошая, мы не ощущали особой усталости. Все же то и дело, как и на всем протяжении восхождения, становилось трудно дышать. Приходилось останавливаться и очищать ото льда патрубки кислородных аппаратов. В этой связи должен сказать по чести, что Хиллари не совсем справедлив, когда утверждает, будто я чаще сбивался с дыхания и без его помощи мог бы совсем задохнуться^[18]. Мне кажется, что наши затруднения были одинаковыми и, к счастью, не слишком большими. Каждый помогал другому и принимал от него такую же помощь.

Отдохнув немного, мы возобновили восхождение, пробираясь все выше между пропастью и карнизами. И вот мы оказались перед последним серьёзным препятствием на пути к вершине: отвесной скальной стенкой, которая возвышается как раз на гребне, мешая дальнейшему продвижению. Мы уже знали эту скалу,

видели её на аэрофотографиях и разглядывали снизу в бинокли из Тьянбоче. Теперь вставал вопрос: как перебраться через скалу или обойти её? Оказалось, что имеется только один возможный проход — крутая узкая расщелина между самой скалой и прилегающим карнизом. Хиллари пошёл первым; медленно и осторожно он выбрался на широкий уступ. При этом ему приходилось подниматься спиной вперёд, упираясь ногами в карниз, и я напрягал все силы, страхуя его, так как очень боялся, что карниз не выдержит. К счастью, все обошлось. Хиллари благополучно выбрался на вершину скалы; затем поднялся и я с помощью верёвки, которую он держал.

Здесь я снова должен сказать по чести, что не считаю его рассказ, приведённый в книге «Восхождение на Эверест», совершенно точным. Во-первых, Хиллари определяет высоту скальной стенки примерно в двенадцать метров, я же думаю, что она не превышала пяти. Далее, из рассказа Хиллари следует, будто по-настоящему лез, собственно, только он, а меня он буквально втащил наверх, причём я свалился, «задыхаясь, обессиленный, подобно огромной рыбе, вытасченной из моря после ожесточённой борьбы». С тех пор мне не раз приходилось глотать эту «рыбу», и должен сказать, что мне это ничуть не нравится. Истина заключается в том, что никто не тащил и не волочил меня. Как и Хиллари, я лез по расщелине сам; а если он страховал меня в это время, так ведь и я сделал то же для него. Говоря обо всем этом, я должен объяснить одну вещь. Хиллари мой друг. Он превосходный альпинист и прекрасный человек, и я горжусь тем, что взошёл вместе с ним на вершину Эвереста. Однако мне кажется, что в своём рассказе о нашем завершающем восхождении Хиллари не совсем справедлив ко мне. Все время он даёт понять, что когда дело шло хорошо, то исключительно благодаря ему, если же были

затруднения, то только из-за меня. Между тем это просто неправда. Никогда я не стану утверждать, будто мог бы взять Эверест в одиночку. Мне думается, что и Хиллари не следовало наемать, будто он мог совершить штурм один и я не дошёл бы до вершины без его помощи. Всю дорогу туда и обратно мы взаимно помогали друг другу — так оно и должно быть. Но мы не были ведомым и ведущим. Мы были равноправными партнёрами.

Одолев скалу, мы снова отдохнули. Естественно, мы дышим тяжело, поднявшись по расщелине, однако, вдохнув несколько раз кислород, я чувствую себя превосходно. Смотрю наверх — вершина совсем рядом; сердце бьётся в радостном волнении. Восхождение продолжается. Все те же карнизы справа и пропасть слева, но гребень уже не так крут. Теперь он представляет собой ряд покрытых снегом выступов, один за другим, один выше другого. Мы по-прежнему опасаемся карнизов и, вместо того чтобы следовать по самому гребню, уклоняемся чуть влево — здесь вдоль края пропасти тянется снежный откос. Метрах в тридцати от вершины нам попадает последний участок голой скалы. Видим ровную площадку, достаточную для разбивки двух палаток, и я спрашиваю себя: может быть, здесь, совсем рядом с наивысшей точкой земного шара, когда-нибудь будет разбит лагерь? Подбираю два камешка и кладу в карман; они спустятся со мной в тот мир, внизу. Но вот скала позади, мы снова окружены белыми выступами. Они уклоняются вправо; пройдя очередной выступ, я каждый раз спрашиваю себя: может быть, следующий выступ будет последним? Когда же последний? Наконец мы выбираемся на такое место, откуда видно то, что находится за выступами — голубой небесный простор и бурые равнины. Вдали раскинулся Тибет. А

впереди — всего один выступ, последний. Гора не увенчана острым пиком. Нас отделяет от последнего выступа лёгкий для восхождения снежный откос, достаточно широкий, чтобы два человека могли идти рядом. Пройдя по нему метров десять, мы на миг останавливаемся, чтобы взглянуть наверх. Затем шагаем дальше...

Я много думал о том, что собираюсь рассказать сейчас: как мы с Хиллари достигли вершины Эвереста. Позднее, когда мы вернулись с горы, было много глупых разговоров о том, кто же ступил на вершину первым. Одни говорили — я, другие — Хиллари. Говорили, что дошёл только один из нас или даже никто. Говорили, что один из нас дотащил другого до вершины. Все это чепуха. Чтобы прекратить эту болтовню, мы с Хиллари подписали в Катманду заявление, в котором говорится, что мы «достигли вершины почти одновременно». Мы надеялись, что наше заявление положит конец всем толкам. Но нет, на этом не кончилось. Люди продолжали допытываться и сочинять истории. Они указывали на слово «почти» и спрашивали: «Как это понимать?» Восходители понимают всю бессмысленность такого вопроса, они знают, что связка представляет собой одно целое, и все тут. Но другие люди этого не понимают. Должен с сожалением признать, что в Индии и в Непале меня всячески побуждали заявить, будто я достиг вершины раньше Хиллари. По всему свету меня спрашивают: «Кто ступил на вершину первым? Кто был первым?»

Повторяю ещё раз: это глупый вопрос, отвечать на него нет никакого смысла. И вместе с тем вопрос этот задают так часто, он вызвал столько кривотолков, пересудов и недоразумений, что я теперь, после долгих раздумий, считаю себя вынужденным дать ответ. Отвечаю не ради себя и не ради Хиллари, а ради

Эвереста и ради будущих поколений. «Почему, — спросят они, — вокруг этого вопроса устроили тайну? Разве тут есть чего стыдиться? Есть что скрывать? Почему мы не должны знать истину?..» Итак, пусть знают истину. Слишком велик Эверест, чтобы в отношении него можно было допустить неправду.

Немного не доходя вершины, мы с Хиллари остановились. Мы глянули вверх, пошли дальше. Нас соединяла верёвка длиной около десяти метров, однако я держал большую часть её смотанной в руке, так что нас разделяло не более двух метров. Я не думал о «первом» и «втором». Я не говорил себе: «Там лежит золотое яблоко. Сейчас оттолкну Хиллари в сторону и схвачу яблоко первый». Мы шли медленно, но верно. И вот мы достигли вершины. Хиллари ступил на неё первый, я за ним.

Итак, вот он, ответ на «великую загадку». И если после всех разнотолков и споров ответ покажется мирным и простым, то могу только сказать, что иначе и быть не могло. Знаю, многие мои соотечественники будут разочарованы. Они ошибочно придавали большое значение тому, чтобы я был «первым». Они относятся ко мне хорошо, даже замечательно, и я им многим обязан. Но ещё большим я обязан Эвересту и истине. Если это позор для меня, что я оказался на шаг позади Хиллари, — что ж, буду жить с этим позором. Однако сам я этого позором не считаю. И я не думаю, чтобы в конечном счёте на меня навлекло позор то обстоятельство, что я рассказываю все, как было. Снова и снова я спрашиваю себя: «Что будут думать о нас грядущие поколения, если мы оставим обстоятельства нашего подвига скрытыми в таинственной мгле? Не будут ли они стыдиться за нас, двух товарищей на жизнь и на смерть, которые скрывают что-то от людей?» И всякий раз ответ был один и тот же:

«Будущее требует только истины. Эверест требует только истины».

И вот истина сказана, судите меня, исходя из неё.

Мы поднялись. Мы ступили на вершину. Мечта стала явью.

Первым делом мы сделали то, что делают все альпинисты, взойдя на вершину горы: пожали друг другу руку. Но разве можно было ограничиться этим на Эвересте! Я принялся размахивать руками, потом обхватил Хиллари, и мы стали колотить друг друга по спине, пока не задохнулись, несмотря на кислород. Потом мы стали смотреть кругом. Было полдвенадцатого дня, сияло солнце, а небо — во всю жизнь я не видел неба синее! Со стороны Тибета дул легчайший ветерок, и снежное облачко, всегда окутывающее вершину Эвереста, было совсем маленьким. Я глядел вниз и узнавал места, памятные по прошлым экспедициям: монастырь Ронгбук, деревню Шекар Дзонг, долину Кхарта, Ронгбукский ледник, Северное седло, площадку возле северо-восточного предвершинного гребня, на котором мы разбили лагерь VI в 1938 году. Потом я обернулся и окинул взором долгий путь, пройденный нами: Южная вершина, длинный гребень, Южное седло, Западный цирк, ледопад, ледник Кхумбу, дорога до Тьянгбоче и дальше по долинам и взгорьям моей родной страны.

А ещё дальше и со всех сторон вокруг нас высились великие Гималаи, занимающие большую часть Непала и Тибета. Чтобы видеть вершины ближних гор, таких гигантов, как Лхотсе, Нуптсе и Макалу, надо было теперь смотреть прямо вниз. Выстроившиеся за ними величайшие вершины мира, даже сама Канченджунга, казались маленькими холмиками. Никогда ещё я не видел такого зрелища и никогда не увижу больше — дикое, прекрасное и ужасное. Однако я не испытывал ужаса. Слишком сильно люблю я горы, люблю Эверест.

В великий момент, которого я ждал всю жизнь, моя гора казалась мне не безжизненной каменной массой, покрытой льдом, а чем-то тёплым, живым, дружественным. Она была словно наседка, а остальные вершины — цыплята, укрывшиеся под её крыльями. Мне казалось, что я сам могу раскинуть крылья и прикрыть ими мои любимые горы.

Мы выключили кислород. Даже здесь, на высочайшей точке земли, можно было обходиться без него, если только не напрягать свои силы. Мы соскребли лёд, образовавшийся на масках, я сунул в рот леденец. Потом мы снова надели маски; но кислород не включали, пока не приготовились уходить обратно вниз. Хиллари достал фотоаппарат, спрятанный у него под одеждой для защиты от холода, а я развернул флаги, обмотанные вокруг ледоруба. Они были надеты на шнур, привязанный к концу ледоруба; я поднял его вверх, и Хиллари сфотографировал меня. Он заснял три кадра, и я считаю большой удачей, что один из кадров вышел так хорошо в таких трудных условиях. Флаги следовали сверху вниз в такой последовательности: Объединённых Наций, Великобритании, Непала и Индии. Те самые люди, которые так старались извратить ход нашей экспедиции, пытались и этому придать какой-то политический смысл. По этому поводу могу только сказать, что я совершенно не думал о политике. В противном случае я, вероятно, поместил бы индийский или непальский флаг выше, хотя и тут передо мной возникла бы нелёгкая проблема — кому отдать предпочтение. А так я рад тому, что выше всех был флаг ООН: ведь наша победа была не только нашей, не только победой наших наций, но победой всех людей.

Я предложил Хиллари сфотографировать его, однако он почему-то отрицательно мотнул головой — не захотел. Вместо этого он продолжал снимать сам все, что простиралось вокруг, а я тем временем был занят важным делом. Я вытащил из кармана взятые с собой сладости и огрызок красно-синего карандаша, полученный от Нимы, вырыл ямочку в снегу и положил все в неё. Увидев, что я делаю, Хиллари протянул маленькую тряпичную кошку, чёрную с белыми глазами

— талисман, полученный им от Ханта; я положил кошечку туда же. В своём рассказе о восхождении Хиллари говорит, что получил от Ханта и оставил на вершине распятие; если это и было так, то я ничего не заметил. Я получил от него только тряпичную кошечку и положил в снег рядом с карандашом и сладостями. «Дома, — подумал я, — мы угощаем сладостями тех, кто нам близок и дорог. Эверест всегда был мне дорог, теперь он ещё и близок мне». Прикрывая дары снегом, я произнёс про себя молитву и благодарность. Семь раз ходил я на гору своей мечты, и вот на седьмой раз, с божьей помощью, мечта стала явью.

«Туджи чей, Чомолунгма. Благодарю тебя...» Мы пробыли на вершине уже около пятнадцати минут. Пора было уходить. Ледоруб требовался для спуска, и я не мог оставить его с флагами, поэтому я отвязал шнур, расстелил флажки на снегу, а концы шнура засунул возможно глубже в снег. Несколько дней спустя индийские самолёты пролетели вокруг вершины, чтобы сфотографировать её, однако пилоты сообщили, что не обнаружили никаких оставленных нами предметов. Возможно, самолёты летели чересчур высоко, или ветер унёс флажки — не знаю.

Перед тем как уходить, мы ещё раз внимательно осмотрели все кругом. Удалось ли Меллори и Ирвину побывать на вершине перед своей гибелью? Не осталось ли здесь чего-нибудь после них? Мы смотрели очень внимательно, но не смогли ничего обнаружить. И все же они были здесь — в моих мыслях, и, я уверен, в мыслях Хиллари тоже. И не только они — все те, кто ходил на Эверест раньше, белые и шерпы; англичане и швейцарцы, замечательные восходители, отважные люди; тридцать три года они мечтали и шли на штурм, боролись и терпели поражения на этой горе, и наша победа оказалась возможной только благодаря их усилиям, опыту и открытиям. Я думал о наших

товарищах внизу — без них, без их помощи и самопожертвования мы никогда не были бы здесь. Но всего ярче мне представлялся образ друга, образ Ламбера. Я видел его так близко, так отчётливо, что казалось, это не воображение, а он действительно стоит рядом со мной. Стоит мне обернуться, и я увижу широкую улыбающуюся физиономию, услышу его голос: «*Ca va bien, Тенцинг! Ca va bien!*»

Но ведь шарф Ламбера был и в самом деле со мной. Я обернул его потуже вокруг шеи. «Когда вернусь, — сказал я себе, — пошлю шарф хозяину». Так я и сделал.

После взятия Эвереста мне задавали множество вопросов, и не одни только политические. Вопросы восточных людей часто касались дел религиозных и сверхъестественных. «Увидел ли ты бога Будду на вершине?» — спрашивали меня. Или: «Видел ли ты бога Шиву?» Многие верующие всячески пытались заставить меня объявить, будто на вершине мне явилось видение или на меня снизошло откровение. Но и тут, хотя это может разочаровать людей, я должен говорить только правду, а правда заключается в том, что на Эвересте я не увидел ничего сверхъестественного и не ощутил ничего сверхчеловеческого. Я ощущал большую близость к богу, и этого было мне достаточно. В глубине сердца я поблагодарил бога, а перед спуском обратился к нему с весьма земной и деловой просьбой — чтобы он, даровав нам победу, помог нам также спуститься живыми вниз.

Мы включили кислородные аппараты и снова двинулись в путь. Как ни хотелось нам спуститься побыстрее, мы шли медленно и осторожно — ведь мы все-таки утомились и реагировали не так чётко, а большинство несчастий в горах случается именно из-за того, что уставший человек пренебрегает осторожностью при спуске. Шаг за шагом спускались мы по крутому снежному склону, чаще всего пользуясь

ступеньками, которые сделали на пути вверх. Скалу с расщелиной преодолели без особых затруднений; я так даже просто сбегал по ней вприпрыжку. Затем опять пошли по гребню, вбивая каблуки в снег и скользя. Час спустя мы добрались до Южной вершины. Всю эту часть спуска Хиллари шёл впереди, а я сзади, страхуя его в опасных местах. Несмотря на утомление, мы сохраняли ещё силы. Больше всего нас беспокоила жажда, потому что вода во флягах замёрзла, а есть снег означало только подвергать рот и горло опасности воспаления.

На Южной вершине мы передохнули. Далее следовал крутой снежный откос: он был теперь даже ещё опаснее, чем во время подъёма. Хиллари напрягал все силы, чтобы не сорваться на спуске; он так сильно сгибал колени, что то и дело садился на снег. А я крепко сжимал в руках верёвку и натягивал её, на случай если он поскользнётся — ведь дальше внизу не было ничего до самого ледника Каншунг, тремя тысячами метрами ниже. Но и этот участок мы преодолели благополучно. Теперь самое худшее было позади. Немного спустя мы подобрали кислородные баллоны, оставленные Бурдиллоном и Эвансом, — подобрали как раз вовремя: наши собственные запасы были уже на исходе. Около двух часов пополудни добрались до верхней палатки, остановились и отдохнули; я подогрел на примусе немного лимонада. Мы пили впервые за много часов, и казалось, новая жизнь вливается в наши тела.

Но вот и лагерь IX остался позади. Мы пошли вдоль гребня, мимо остатков швейцарской палатки, вниз по большому кулуару к Южному седлу. Здесь кое-где сохранились наши старые следы, но кое-где ветер стёр их, а спуск был настолько крут, что приходилось вырубать новые ступени, потому что даже кошки не могли предохранить нас от скольжения.

Мы поменялись местами — теперь я шёл впереди, выдалбливая ступеньки то каблуком, то ледорубом. Часы тянулись бесконечно долго. Но вот показались палатки на седле и движущиеся точки около них. Постепенно палатки и точки становились все крупнее. Наконец мы ступили на более удобный откос над самым седлом. К нам навстречу спешил Лоу, начальник этого лагеря. Он обнял нас, тут же напоил горячим кофе, а затем довёл, с помощью остальных, до самого лагеря.

Грегори ушёл несколько раньше в этот же день вниз. Зато снизу поднялся Нойс с шерпой Пасангом Пхутаром^[19], и теперь они с Лоу приняли все меры к тому, чтобы согреть нас и устроить поудобнее. Лоу уже напоил нас кофе, теперь Нойс принёс чай. Видно, он очень волновался и опрокинул примус, когда кипятил воду, потому что чай был с сильным привкусом керосина, но это не имело никакого значения. Глотая этот чай, я думал, что он для меня вкуснее самых свежих сливок, потому что приготовлен от души. Конечно, нас засыпали вопросами, но в тот момент мы долго были не в силах отвечать. Мы нуждались в отдыхе. Становилось темно и холодно, мы забрались в свои спальные мешки, Хиллари в одной палатке с Лоу и Нойсом, я в другой палатке с Пасангом. Я лежал тихо, дыша «ночным кислородом», и старался уснуть. Я чувствовал себя а ча — хорошо, но сильно устал. Было трудно и думать и чувствовать.

«Настоящая радость, — подумал я, — придёт позже».

И радость пришла. А за ней и кое-что другое. Но сначала радость.

На следующий день снова выдалась замечательная погода, сияло солнце. И хотя мы, конечно, устали и ослабели после трехдневного пребывания на такой высоте, мы совершили длинный переход вниз до Южного седла в приподнятом настроении. Англичане оставили большую часть своих вещей в лагере VIII, я же нёс три-четыре сумки со снаряжением, флягу и один из двух фотоаппаратов Лоу, забытый им от волнения. В пути нам встречались поджидавшие нас друзья. В лагере VII майор Уайли и несколько шерпов; ниже лагеря VI — Том Стоварт со своим киноаппаратом. В лагере V собрались ещё шерпы, в том числе Дава Тхондуп и мой молодой племянник Гомбу. Каждая новая встреча сопровождалась взволнованными разговорами; в лагере V шерпы напоили нас чаем и настояли на том, чтобы нести мой груз всю остальную часть пути.

Наконец в лагере IV, передовой базе экспедиции, нас ожидала основная группа. Они поспешили навстречу, едва мы ступили на длинный снежный склон цирка, и мы сначала не показали виду, что

возвращаемся с победой. Однако когда оставалось около пятидесяти метров, Лоу уже не мог больше сдержаться, поднял вверх руку с отставленным большим пальцем и указал зажатым в другой руке ледорубом в сторону вершины. С этой минуты началось ликование, какого, сдаётся мне, Гималаи не наблюдали за всю свою историю. В тяжёлых ботинках, по глубокому снегу товарищи спешили нам навстречу чуть ли не бегом. Хант обнял Хиллари и меня. Я обнял Эванса. Все обнимали друг друга.

— Это правда? Это правда? — твердил Хант снова и снова. И опять восторженно обнимал меня. Глядя на нас со стороны в ту минуту, никто не увидел бы какого-либо различия между англичанами и шерпами. Все мы были просто восходители, успешно штурмовавшие вершину.

Несколько часов мы пили, ели и отдыхали — и рассказывали, рассказывали без конца. Это был чудесный вечер, наверное самый счастливый в моей жизни. Я не знал в тот момент, что уже тогда произошли события, вызвавшие впоследствии немалые осложнения и недоразумения. Незадолго до того индийское радио передало неверное известие, будто мы потерпели неудачу. Теперь англичане послали победную весть — гонец доставил её в Намче Базар, а оттуда по радио сообщили в Катманду. Но телеграмма была зашифрована и адресована лично английскому послу, который переправил её в Лондон, а других известил только спустя сутки. Насколько я понимаю, англичане хотели, чтобы первой узнала новость королева Елизавета, а последующее опубликование известия должно было явиться звеном коронационных торжеств. Для англичан это подошло как нельзя лучше, восторгам и ликованию не было предела, зато для многих жителей Востока получилось как раз наоборот: они узнали новость с опозданием на день и притом с противоположного конца света. В таком положении

оказался даже король Непала Трибхувана, в чьей стране находится Эверест!

Я уже сказал, что ничего не знал в тот момент — я сам мог бы сразу же послать шерпского гонца в Намче Базар, и возможно все получилось бы иначе. Но я спросил себя: «Зачем?» Я работал на англичан: как говорим мы, шерпы, я «ел их соль». Они организовали экспедицию — почему бы им не действовать по-своему и дальше? Итак, я не стал посылать никакого гонца и попросил остальных шерпов не сообщать никому новость, пока она не будет обнародована. А позднее стали болтать, будто я поступил так потому, что меня подкупили англичане, говорили даже, что меня подкупили, чтобы я говорил, будто Эверест взят, тогда как на деле мы не взяли его. На первое из этих обвинений отвечу только, что это совершённая неправда. Второе обвинение настолько смехотворно, что на него и отвечать не стоит.

Говоря, что я не послал никакой вести, я имею в виду официальное сообщение, предназначенное для опубликования. Впервые за много недель я был в состоянии думать о чем-то помимо восхождения, помимо ожидавшей меня вершины. Мои мысли обратились к любимым, которые ждали меня дома, и в эту ночь в лагере IV один из моих друзей написал с моих слов письмо Анг Ламу. «Это письмо от Тенцинга, — говорилось в нем. — Вместе с одним англичанином я достиг вершины Эвереста 29 мая. Надеюсь, вы будете рады. Больше писать не могу. Простите меня». После этих слов я подписал своё имя.

В лагере IV я провёл одну ночь. Половину ночи мы праздновали, половину — отдыхали. На следующее утро я думал только о том, чтобы завершить спуск — за один день прошёл вниз по цирку и ледопаду, затем до базового лагеря, вместе с шерпами Анг Черингом и Гомбу, моим племянником. «Теперь я свободен, — думал

я все время. — Эверест освободил меня». Я был счастлив, потому что не знал, насколько ошибаюсь... В базовом лагере я также провёл лишь одну ночь, после чего прошёл больше шестидесяти километров вниз по ледникам и долинам до Тами, повидать мать. Я рассказал ей о нашей победе, и она была очень обрадована. Глядя мне в лицо, мать сказала:

— Сколько раз я отговаривала тебя ходить на эту гору! Теперь тебе не надо больше идти туда.

Всю свою жизнь она верила, что на вершине Эвереста обитают золотая птичка и лев из бирюзы с золотой гривой, — пришлось разочаровать её, когда она спросила меня об этом. Зато на вопрос, видел ли я с вершины Ронгбукский монастырь, я смог ответить утвердительно, и это очень порадовало её.

Я пришёл в Тами один и провёл здесь два дня с матерью и младшей сестрой. Впервые с самого детства я пробыл так долго в родной деревне. Все приходили повидаться со мной, чанг лился рекою, и я готов сознаться, что «утратил спортивную форму», как говорят англичане. Но затем, памятуя о своих обязанностях, подобрал около ста носильщиков для доставки снаряжения обратно в Катманду и отправился с ними в Тьянгбоче. Перед уходом я спросил мать, не согласится ли она пойти со мной в Дарджилинг и поселиться там у меня. Она ответила: «Это было бы неплохо, но я слишком стара, тебе будет слишком много хлопот со мной». Как я ни настаивал, она продолжала отказываться. Пришлось мне ещё раз расстаться со своей ама ла. Зато по пути из Тами в Тьянгбоче я встретил старшую сестру Ламу Кипу с мужем и двумя дочерьми, и они согласились переехать ко мне.

Тем временем экспедиция группа за группой возвращалась с горы в Тьянгбоче, и здесь царило страшное возбуждение и переполох. Было очень трудно

найти достаточное количество носильщиков — близился период муссона, дождей, и мало кто соглашался идти с нами. К тому же взятие Эвереста вызвало почти столько же огорчения, сколько радости; шерпы опасались, что теперь не будет больше экспедиций, не будет работы. А ламы (они всегда относились неодобрительно к попыткам взять Эверест) пророчили, что наш успех навлечёт на всех немилость богов. Наконец нам удалось кое-как все уладить, и мы приготвились выступить в путь. Полковник Хант заявил, что пойдёт впереди главного отряда. Ему предстояли срочные дела, в том числе согласование моей поездки в Англию. Этого я не предвидел. Думая о будущем, я представлял себе только, что вернусь в Дарджилинг, отдохну, а затем, если хватит денег, построю себе новый домик. Я всё ещё не имел ни малейшего представления о том, что меня ожидало.

Очень скоро, однако, я обнаружил, что отныне вся моя жизнь пойдёт иначе. Уже в Тьянбоче мне вручили телеграмму от Уинстона Черчилля, а затем последовал целый поток посланий. Мне и самому хотелось отправить одно послание: передать Анг Ламу, чтобы она вместе с дочерьми встречала меня в Катманду. Я сказал об этом майору Уайли, добавив, что сам заплачу гонцу. Как всегда, он охотно вызвался помочь мне; послание было отправлено за счёт экспедиции. И в последующие дни нашего долгого путешествия до Катманду Уайли всячески заботился обо мне: давал добрые советы, помогал объясняться с иностранцами и отвечать на письма.

— Вы видите теперь, какая жизнь вам предстоит, — говорил он мне.

А между тем это было только начало, меня ожидал ещё не один горький урок.

Мы шли вверх и вниз по холмам и долинам Непала. С каждым днём толпы встречающих и восторги все

возрастали. Спустя примерно десять дней, когда нас отделяло от Катманду восемьдесят километров, я получил приятную новость, что Анг Ламу уже прибыла туда с девочками. Однако большинство людей приходило к нам не с новостями, а за новостями. Вскоре я шёл в окружении целого отряда журналистов. Были здесь непальцы, индийцы, англичане, американцы, и, кроме рассказа о восхождении, многие из них добивались от меня всякого рода заявлений по национальным и политическим вопросам. Майор Уайли заранее предупредил меня, что так будет, и посоветовал быть осторожным; теперь я всячески старался следовать его совету.

Это было нелегко. Множество людей вертелось вокруг, засыпая меня целым градом вопросов, причём на половину вопросов они, сдаётся мне, тут же сами и отвечали. В Хуксе я дал интервью Джеймсу Бэрку из журнала «Лайф», купившего у «Таймс» право на информацию об экспедиции для Америки. Несколько позже я встретился с корреспондентом «Юнайтед Пресс Ассошиэйшенс» Джоном Главачеком, с которым впоследствии подписал договор на серию статей. Англичане были в этом отношении связаны: перед началом экспедиции они подписали соглашение, что все их рассказы и фотографии будут считаться собственностью всей экспедиции в целом, которая, в свою очередь, имела контракт с «Таймс». Я же, хотя и считался членом экспедиции, не был связан таким обязательством и мог заключать сделки по своему выбору. В Катманду и позднее в Нью-Дели по этому поводу были споры и дискуссии. Полковник Хант убеждал меня присоединиться к контракту с «Таймс». Однако я отказался. Впервые за всю мою жизнь у меня появилась возможность заработать крупную сумму денег, и я не видел, почему бы мне не воспользоваться этой возможностью.

Но это были все мелочи. Настоящие осложнения начались в Дхаулагате, немного не доходя Катманду, где навстречу нам вышла целая толпа непальцев и чуть не увела меня от всей экспедиции. После меня не раз спрашивали, были ли это коммунисты, но я просто не знаю этого. Зато я знаю, что они были националисты, притом фанатики, что их ничуть не интересовал Эверест и действительные обстоятельства его взятия, а только и исключительно политика. Они добивались от меня, чтобы я назвался непальцем, не индийцем. И ещё, чтобы я заявил, что достиг вершины раньше Хиллари. Я ответил им, что не заинтересован в политике и в ссорах с англичанами, и попросил оставить меня в покое. «До сих пор, — сказал я им, — никому не было дела до моей национальности. С чего вдруг такой интерес теперь? Индиец, непалец — какая разница?» Я пытался внушить им то же самое, что сказал в интервью Джеймсу Бэрку: «Все мы члены одной большой семьи — Хиллари, я, индийцы, непальцы, все люди на свете!»

Однако они никак не хотели уgomониться. Они чуть не свели меня с ума. Они сами подсказывали мне ответы и заставляли подписывать бумаги, которых я даже не мог прочесть. И все это время толпа продолжала расти. Меня отделили от моих товарищей, толкали и вертели, словно куклу. «Чего они хотят от меня? — удивлялся я. — Знай я, что дела обернётся таким образом, я оставался бы у себя в Соло Кхумбу».

20 июня наш отряд спустился с предгорий на Непальскую равнину. В Бонепа, где начинается шоссе, меня усадили в «джип» и заставили переодеться в непальскую одежду. К этому времени я до того устал и растерялся, что позволял делать с собой все, что угодно. В каждом городе и деревне, через которые мы проезжали, происходили торжественные встречи. Толпы людей размахивали флажками и вымпелами.

«Тенцинг синдабад!» — кричали они. — «Да здравствует Тенцинг!»

Конечно, мне были приятны такие горячие приветствия. Однако признаюсь, что предпочёл бы вернуться домой тихо и мирно, как это бывало всегда до тех пор.

В пяти километрах от Катманду меня поджидали жена и дочери; мы крепко обняли друг друга, счастливые завоёванной победой. Анг Ламу обернула вокруг моей шеи кхада — священный платок. Пем Пем и Нима повесили мне на плечи гирлянды, я рассказал Ниме, что положил её карандашик там, где она просила. Оказалось, что в течение последних недель у них была почти такая же суматошная жизнь, как у меня. Великую новость они узнали в Дарджилинге только утром 2 июня, в дождливый серый день, от друзей, услышавших её по радио. С этой минуты жизнь их совершенно изменилась. Важные чиновники приходили к ним с визитом, почта приносила множество посланий, строились всевозможные планы. По всему городу распространялись мои фотографии, а Рабиндранат Митра договорился с одним поэтом, и тот сочинил про меня песню, которую скоро распевали на всех улицах. Все это очень радовало моих родных, но больше всего им хотелось получить весточку от меня; между тем письмо, в котором я просил их приехать в Катманду, так и не дошло. Анг Ламу и сама собиралась ехать, только боялась, что я рассержусь, если она сделает это, не договорившись предварительно со мной.

— Почему нет телеграммы от моего мужа? — спрашивала она то и дело. — Я дам десять рупий тому, кто доставит мне её с почты.

Но телеграмма все не шла (я так и не смог выяснить, что с ней случилось), и, прождав одиннадцать дней, Анг Ламу решила ехать, будь что будет. У неё не было ни денег, ни подходящей одежды,

но Митра дал ей сто рупий, заработанных на продаже моих фотографий, да потом раздобыл ещё четыреста рупий на поездку с помощью миссис Гендерсон из Гималайского клуба и других друзей. Анг Ламу выехала из Дарджилинга с дочерьми и прибыла в Катманду самолетом через Патна, опередив меня на четыре дня. С ними прилетели Пасант Пхутар (уже третий), ветеран-горец, наш близкий друг и родственник, и Лакпа Черинг, представлявший нашу ассоциацию.

Впрочем, в тот сумасшедший день, когда я сам добрался до Катманду, у нас вовсе не было времени переговорить обо всем этом. Не прошло и нескольких минут, как меня оторвали от родных и усадили вместо «джипа» в коляску, запряжённую лошадьми; туда же сели другие восходители, которых я не видел некоторое время, в том числе Хант и Хиллари. И вот мы двинулись через город, окружённые ещё невиданной толпой. Нас осыпали рисом, цветной пудрой, монетами, причём монеты колотили меня по черепу так, что я стал опасаться головной боли. Спасть от них было невозможно, потому что я не мог смотреть во все стороны одновременно. Большую часть времени я стоял в коляске, улыбаясь и сложив ладони пальцами кверху в традиционном древнем индийском приветствии намасте.

Событий было столько, что трудно вспомнить, что происходило раньше, что позже.

Прямо в нашей испачканной экспедиционной одежде нас доставили в королевский дворец. Здесь участников восхождения приветствовал король Трибхувана, он вручил мне Непал Тара (Непальскую Звезду) — высшую награду страны; Хант и Хиллари получили другие награды. Как и многие другие обстоятельства этого времени, вопрос о почестях и полученных знаках отличия дал повод к осложнениям и недоразумениям. Дело в том, что в то самое время,

когда мне вручили одну непальскую награду, а Ханту и Хиллари — другую, не столь высокую, из Англии поступило сообщение, что королева возвела их в дворянское звание, а в отношении меня ограничились медалью св. Георга. Шум, поднятый вокруг всего этого, был не только нежелательным, но просто бессмысленным. После того как Индия стала независимой, её правительство, подобно американскому правительству ранее, запретило своим гражданам принимать иностранные титулы. Таким образом, если бы королева и удостоила меня такой чести, то я сам и моя страна оказались бы только в неловком положении. Лично для меня это было как чаи на — совершенно безразлично; дворянское звание не прибавило бы мне ни ума, ни красоты. Поняв причину, я ничуть не чувствовал себя обиженным или задетым.

Политика, политика... Внезапно со всех сторон начались осложнения. Непальцы отнеслись ко мне замечательно, они встретили меня так, что я не забуду, даже если проживу сто жизней. Однако в своих усилиях сделать из меня героя они зашли чересчур далеко: они почти совершенно пренебрегали англичанами, вместо того чтобы отнестись к ним как к почётным гостям. Слишком многие непальцы говорили глупые вещи, стараясь извратить факты в своих политических целях. Каких только диких выдумок не было: и что я тащил Хиллари на себе до вершины, и что он вообще не дошёл до верха, и что я чуть ли не один совершил все восхождение. А тут ещё эти нелепые заявления, которые меня заставили подписать, воспользовавшись моей растерянностью. Кончилось тем, что полковник Хант вышел из себя и заявил, что я не только не герой, но, с точки зрения техники лазания, вообще второразрядный альпинист. А это, разумеется, только подлило масла в огонь.

Непальские и индийские журналисты ходили за мной по пятам. Руководствуясь политическими мотивами, кое-кто пытался заставить меня высказаться против англичан, а я, обидевшись на слова Ханта, и в самом деле сказал кое-что, о чем позже сам сожалел. К счастью, добрая воля в наших сердцах восторжествовала. Ни англичане, ни я сам не хотели, чтобы великое событие было превращено в нечто мелкое и жалкое. И вот мы собрались 22 июня в канцелярии премьер-министра Непала и составили заявление, призванное положить конец всем разнотолкам. Один экземпляр, предназначенный для Хиллари, подписал я, другой — для меня, подписал Хиллари. Вот что написано в том экземпляре, который хранится у меня сейчас:

«29 мая мы с шерпой Тенцингом вышли из нашего верхнего лагеря на Эвересте на штурм вершины.

Во время восхождения на Южную вершину то один, то другой из нас шёл впереди.

Мы перешли через Южную вершину и стали подниматься по предвершинному гребню. Мы достигли вершины почти одновременно.

Мы обняли друг друга, счастливые своей победой; затем я сфотографировал Тенцинга с флагами Великобритании, Непала, Объединённых Наций и Индии.

Э. П. Хиллари»

Каждое слово в этом заявлении есть истинная правда. Именно так — мы достигли вершины *почти одновременно*. И так оно и оставалось до настоящего времени, когда по причинам, которые я уже изложил, мне кажется правильным рассказать все подробности.

Наряду с вопросом о том, кто первый достиг вершины, было много толков и споров относительно моей национальности. «Какое это имеет значение? — спрашивал я снова и снова. — При чем тут

национальность и политика, когда речь идёт о восхождении на гору?» Но разговоры не прекращались, и я решил обратиться к премьер-министру, мистеру Коирала. Я сказал ему:

— Я люблю Непал. Я родился здесь, это моя страна. Но теперь я уже давно живу в Индии. Мои дети выросли там, и мне надо думать об их образовании, об их будущем.

Мистер Коирала и остальные министры отнеслись ко мне приветливо, с полным пониманием. Они не пытались, подобно некоторым другим, оказывать давление на меня, а только сказали, что если я захочу остаться в Непале, то получу дом и другие льготы; далее они пожелали мне успеха и счастья, независимо от того, каким будет моё решение. Я остаюсь им глубоко благодарен за готовность помочь, когда я оказался в затруднительном положении. Как я сказал тогда для печати: «Я рождён из чрева Непала, а вырос на коленях Индии». Я люблю обе страны, чувствую себя сыном их обеих.

В Катманду мы оставались около недели, и каждый день устраивались новые торжества, новые церемонии, но происходили также новые осложнения. На этот раз мы, шерпы, спали не в гараже, а в непальской правительственной гостинице, так что в этом отношении все было в порядке. Впрочем, не совсем в порядке — приходилось защищать нас от толпы, которая осаждала экспедицию.

На один из вечеров в английском посольстве был назначен приём. Я получил приглашение, но отказался прийти; как и многое другое, это вызвало всевозможные пересуды, поэтому я объясню причину отказа. Дело в том, что годом раньше, находясь в Катманду вместе со швейцарцами, я пережил здесь неприятность. Из-за какой-то путаницы с организацией экспедиции я оказался однажды без ночлега и обратился тогда в

английское посольство, поскольку останавливался там вместе с Тильманом в 1949 году. Меня ожидало разочарование: полковник Пруд, первый секретарь посольства, указал мне на дверь. Меня это сильно обидело, а так как в 1953 году полковник Пруд по-прежнему работал в посольстве, я не счёл для себя возможным принять приглашение. Такова единственная причина моего отказа, он вовсе не был задуман как недружественный жест в отношении моих товарищей по Эвересту.

Но вот я оставил Катманду, вылетев в Калькутту в личном самолёте короля Трибхувана. Вместе со мной летели только моя семья и Лакпа Черинг, который стал для меня чем-то вроде советника. Остальные направились в Индию другими путями. В Калькутте нас поместили в Доме правительства — снова празднества, приёмы, приветствия... Среди встретивших нас здесь был мой добрый друг Митра — я вызвал его по телеграфу из Дарджилинга. Первым делом я вручил ему красный шарф Раймона Ламбера и попросил переслать в Швейцарию. В Калькутте же я рассказал о восхождении для агентства Юнайтед Пресс, с которым подписал здесь контракт.

Несколько дней было похоже, что я не попаду в Англию. Мне казалось неправильным ехать без Анг Ламу и дочерей, а у экспедиции не хватало денег оплатить проезд всем. Правда, тут газета «Дейли Экспресс» предложила мне совершить большое турне, обязавшись покрыть все расходы. Однако, подумав, я отказался, так как опасался, что этому будет придан политический характер, а после того, что случилось в Непале, я всячески избегал таких вещей. Вместо этого я, все ещё надеясь, что выход будет найден, отправился из Калькутты в Нью-Дели, где собрались остальные участники экспедиции.

В Дели происходило то же, что в Катманду и Калькутте, только в ещё больших масштабах. На аэродроме состоялась грандиозная встреча — такой толпы я не видал за всю свою жизнь. Затем нас привезли в непальское посольство и устроили там.

В тот же вечер состоялся приём у Неру. Настал великий момент, о котором давным-давно говорил профессор Туччи в Тибете и о котором я думал в ту ночь в палатке, высоко на Эвересте. Все произошло так, как я надеялся и мечтал. С первого же мгновения «Пандичи» отнёсся ко мне, как отец, — ласково и дружелюбно, причём в отличие от многих других думал не о том, какую выгоду можно извлечь из меня, а исключительно о том, как помочь мне и сделать меня счастливым. На следующий день Неру пригласил меня в свою канцелярию и настоятельно посоветовал мне поехать в Лондон. Он считал, что и так уже вокруг восхождения было слишком много осложнений и споров, что лучше не примешивать к Эвересту политику. Он надеялся, что будет сделано все возможное, чтобы залечить причинённые раны. Я присоединился к его словам от всего сердца. И, наконец, для полноты счастья оставалось только услышать от него, что моей жене и дочерям будет обеспечен проезд до Лондона вместе со мной.

Однако «Пандичи» не ограничился этим. У меня было плохо с одеждой; он пригласил меня к себе домой, открыл гардероб и поделился своим. Он дал мне пиджаки, брюки, рубашки — все необходимое, а так как мы с ним одного роста, то все отлично подошло. Сверх того Неру подарил мне несколько вещей, которые принадлежали его отцу и которыми он очень дорожил. Анг Ламу получила красивую сумочку и плащ, причём «Пандичи» сказал с улыбкой, что в Лондоне часто бывает хмурая погода. Наконец он вручил мне портфель. Я подумал: «Теперь я больше не бедный

шерпа, а бизнесмен или дипломат». Чуть не единственное из одежды, чем он со мной не поделился, были белые конгрессистские шапочки — это имело бы политический смысл, а Неру был совершенно согласен, что мне следует держаться в стороне от политики.

В это же время возник вопрос о документах: несмотря на все мои путешествия, у меня до сих пор не было паспорта. Зато теперь я получил сразу два, индийский и непальский, что как раз отвечало моим собственным желаниям. Спустя несколько дней мы вылетели на Запад. Других шерпов с нами не было, за исключением Лакпа Черинга, который по-прежнему был моим секретарём и советником. Остальные шерпы, участники восхождения, не попали ни в Калькутту, ни в Дели, а вернулись прямо в Дарджилинг из Катманду. Зато в самолёте находилось большинство английских членов экспедиции, а из женщин, кроме Анг Ламу и моих дочерей, ещё и миссис — вернее, уже леди — Хант. Она прилетела встретить своего мужа, когда мы были ещё в Непале. Наш самолёт, принадлежавший британской авиационной корпорации, совершил первую посадку в Карачи, где мы задержались около часа, приветствуемые огромной толпой. Далее мы летели через Багдад, Каир, Рим. Наконец-то я видел страны за пределами Индии и Пакистана, о чем так давно мечтал!

В Риме нас встречали индийский и английский послы, там нам пришлось переночевать из-за неполадок с мотором. На следующее утро, когда мы снова сели в самолёт, полковник Хант выглядел заметно озабоченным, и я очень скоро узнал, чем именно. Оказывается, газеты как раз напечатали первую часть моего рассказа для Юнайтед Пресс, в которой шла, в частности, речь об известных недоразумениях во время экспедиции между англичанами и шерпами. Хант подошёл ко мне тут же в самолёте, и мы переговорили обо всем начистоту. Я сказал ему, как меня задело его

заявление для печати, будто меня нельзя считать опытным альпинистом, а он, в свою очередь, рассказал о своих затруднениях. Майор Уайли ещё раньше обсуждал со мной это дело. Он подчёркивал, как важно, чтобы случившиеся недоразумения не послужили поводом для неприязни, и я согласился с ним. Теперь я повторил то же самое Ханту. Известные недоразумения имели место во время экспедиции и после. Отрицать это не было никакого смысла, и я просто рассказал корреспонденту все так, как оно мне представлялось, стараясь быть совершенно искренним. Но это вовсе не означало, что я затаил обиду или пытаюсь раздуть происшедшее, как это сделали другие в политических целях.

Мы говорили дружески и откровенно, и я думаю, что мы оба почувствовали себя лучше после этого разговора.

После Рима самолёт совершил посадку в Цюрихе. Мы задержались здесь очень недолго, но это было для меня чудесное время, потому что на аэродром встретить меня приехали многие старые швейцарские друзья. И самое главное, среди них был Ламбер. Он крепко обнял меня, воскликнув: «*Ca va bien!*», а я рассказал ему про заключительный бросок, про то, как вспоминал его, когда стоял на вершине. Затем мы вылетели дальше, в Лондон. Перед самой посадкой полковник Хант спросил, не буду ли я возражать, если он выйдет из самолёта первый, держа в руке ледоруб с английским флагом. Разумеется, я согласился. Так и сделали, и скоро мы уже стояли на аэродроме, окружённые большой толпой встречающих.

В Лондоне меня с семьёй поселили в Индийском клубе; индийский посол мистер Кер отнёсся к нам с исключительным вниманием. Сразу же по прибытии остальные члены экспедиции разъехались по всей Англии, повидать своих родных, так что я остался в

городе чуть ли не один. Впрочем, мне, конечно, не приходилось ломать голову над тем, чем заняться. Большая часть времени уходила на то, чтобы встречаться с разными людьми и пожимать им руки, сверх того надо было давать интервью газетам, позировать фотоаграфам, разъезжать по городу и присутствовать на всякого рода официальных собраниях. Англичане приняли меня исключительно тепло и заботливо. Они приветствовали меня, уроженца чужой, далёкой страны, ничуть не менее горячо, чем своих соотечественников; я невольно сравнивал этот приём с тем, как встречали англичан непальцы.

Я побывал в стольких местах, что потерял им счёт. Я говорил по радио, выступал по телевидению, не успев ещё увидеть ни одного телевизионного приёмника, давал одно интервью за другим. В конце концов у меня просто закружилась голова от бесконечных расспросов о том, что я чувствовал на вершине Эвереста.

— Послушайте, у меня есть предложение, — сказал я журналистам. — Следующий раз вы совершите восхождение на Эверест, а я буду репортёром. Когда вы спуститесь, я спрошу вас тысячу и один раз, как вы себя чувствовали на вершине, и тогда вы будете знать не только, что я чувствовал на Эвересте, но и что чувствую сейчас.

Мы провели в Лондоне шестнадцать дней, которые пролетели, словно сон. Единственной неприятностью было то, что Пем Пем заболела вскоре по приезде, и ей пришлось провести все время в больнице. Зато Анг Ламу и Нима ходили со мной повсюду — по театрам, магазинам, достопримечательным местам. Один раз мы попали в увеселительный парк и катались там на американских горах. Они мне очень понравились, напомнив о спуске с горы на лыжах. Но Анг Ламу до того перепугалась, что все время стучала кулаком по моей спине, а когда катанье кончилось, воскликнула:

— Ты что, убить меня хочешь?!

Как и положено женщине, она лучше всего чувствовала себя в магазинах, и скоро у нас набралось немало вещей, которые предстояло везти в Индию. К тому же люди постоянно делали нам подарки. Я высоко ценил их доброту, однако считал, что нам не следует брать слишком много.

— Почему? — удивлялись Анг Ламу и Нима.

— Потому что это нехорошо, — отвечал я.

И начиналась семейная ссора. Помню, как мы зашли однажды в фотомагазин и хозяин предложил нам в подарок аппараты по нашему выбору. Нима немедленно отобрала себе дорогой «Роллейфлекс», но тут вмешался я:

— Нет, нет, так не годится. Возьми что-нибудь попроще.

Впоследствии, уже в Дарджилинге, она сказала моему другу Митре:

— Папа поскупился, не захотел, чтобы у меня был хороший аппарат.

Тогда я возразил:

— Не я поскупился, а ты пожадничала. В том-то и вся беда с вами, женщинами, вы всегда страдаете жадностью.

Полковник Хант пригласил нас к себе в деревню. Мы охотно поехали бы к нему, но не сочли возможным оставлять Лондон, пока не выздоровела Пем Пем; зато мы дважды побывали у жившего поблизости майора Уайли. Я повидал много старых друзей, в том числе Эрика Шиптона и Хью Раттледжа, с которым мы поговорили всласть о прошлом. Меня глубоко тронул доктор Н. Д. Джекоб, тот самый, который так тепло отнёсся ко мне в Читрале в годы войны, — он проехал около восьмисот километров, чтобы повидаться со мной.

За всем этим время проходило очень быстро. Порой, когда мне не нужно было встречаться с людьми или куда-то ехать, я отправлялся гулять по улицам Лондона. Эти прогулки доставляли мне громадное удовольствие. При этом я переодевался в европейскую одежду, чтобы меня не узнали, и иногда это удавалось. Для официальных целей я обычно надевал индийский костюм, пользуясь тем, что дал мне Неру в Нью-Дели.

Немного спустя в город стали съезжаться другие участники экспедиции, и, наконец, произошло самое выдающееся событие за все пребывание в Лондоне — представление королеве. Все улицы на пути в Бакингемский дворец были переполнены людьми; большое впечатление произвела на меня дворцовая охрана в красных мундирах и высоких меховых шапках. Перед представлением королеве был подан чай под открытым небом, причём и здесь собралось множество людей, так много, что я боялся быть раздавленным. Но тут же я подумал: «Нет, мне грех жаловаться. Я хоть худой, а вот какво приходится бедной Анг Ламу?»

После чая нас провели в большой зал во дворце, где мы увидели королеву и герцога Эдинбургского. Здесь находились все члены экспедиции и их родные; королева и герцог вручили нам награды и знаки отличия. Затем подали освежающие напитки, и на секунду я было подумал, что опять очутился на Эвересте, потому что нам предложили... лимонад! Королева была очень приветлива и внимательна, расспрашивала меня о восхождении, о других экспедициях, в которых я участвовал. Полковник Хант стал было переводить для меня, но тут я обнаружил, что сам достаточно хорошо понимаю и отвечаю по-английски, и это, разумеется, очень меня порадовало.

После приёма состоялся мужской обед, даваемый герцогом, причём мы были при всех наградах. Затем последовал ещё приём. И завтра и послезавтра все

продолжались приёмы, большинство из которых давалось различными послами. Настал момент, когда вся моя жизнь казалась одним сплошным приёмом, и я невольно подумал: «Что было бы со мной, если бы все это время я пил не чай и лимонад, а чанг?»

Но вот настало время прощаться с Лондоном. Хант, Уайли и многие другие пришли проводить нас, и всякий мог видеть, что между нами нет никакой неприязни. Англичане приняли меня замечательно. Английские восходители, мои друзья, были прекрасными людьми. Несмотря на мелкие недоразумения и усилия людей, которые пытались раздуть их, мы провели большую и успешную экспедицию. И если полковник Хант когда-нибудь снова возглавит экспедицию в Гималаи, он убедится, что я готов всячески помочь ему, хотя бы и не смог сам пойти с ним.

— До свидания! Счастливо! Счастливо долететь!

И вот мы уже в самолёте, летим в обратном направлении, в Швейцарию. Экспедиция наконец-то окончилась совсем, я остался только со своей семьёй и моим помощником Лакпа Черингом. Швейцарская организация содействия альпийским исследователям, организовавшая обе экспедиции 1952 года, пригласила меня провести две недели в Швейцарии. И снова нас ожидал грандиозный приём и приятные встречи. Правда, на этот раз моё время не было исключительно занято приёмами, интервью и встречами с людьми. Проведя в Цюрихе всего одну ночь, я отправился со старыми друзьями в горы: теперь я получил возможность не только посмотреть знаменитые Альпы, но и походить по ним. Мистер Эрнст Фойц, представитель организации, и его жена сопровождали нас и позаботились, чтобы мы чудесно провели время.

Сначала мы направились в маленький горный курорт Розенлауи, где находится альпинистская школа, руководимая известным проводником Арнольдом

Глаттхардом. Мы поднялись на красивый пик Семилистокк. Оттуда доехали до Юнгфрау, остановились в гостинице на Юнгфрауях, а на следующее утро совершили ещё одно восхождение. В числе других вместе со мной шёл Раймон Ламбер. Мы стояли на вершине, смотрели на простирившуюся под нами землю и думали, наверное, одно и то же: если бы погода была тогда немного лучше и если бы нам сопутствовала удача, мы стояли бы так год назад в высочайшей точке земли.

На другие восхождения у меня не было времени, но я получил большое удовольствие; мне очень понравились надёжные, крепкие скалы альпийских вершин. Особенно мне бросилось в глаза сходство швейцарских долин с моими родными местами в Соло Кхумбу, хотя, разумеется, высоты и расстояния в Альпах гораздо меньше, чем в Гималаях. Ещё мне было интересно видеть, как много людей ходит по горам — мужчины и женщины, старые и молодые, даже совсем маленькие дети.

Мы провели один день в Шамони, на французской территории. Здесь я встретил нескольких членов лионской экспедиции на Нанда Деви, знакомых мне по 1952 году, а также Мориса Эрцога, возглавлявшего великий штурм Аннапурны в 1950 году. Это был прекрасный человек, успешно прошедший через многие тяжёлые испытания. Я восхищался тем, как уверенно он ведёт свой автомобиль, несмотря на потерю пальцев на руках и ногах. К сожалению, время позволяло мне только посмотреть на Монблан, восхождение совершать было некогда. Впрочем, я сомневаюсь, нашлось ли бы место на горе для нас, даже если бы мы сделали попытку. В день моего пребывания в Шамони там собралось столько альпинистов, что гора была скорее похожа на вокзал.

Не успел я оглянуться, как прошли и эти две недели. Настала пора распрощаться с друзьями — и снова мы в самолёте, летим домой... «Домой, — подумал я. — Что меня ждёт там после такого длительного отсутствия?» Я оставил Дарджилинг 1 марта, теперь было начало августа, и в течение всех этих пяти месяцев я почти непрерывно находился в пути. Я достиг вершины Эвереста. Я спустился с Эвереста совсем в другой мир. Я проехал полмира, меня приветствовали толпы людей, я встречался с премьер-министрами и монархами. «Все изменилось для меня, — думал я. — И вместе с тем, по существу, не изменилось ничего, потому что в глубине души я остаюсь все тем же старым Тенцингом...» Я еду домой, это так. Но что ждёт меня дома? Что я буду делать? Что случится со мной?.. Сначала, очевидно, ещё приёмы, интервью, толпы людей, «синдабад». Ну, а после?

Я взошёл на свою гору, но ведь жизнь продолжается...

Снова Индия...

В Нью-Дели я ещё раз встретился с Неру, а также с президентом Индийской Республики Раджендра Прасадом. Они выслушали рассказ о моей поездке и снабдили меня добрыми советами на будущее. Ещё сильнее, чем прежде, я ощутил отеческое отношение ко мне со стороны «Пандичи» и решил, что если когда-нибудь в жизни у меня возникнут трудности или неприятности, я обращусь за советом только к нему.

Но вот, наконец, спустя много месяцев, проехав много тысяч километров, я вернулся в Дарджилинг. Мой старый дом в Тоонг Соонг Бусте был так набит присланными мне отовсюду подарками, что для нас самих уже не оставалось места. Сначала мы поселились в гостинице, потом переехали на небольшую квартиру, а одновременно стали подумывать о новом домике.

Я встречался с товарищами по последней экспедиции и старыми дарджилингскими друзьями. Снова восторженные толпы, приёмы, интервью, ликование... Приятно было, что меня так встречают дома, но я сильно нуждался в отдыхе, а отдыхать было некогда. Дни и недели проходили, словно сумбурный сон.

Несколько ранее, когда я ещё не выезжал из Непала, мой друг Роби Митра написал премьер-министру Западной Бенгалии (провинция, в которой находится Дарджилинг) доктору Б. Рою и предложил ему учредить Индийскую горнолазную школу со мной в качестве руководителя. Доктор Рой отнёсся одобрительно к этому замыслу, мне он тоже понравился, и вскоре после моего возвращения домой мы собрались вместе обсудить этот вопрос. Решили, что школа будет называться Гималайский институт альпинизма; задача её — развивать среди жителей Индии любовь к горам, а также дать возможность нашей молодёжи стать настоящими восходителями. Мне предложили руководить обучением и тренировкой, административное руководство поручалось Н. Д. Джайялу, моему старому товарищу по восхождениям на Бандар Пунч и Нанда Деви; он был теперь майором индийской армии. Центр школы предполагалось разместить в Дарджилинге, но так как вблизи города нет больших гор, необходимо было найти базу для практических занятий. Решили, что лучше всего подходит величественная горная цепь на севере, около Канченджунги.

Мы нуждались в консультации лучших специалистов и обратились к Швейцарской организации содействия альпинистским исследованиям. Из Швейцарии приехал Арнольд Глаттхард, руководитель альпинистской школы в Розенлауи. В октябре, примерно два месяца спустя после моего возвращения, мы отправились втроём — Глаттхард, Джайял и я — в Сиккимские Гималаи подобрать место для высокогорной базы. После длительных поисков остановили свой выбор на одном месте в районе Коктана и пика Канг; я побывал там с Джорджем Фреем за два года до этого. Здесь имелись не только снеговые горы, но и много скальных массивов, таким образом, местность подходила для

всех видов восхождений и тренировок. Вернувшись, мы изложили свои предложения, и начался организационный период, причём намечалось открыть школу к осени следующего года.

А пока я оставался со своей семьёй в Дарджилинге; причём мы сразу убедились, что нас ждёт новая жизнь, мало чем похожая на прежнюю. Нас постоянно окружали толпы людей; приёмы и интервью не прекращались. При всей моей глубокой признательности за внимание и честь я временами приходил в отчаяние. Я всегда любил пройтись по улицам Дарджилинга, однако теперь обнаружил, что должен выходить в город до рассвета, если не хочу идти в сопровождении целой процессии. Гости являлись ко мне в дом не только по приглашению, не только в обычные часы, но круглые сутки, днём и ночью, причём некоторые чуть ли не силой врывались в двери и окна. Приходили представители всевозможных фирм и организаций, настаивая, чтобы я подписал им какие-то бумаги. А журналисты не оставляли меня в покое ни на минуту. Сплошь и рядом они извращали мои слова в своих целях, так что я потом не узнавал в их статьях собственных высказываний. Легко было понять, что полковник Хант вышел из себя в Неаполе, где его вертели во все стороны и приписывали ему чужие слова. Разумеется, чаще всего меня спрашивали, какова будет моя следующая экспедиция. В конце концов я стал отвечать:

— Я уже сейчас работаю в экспедиции — газетно-фотографической экспедиции...

Я чувствовал себя зверем в зоопарке. «Похоже, ламы из Тьянбоче оказались все-таки правы, — думал я. — Бог Эвереста карает меня теперь».

Были неприятности и другого рода. Я получил немалую сумму денег от Юнайтед Пресс, да ещё поступили щедрые дары от ряда городов и организаций

Индии, и мы могли жить уже не в такой бедности, как прежде. Одни относились к этому с полным пониманием, но нашлись и завистники; некоторые говорили даже, что Анг Ламу «зазналась» только потому, что она стала ходить с зонтиком в дождь. Другая неприятность была связана с Лакпа Черингом, моим советником. Не вдаваясь в подробности, скажу только, что он не руководствовался моими интересами и наше сотрудничество кончилось. Была в этой истории, однако, своя хорошая сторона — его место занял Роби Митра, целиком посвятивший себя моим делам. С тех пор своим неутомимым трудом, добрыми советами и преданностью он сделал неизмеримо много, чтобы облегчить мне жизнь и сделать её счастливее.

Новый дом, который я купил, расположен на крутом склоне холма на окраине Дарджилинга; отсюда открывается чудесный вид на Сикким и вечные снега Канченджунги. Однако наш переезд состоялся не сразу, требовалось кое-что достроить. Анг Ламу приходилось работать аяя во многих английских семьях. Она хорошо изучила западную меблировку и захотела обставить комнаты по-современному, оборудовать кухню на европейский лад. Состоялось обычное семейное препирательство, я говорил жене:

— До сих пор у нас все шло хорошо. Не поднимай того, что тебе не по силам. Лучше будем жить скромно.

Боюсь, однако, что это легче сказать, чем сделать. Даже по своему собственному адресу, при моих ограниченных потребностях, мне приходилось слышать упрёки в связи с моей страстью коллекционировать вещи, собранные за время многочисленных экспедиций и путешествий. «И что это он не избавится от этого хлама, — говорят некоторые. — Превратил свой дом в музей какой-то». Нет, мой дом не музей. Я храню в нем вещи, которые мне близки и дороги.

Дома у меня царит большое оживление. Помимо жены, дочерей и меня, в нем живут две мои племянницы (а теперь ещё и мать). Их родители, Ламу Кипа и лама Нванг Ла, с которыми девушки переехали из Соло Кхумбу, поселились в нашем старом доме в Тоонг Соонг Бусту; они часто бывают у меня в гостях, причём Нванг Ла «заведует» специально оборудованной молельней в моем доме.

Почти ежедневно я получаю письма и даю интервью. Пасанг Пхутар и многие другие родственники и друзья помогали мне перестроить дом, теперь они то и дело заходят ко мне. Посетителей всегда много, когда десятки, а когда и сотни, есть среди них старые друзья, а есть и совершенно незнакомые люди. Но самый важный житель моего дома — Гхангар, мой лхасский терьер с его многочисленным семейством. Единственный, кого вы не увидите в моей гостиной, — мой конь; он обитает в конюшне и усиленно торопится отъестся так, чтобы потерять всякую надежду на успех на скачках.

Меня всегда беспокоил вопрос о воспитании Пем Пем и Нимы. Несколько лет они ходили в непальскую школу, но теперь у меня появилась возможность поместить их в монастырскую школу в Дарджилинге. Здесь они учатся английскому языку, получают хорошее современное образование и встречаются с различными людьми. Для совершенствования моих собственных познаний в английском языке я приобрёл лингафон — благодаря ему, а также большой разговорной практике я могу с радостью сообщить, что начинаю говорить все более свободно. Конечно, мне очень хотелось бы научиться писать и читать, но жизнь так коротка, а дел так много... Я знаю уже все буквы, печатные и письменные, но мне все ещё трудно заставить их складываться в слова. Исключение составляет, понятно, моё собственное имя. Мне столько раз приходилось

давать автограф, что я теперь, наверное, смог бы расписаться во сне левой рукой.

Едва я приехал домой, как на меня посыпались приглашения посетить другие части Индии и Востока вообще. Некоторые приглашения, например из Бирмы и Цейлона, я, к сожалению, не смог принять, зато побывал в Калькутте, Дели, Бомбее, Пенджабе и многих других местах. Как и в Дарджилинге, мне было приятно, что меня искренне приветствует так много людей, но, как и там, я страшно уставал от приемов, интервью и ликующих толп. Нередко происходили вещи, которые невозможны на Западе. От меня постоянно ждут, чтобы я рассказал о каких-то сверх естественных видениях на вершине Эвереста, и мне приходится разочаровывать людей. Многие стремятся прикоснуться ко мне, думая таким образом исцелиться от болезни. Были и такие, которые во что бы то ни стало хотели видеть во мне второго Будду или земное воплощение Шивы, а однажды в Мадрасе несколько старух зажгли лампы и повалились ниц передо мной. Мне оставалось только ласково заговорить с ними и помочь им подняться на ноги.

У меня было много возможностей заработать деньги. Конечно, моё состояние не сравнишь с богатством какого-нибудь магараджи, но все же я живу значительно обеспеченнее, чем прежде. Помимо гонорара от Юнайтед Пресс и даров городов и организаций, мне предлагали немало денег различные фирмы, желавшие использовать моё имя для рекламы. Правда, я принял только два таких предложения, после чего решил, что лучше не впутываться в подобные дела.

Я уже говорил о двух камнях, которые подобрал у самой вершины Эвереста. Было у меня и ещё несколько штук, взятых немного ниже, и едва из печати стало известно о камнях с Эвереста, как любители сувениров стали предлагать мне большие деньги за них. Однако я

не стал ничего продавать. Несколько камешков я подарил Неру, остальные оставил себе. Кроме шарфа Ламбера, который я отослал хозяину, я не расстанусь ни с чем из того, что было на мне во время заключительного восхождения. Слишком дорог мне Эверест, слишком велик, чтобы я мог позволить себе наживаться таким путём.

В начале 1954 года я получил от ньюйоркского Клуба исследователей приглашение посетить США. Приглашение было передано через моего друга принца Петра Греческого и Датского, проживающего близ Калимпонга. Как ни хотелось мне согласиться, я решил в конце концов, что самым правильным будет отказаться. Причин было несколько, и все самые простые и исключительно личного порядка. Во-первых, в этот момент была в самом разгаре перестройка моего дома. Он обошёлся мне вдвое дороже, чем предполагалось, подобно большинству домов, и я предпочитал оставаться дома, чтобы наблюдать за работами. Затем надо было сделать кое-что для горнолазной школы, в которой мне уже шло жалованье от правительства Западной Бенгалии. Далее, я не смог бы взять с собой жену и дочерей, да ещё клуб сообщил, что не может оплатить проезд Роби Митра, а он был мне просто необходим как переводчик и советник. И, наконец, я счёл самым правильным отложить поездку в Америку до издания моей книги, которая уже тогда планировалась и на которую я возлагал большие надежды. «Если я поеду теперь, — писал я принцу Петру, — это будет все равно, что возить напоказ дурачка, и люди получат обо мне неправильное представление».

Все эти причины казались мне простыми и естественными. Тем не менее и на этот раз разгорелись политические страсти, стали говорить, что мне запретили ехать из-за натянутых отношений между

Индией и США в связи с американской военной помощью Пакистану. Это сильно задело меня. Я не люблю, когда меня втягивают в подобные истории или используют моё имя в целях определённой пропаганды. Могу только повторить по этому поводу то же, что говорил раньше. Мой отказ объясняется отнюдь не политическими, а исключительно личными причинами. Ни Неру, ни кто-либо другой из индийского правительства не запрещал мне ехать и не оказывал на меня никакого давления. Так я сказал тогда американскому послу мистеру Джорджу Аллену, который приехал в Дарджилинг побеседовать со мной, это же я повторю и теперь самым настоятельным образом. Мистер Аллен отнёсся весьма приветливо и с полным пониманием к моему объяснению и не стал настаивать.

Позднее, когда он снова приехал в Дарджилинг, чтобы вручить мне медаль американского Национального географического общества, мы долго самым дружеским образом беседовали о том, как и когда я посету его страну. Повидать Соединённые Штаты — одно из моих самых сокровенных желаний. Это такая большая страна, полная жизни, людей, идей и предметов! Когда я поеду туда, то в числе прочего мои мысли будут занимать «джип» и киноаппарат. Ещё я мечтаю вдоволь покататься по большим, широким дорогам. Подобно большинству моих знакомых-американцев, я люблю скорость. Если я научусь сам водить машину до того, как приеду в Америку, то не избежать мне «тикета»!^[20]

Я только что сказал о своей книге — это для меня очень важная вещь. всю свою жизнь восходителя я имел дело с людьми, которые писали книги. Во многих из этих книг упоминается и моё имя. Мой дом полон книг. А после взятия Эвереста мне больше всего на

свете хотелось иметь свою собственную книгу. К сожалению, я столкнулся со множеством препятствий и затруднений. Поскольку я не умею писать сам, требовался помощник, и поначалу мне казалось, что лучше всего найти себе помощника из индийцев. Однако агентство Юнайтед Пресс, с которым у меня был контракт, включая права на издание книги, хотело, чтобы запись вёл западный литератор, — такая книга будет более доступной для широкого читателя во всем мире, говорили они. Наиболее подходящей казалась им кандидатура какого-нибудь англичанина, и они предложили мне ряд имён на выбор. После долгого размышления я отверг эту мысль.

Подобно многому другому, что произошло после взятия Эвереста, этот отказ тоже дал повод к пересудам и извращениям. А ведь дело совсем не в том, что мне не нравятся англичане или у меня есть против них какое-то предубеждение, — просто мне подумалось, что если индиец не подходит в качестве сотрудника, то и англичанин не подойдёт. Что ни говори, во время восхождения имели место известные осложнения и недоразумения. И хотя — я повторяю это снова и снова — они сами по себе не имели большого значения, зато для меня было важно иметь возможность рассказать свою историю просто и искренне, не смущая других и не смущаясь самому. Все это задержало, к сожалению, появление книги; порой мне казалось, что её вообще не будет^[21]. Все же в конце концов было достигнуто соглашение с американским литератором Джеймсом Рамзаем Ульманом. Весной 1954 года он приехал в Дарджилинг работать со мной. Случилось так, что начало нашей работы пришлось на день, который в моей религии называется Будда Пурнима (День полной луны) — трижды благословенный день рождения,

обожествления и смерти Будды. Я сказал Джеймсу Ульману с улыбкой:

— Что ж, будем надеяться, это счастливый признак.

К этому времени я получил много приглашений участвовать в новых экспедициях. После на редкость напряжённой работы — три восхождения на Эверест на протяжении немногим более года, — о каком-либо большом восхождении в тот момент говорить не приходилось, однако я охотно пошёл бы с небольшой экспедицией, особенно с англо-индийским смешанным отрядом, собиравшимся в район Эвереста на поиски «ужасного снежного человека» — йети. К сожалению, мои многочисленные обязанности не допускали этого. Помимо всего прочего, в ту весну в Индии начался показ фильма «Покорение Эвереста», и меня так сердечно и настойчиво просили присутствовать на премьере в Дели и Бомбее, что я просто не мог отказать. И пожалел вскоре об этом — к утомлению от восхождений прибавилось ещё большее утомление от бесконечных приёмов и бесед, которые не прекращались уже девятый месяц. Я потерял в весе свыше десяти килограммов, моё здоровье было сильно подорвано. В Бомбее как раз стояла необычная жара, и тут я заболел. У меня поднялась высокая температура, напала страшная слабость. Пришлось прервать поездку и ехать домой. Доктор Рой (он не только глава правительства Западной Бенгалии, но и один из лучших врачей Индии) прописал мне длительный отдых. Несколько недель я провёл в полном покое, занятый только этой книгой. Я отдыхал от людей, от возбуждения, и постепенно мой вес и здоровье восстановились.

Когда начался показ «Покорения Эвереста» в Дарджилинге, я чувствовал себя уже достаточно хорошо, чтобы присутствовать на премьере. Это было 29 мая, в день первой годовщины штурма, намечался

большой праздник. Но тут из Непала пришла весть, что Эдмунд Хиллари, возглавлявший в этом году новозеландскую экспедицию на Макалу II, заболел в горах. К счастью, он быстро поправился, однако поначалу опасались, что это серьёзно, поэтому я попросил свести праздник к минимуму. В кинотеатре я сказал несколько слов по-непальски перед началом сеанса.

— Я глубоко сожалею, что мой друг Хиллари болен, — говорил я. — Сейчас не время веселиться — надо молиться за его быстреешую поправку. Эверест был взят благодаря совместным усилиям многих людей, и я шлю наилучшие пожелания и поздравления моему товарищу по победе.

Есть ли необходимость лишний раз подчёркивать момент, который так важен для меня? Или и без того очевидно, что я не сказал бы так о человеке, если бы питал к нему неприязнь или злобу.

Открытие горнолазной школы намечалось на осень, а лето мы с майором Джайялом должны были провести в Швейцарии в качестве гостей Организации содействия альпинистским исследованиям для изучения лучших достижений техники восхождений и методики преподавания. К счастью, в начале июня здоровье позволило мне выехать, и я снова очутился в Альпах вместе с друзьями по прежним восхождениям. Не обошлось и на этот раз без «синдабада» — толпы людей, приёмы, интервью, — но в гораздо меньшем количестве, чем в предыдущем году. В общем и целом я мог жить спокойно, наслаждаться горами и заниматься тем делом, ради которого приехал. Сначала мы отправились в деревню Шампе, где молодые швейцарские альпинисты сдавали экзамены на звание проводника. Там, к сожалению, не обошлось без неприятностей: мне показалось, что со мной обращаются как с новичком. Впрочем, в конечном счёте

все наладилось. Я по-прежнему любил Швейцарию, в её горах я чувствовал себя так, словно попал в родные Гималаи. «Здесь совсем как в Соло Кхумбу», — думал я не раз, только не тогда, когда смотрел на шоссе и железные дороги, мосты и электростанции.

Несколько позже приехали из Индии ещё шестеро шерпов. Их также пригласили швейцарцы пройти тренировочный курс для будущей работы в горнолазной школе; я сам отобрал этих людей перед отъездом из Дарджилинга. Среди них были ветераны Ангтаркай, Гьялцен Микчен — сирдар, Да Намгьял и Анг Темпа, участники экспедиций на Эверест, а также мои племянники Гомбу и Топгей. Мы перебрались в Рознелауи, где находилась школа Глаттхарда, и за несколько недель узнали много ценного о разных видах восхождений. В конце лета возвратились домой, а 4 ноября 1954 года Неру произвёл официальное открытие нашей собственной школы.

В первом сезоне можно было, разумеется, только положить начало работе школы. К концу года, когда стало слишком холодно, я опять оказался на некоторое время свободным и совершил путешествие, о котором давно мечтал. Я снова отправился в Соло Кхумбу, но только на этот раз взял с собой Пем Пем и Ниму. Мы выехали из Дарджилинга на рождество, поездом и автомашиной добрались до Джайнагара и Дхарана, около границы Непала, а оттуда продолжали путь пешком, причём девочки несли поклажи на спине, как и положено путешествующим шерпам. Для них это было совершенно ново, и мы немало повеселились. Но вместе с тем наше путешествие было своего рода паломничеством — ведь они ещё никогда не были на родине своего народа, не видали своей бабушки, моей матери, которой исполнилось уже восемьдесят четыре года. В стране шерпов нас встретили веселье, пляски. Побыв некоторое время в Намче Базаре и Тами, мы

отправились дальше, посетить знаменитый Тьянбоче и другие монастыри. Затем я прошёл с дочерьми почти до места базового лагеря 1953 года; и здесь они воздали почести Эвересту, который сделал шерпов великим народом, а нам принёс счастье.

В Соло Кхумбу мы дважды пережили интересное событие: впервые в моей жизни я увидел настоящие останки йети, «ужасного снежного человека». Оба раза это происходило в монастырях, в Кхумджуне и Пангбоче, и в обоих случаях нам показали череп заострённой формы, с сохранившейся кожей и волосами. На кхумджунском черепе волосы были короткие и жесткие, словно свиная щетина; пангбочанский череп покрывали более светлые волосы, возможно, он принадлежал более молодому животному. Ламы считали эти черепа драгоценными и сильнодействующими талисманами, причём они попали в монастыри так давно, что никто не знал, откуда они взялись. Тайна живого йети, на что он, собственно, похож, остаётся по-прежнему нераскрытой.

Случилось во время этого путешествия и другое событие, которого я давно ждал, — я забрал мать к себе в Дарджилинг. Настоящая дочь своего народа, она, несмотря на возраст, благополучно проделала немалый переход. Ей никогда ещё не приходилось бывать далеко от родного края, так что в Индии она пережила много неожиданного и удивительного. В Джайнагаре она впервые в жизни села в поезд. Вскоре после того как поезд тронулся, мать вдруг спросила меня с удивлением:

— Тенцинг, а где же дерево, которое я видела перед залом ожидания?

Мы с дочерьми громко рассмеялись, и я объяснил, что такое поезд. Тогда она облегчённо вздохнула и произнесла:

— Никогда в жизни я ещё не видела двигающиеся дома.

И вот впервые в Дарджилинге собрана почти вся моя семья.

Так обстоят мои дела к тому моменту, когда я кончаю свой рассказ. Что принесёт мне будущее, я, понятно, не знаю. Предстоит работа в горнолазной школе, в которой я надеюсь познакомить многих молодых индийцев с горами и научить их любить горы. Предстоит работа в Шерпской ассоциации, председателем которой я сейчас состою; в обязанности ассоциации теперь входит подбор шерпов для экспедиций и согласование ставок и условий работы. Мне хочется вообще быть полезным своему народу, насколько это в моих силах. Я начал с самых низов, знаю, что такое бедность и невежество, и хочу помочь своим соплеменникам развиваться и добиться лучшей жизни.

Но больше всего мне хочется помочь расширить знания молодёжи, у которой впереди вся жизнь. Правда, то, чем я могу поделиться, взято не из книг; это то, чему я сам научился за свою жизнь, чему меня научили люди, страны, горы, но прежде всего Эверест. Кое-что касается чисто практических вещей. Но не все — мне кажется, что я научился и другим вещам, притом более важным. Я узнал, что нельзя стать хорошим восходителем, каким бы ловким ты ни был, если нет в тебе бодрости и чувства товарищества. Друзья — это не менее важно, чем подвиг. Далее, что совместные усилия — единственный ключ к успеху; эгоизм делает человека маленьким. И ещё урок: ни один человек ни в горах, ни где-либо ещё не может ожидать от других больше того, что даёт сам. *Будь человеком с большой душой! Помогай другим стать такими!* Вот чему я научился и

чему следует научиться всем людям у великой богини Чомолунгмы.

Меня часто спрашивают, допускаю ли я, что Эверест будет взят ещё кем-нибудь. Ответ: да, разумеется. Когда именно состоится следующее восхождение или следующая попытка, никто не знает, но со временем он будет взят, наверное, не только из Непала, но и из Тибета; возможно даже произойдёт траверс с одной стороны на другую. Следующий вопрос, всегда сопутствующий предыдущему, труднее: можно ли взять Эверест без кислорода? Мне кажется, однако, что можно, при тщательной подготовке и благоприятных условиях. Только необходимо разбить ещё один лагерь, ближе к вершине, нежели наш лагерь IX в 1953 году, потому что на такой высоте человек может пройти за день лишь очень немного. И ещё нужно, чтобы выдались пять дней хорошей погоды подряд — лишь в этом случае альпинисты смогут пройти от Южного седла до вершины и обратно и остаться живыми. Так что если это когда-нибудь и будет сделано, то явится результатом не только большого умения, выносливости и тщательной подготовки, но и исключительной удачи. Ибо ни один человек (а иногда, думается, — ни один бог) не властен над погодой на Эвересте.

Собираюсь ли я сам ещё совершать восхождения? Отвечаю: на другие, меньшие вершины — да. На Эверест — нет. Ходить на гору, принадлежащую к числу подлинных гигантов Гималаев, в качестве сирдара и альпиниста одновременно, неся двойную ответственность, — это слишком много для одного человека, больше таких испытаний в моей жизни не будет. Раньше иное дело. В 1953 году я чувствовал, что должен взойти на вершину Эвереста или умереть, и ради такой победы стоило постараться. Теперь же, когда победа завоёвана, я не ощущаю ничего подобного ни в отношении Эвереста, ни в отношении какой-либо

другой горы, сравнимой с ним. Мне сейчас сорок, я не так уж стар, но и не молод, и меня не тянет больше покорять мировые вершины. Конечно, меня влекут к себе горы, потому что горы — этой мой дом и моя жизнь. Мне хочется совершить ещё не одно восхождение — с небольшими экспедициями на интересные вершины, с хорошими партнёрами. Всего больше мне хочется совершить восхождение с моим дорогим другом Раймоном Ламбером.

Помимо восхождений, мне хочется путешествовать. Надеюсь посетить Соединённые Штаты, когда эта книга выйдет там. Надеюсь снова побывать в Англии и Швейцарии, где меня так замечательно встречали, хочется повидать ещё много мест, где я не бывал. Я чувствую, что многое узнал в путешествиях, причём не только о городах, авиалиниях и географии. Я узнал, что мир велик, что его не охватишь взором из маленького захолустья, что повсюду есть и хорошее и плохое, что если люди отличаются от тебя, это ещё вовсе не значит, что ты прав, а они не правы. Часто говорят, что жители Запада большие материалисты, чем восточные люди, но не следовало ли бы добавить, что они ещё и честнее? Во всяком случае об этом говорит опыт моих встреч с чиновниками и дельцами. Затем, мы на Востоке любим говорить о своём гостеприимстве, однако приём, оказанный мне в Лондоне, заставляет меня прямо-таки стыдиться, когда я сравниваю его с тем, как встречали англичан по возвращении экспедиции в Катманду.

Эти два маленьких примера вовсе не означают, что я настроен против своего собственного народа — напротив, я горжусь тем, что я индеец и непалец. Однако мне кажется, что предвзятость и национализм принесли большой вред. Обида нанесена также и Эвересту, причём отчасти виноват в этом и мой народ. Мир слишком тесен, а Эверест слишком велик, чтобы к ним можно было подходить иначе как с точки зрения

понимания и терпимости между людьми — вот самый важный урок, который я почерпнул из своих восхождений и путешествий. Каковы бы ни были расхождения между Востоком и Западом, они ничто в сравнении с общностью, которая объединяет всех людей мира. Каковы бы ни были осложнения, возникшие в связи с восхождением на Эверест, они ничто в сравнении с общим делом и общей победой; через полмира я протягиваю руку моим английским партнёрам Ханту, Хиллари и многим другим и всем их соотечественникам.

После взятия Эвереста мой собственный народ отнёсся ко мне замечательно. Все отнеслись ко мне очень хорошо. Но, очевидно, как и у всех людей, у меня было и хорошее и плохое, награды и неприятности, всего понемногу. Порой толпа вокруг становилась такой плотной, а давление таким сильным, что я мрачно думал: нормальная жизнь больше невозможна для меня, единственный путь к счастливой жизни — это удалиться вместе с семьёй в уединённое место, где можно жить в покое. Но это означало бы поражение и отступление, и я молюсь, чтобы обошлось без этого. Лишь бы меня оставили в покое с политикой, тогда все будет в порядке. Лишь бы меня не вертели и не крутили в своих целях, не спрашивали, почему я говорю на том или ином языке, почему ношу индийскую, непальскую или европейскую одежду, почему флаги были именно в такой последовательности, а не в другой, когда я поднял их в руке на вершине Эвереста.

Это задевает меня не столько ради меня самого, сколько ради Эвереста: он слишком велик, слишком драгоценен для такой мелочности. Моя самая заветная надежда на будущее — чтобы мне дали прожить мою жизнь с честью и я не опозорил Эверест. Будущие поколения спросят: «Что за люди первыми взойшли на

вершину мира?» И мне хотелось бы, чтобы ответ был таким, которого мне не надо стыдиться.

Ибо именно в этом, кажется мне, заключается подлинное значение Эвереста: он высочайшая точка не одной какой-то страны, а всего мира. Он был взят людьми Востока и Запада вместе. Он принадлежит нам всем. И мне тоже хочется принадлежать всем, быть братом всем людям, а не только представителем определённой расы или определённого вероисповедания. Как я сказал в начале своего рассказа, я счастливый человек. У меня была мечта, она осуществилась. Все, что мне теперь осталось просить у бога, — это чтобы я оказался достоин того, что выпало на мою долю.

Итак, Эверест взят. Моя жизнь идёт дальше. В этой книге я оглянулся на прошлое, но в жизни надо смотреть вперёд.

Однажды, только однажды в своей новой жизни я сделал то, что так часто случалось в старой: поднялся на рассвете на Тигровый холм у Дарджилинга и посмотрел вдаль на северо-запад. Со мной не было никаких туристов, лишь несколько друзей. Можно было стоять спокойно и смотреть, как вырастают в утреннем свете великие белые пики. Я смотрел, и вот уже я перенёсся в другое утро, даже другой год. Вернулось прошедшее, и я стою на холме с семьёю американскими леди и говорю им:

«Нет, не эта — это Лхотсе. И не та — то Макалу. А вот та, маленькая такая».

«Та, маленькая»... Вероятно, странно говорить так о величайшей горе на земле. А может быть, и не так странно и не так уж неверно, потому что что такое Эверест без глаза, который его видит? Велик ли он или мал — это зависит от души человека.

Недолго виден Эверест с Тигрового холма. Вот поднялось солнце, набежали облака. Он уже не велик и не мал — исчез. Пора и мне уходить вниз в Дарджилинг, домой, к семье, к новой жизни, которая так отличается от старой. Один из друзей спрашивает:

— Ну, как? Что ты чувствуешь теперь?

Но я не могу ответить ему. Я могу ответить только в душе и только самому Эвересту, как я сделал в то утро, когда наклонился и положил на снегу на вершине красносиний карандашик:

— Туджи чей, Чомолунгма. Благодарю.

---

notes

Примечания

1

Тенцинг неоднократно изменял написание своего имени, но обещает, что данное написание окончательное и официальное. *(Прим. Дж. Ульмана.)*

Есть много других носящих имя Анг Черинг, в том числе один награждённый медалью Тигра. Это имя очень распространено среди шерпов, и я постараюсь не смешивать тёзок в моей книге.

В предисловии к русскому изданию книги Ханта «Восхождение на Эверест» ошибочно указано, что с Уилсоном ходили шерпы. *(Прим. пер.)*

4

Боюсь, что я неправильно пишу эту фамилию.

5

Канченджунга (8585 метров) была взята весной 1955 года экспедицией Чарлза Эванса. *(Прим. пер.)*

6

В 1955 году, отправившись в Соло Кхумбу, я увидел два черепа йети. Но об этом расскажу позже.

Одна из самых распространённых шуток в экспедициях — это когда кому-нибудь подкладывают камни в ношу, чтобы она стала тяжелее. Наши белые начальники не видят в этом, однако, ничего смешного, да, кажется, и я тоже.

Сам я никогда особенно не увлекался кино. Единственный фильм, который я видел за последние годы, это «Покорение Эвереста».

9

Разумеется, за исключением тех случаев, когда альпинисты знают нас лично и отбирают людей сами. Кроме того, иногда шерпов набирают через частных агентов, таких, как Карма Паул.

10

Единственный шерпа, переживший аварию 1937 года, был мой старый друг Дава Тхондуп. В момент катастрофы он находился в базовом лагере.

11

Седло названо так в честь англичанина Томаса Лонгстаффа, одного из первых исследователей этого района.

— Вот это человек! (*Франц.*) (*Прим. пер.*)

13

Он болел и не смог выйти вместе со всеми из Дарджилинга, но присоединился к нам позднее в базовом лагере.

Дж. Хант, Восхождение на Эверест. Издательство иностранной литературы, 1956 год. *(Прим. пер.)*

Сераки — ледяные выступы на поверхности ледника в виде зубцов, спилей и т. п. (*Прим. ред.*)

Ламбер, Тильман, Анг Темпа, а теперь ещё и Анг Тенсинг — не правда ли, много «медведей» было в наших экспедициях!

17

Английская имперская кварта равна 1,136 литра.
(Прим. ред.)

Тенцинг имеет в виду рассказ Хиллари о восхождении (см. главу XVI книги Ханта). *(Прим. пер.)*

19

Здесь речь идёт о другом Пасанг Пхутаре, не о Жокее, который покинул экспедицию в Тяньбоче.

«Тиккет» — предупреждение за быструю езду.
(Прим.пер.)

Тем временем, словно нарочно для того, чтобы осложнить дело, во Франции без моего ведома вышла книга обо мне, позже переведённая на ряд других языков. Написанная журналистом, который беседовал со мной в течение получаса, когда я был в Швейцарии в 1953 году, она изобиловала ошибками и была недвусмысленно направлена против англичан. У меня было немало неприятностей из-за неверного представления, которое она давала как о восхождении, так и о моем взгляде на экспедицию.